

ББК 76
А 38

**Факультет
журналистики ВГУ
Академия наук
региональной печати**

АЛЬМАНАХ

Выпуск 1-2 (128-129)
2015

Редакционная коллегия:

**В.В. Тулупов —
главный редактор**
А.М. Шишлянникова
Л.Е. Кройчик
(Воронеж)
С.Г. Корконосенко
(Санкт-Петербург)
А.И. Акопов
А.И. Станько
(Ростов-на-Дону)
Ю.Н. Мясников
(Томск)
В.Ф. Олешко
(Екатеринбург)
А.Л. Факторович
(Краснодар)

ISBN 5-900955-02-8

Корректоры – Т. Коновалова,
А. Князева

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета.

Подписано в печать
04.05.2015. Тираж 150 экз.

Содержание

СЛОВО РЕДАКТОРА

В. Тулупов

Медиавойны регионального масштаба «Молодой коммунары»: до 100-летия оставалось совсем чуть-чуть... 2

ОТКРЫТИЕ НОМЕРА

В. Акаткин

«Жизнь от смерти отстоять...» (На подступах к «Василию Теркину») 12

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЖУРНАЛИСТИКИ

Д. Татаренкова

О специализированной прессе для осужденных 18

О. Д. Феррас, В. Хорольский

Гедонистическая тенденция в журналистских научно-популярных текстах (на материале журналов ЮНЕСКО) ... 25

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Как Бенкендорф «Литературную газету» закрывал 35

ОБРАЗОВАНИЕ

О. Марар, Т. Павлова

Гендерные аспекты в образовании 40

СООБЩЕНИЯ

..... 44

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т. Лебедева

Журналистика в год культуры 48

СТУДЕНЧЕСКИЙ ОПЫТ

Е. Полякова

Эффективность использования рифмы в слоганах лекарственных препаратов 50

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ КОЛЛЕГ

Ю. Головин

Три рассказа 52

В. Кулиничев, А. Смирнов

Три рецензии из «Подъема» 64

SUMMARY OF THE ISSUE 71

В. Тулунов

Медиавойны регионального масштаба

«Молодой коммунар»: до 100-летия оставалось совсем чуть-чуть...

В ноябре 2014 года в воронежских СМИ появилась информация о том, что правительство Воронежской области решило закрыть газеты «Молодой коммунар»¹ и «Ворон и ёж». Как выяснилось в ходе начавшейся дискуссии в социальных сетях, это решение было принято еще два с половиной года назад, и его инициатива принадлежит прибывшему из Липецка и назначенному заместителем руководителя департамента связи и массовых коммуникаций областного правительства Илье Сахарову.

Автор, которого попросили высказаться о сложившейся ситуации, выставил тогда на своей ветке ФБ следующий текст:

«Не знаю о конкретных планах учредителей и издателей, но слышал, что «МК» планируется выпускать в виде нескольких страничек в городских и районных газетах Воронежской области. Может, предполагается какой-нибудь иной вариант, но как будто бы решено, что «Коммунару» в виде отдельного СМИ отпущены последние месяцы. Если это не так, то все равно разговор о судьбе газеты, которой до векового юбилея остается чуть больше трех лет, не будет лишним.

Для меня «Молодой коммунар» – это важная и интереснейшая страница истории воронежской журналистики. И это не дежурные слова, а реальный факт, проверенный мной лично при подго-

товке в качестве редактора-составителя сборника воспоминаний к 80-летию этой газеты, а также при написании кандидатской диссертации, посвященной областным молодежным газетам России. Мало кто знает, что из более пятидесяти газет такого типа лишь семи было дано почетное право выходить три раза в неделю форматом А2, и воронежская молодежка, наряду с тульской, свердловской, уфимской и др., входила в эту семерку лучших. Вообще, достаточно назвать имена Бориса Стукалина, Василия Пескова, Евгения Дубровина, чтобы понять роль «МК» в развитии региональной печати.

Для меня «Молодой коммунар» – это настоящий памятник культуры. Это, как нынче модно говорить, подлинный бренд, судьбу которого должна решать широкая общественность.

Кстати, об брендах, которыми не разбрасываются, а холят и, если хотите, хорошо на них зарабатывают. Давно уже нет комсомола, но есть газеты «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», театр «Ленком». Возможно, бумажная версия «Московского комсомольца» даже убыточна, но эффективный менеджер Павел Гусев понимает значение флагамена своей медиаиндустрии...

Для меня «Молодой коммунар» – это редакция середины 1970-х годов, куда будучи аспирантом я приносил свои заметки, рецензии, карикатуры ответственному секретарю Стасу Никулину, замечательному поэту и человеку, память о котором мне очень дорога.

Для меня «Молодой коммунар» – это и редакция середины 1990-х, когда я в качестве штатного сотрудника разрабатывал и внедрял в действие композиционно-графическую модель газеты, работая бок о бок с выпускниками и студентами журфака.

Да, сегодня всем газетам трудно, и «Молодой коммунар» также переживает непростые времена.

Да, после вопроса «Кто читает «Молодой коммунар»?» в лучшем случае поднимаются две-три руки студентов журфака.

Да, после вопроса «Сколько подписчиков пришло к вам по доброй воле?» редактор «Молодого коммунара» (это было несколько лет назад) бодро ответил: «Нисколько».

¹ Для справки: «Молодой коммунар» – общественно-политическое издание Воронежской области. Учредитель – Департамент связи и массовых коммуникаций области, издатель – АУ Воронежской области «РИА «Воронеж». Издаётся с 6 июня 1918 года, второе после «Коммуны» (издается с 17 мая 1917 г.) старейшее издание Воронежской области. В 1940-е годы, в связи с Великой Отечественной войной, не выходил, был включен в состав газеты «Коммуна». В 1970-е годы тираж «МК» достигал 120 тысяч экземпляров. До 1990 г. «МК» входил в состав Издательства обкома КПСС «Коммуна», потом был выделен в отдельную хозяйственную структуру. До 1991 г. – орган Воронежского обкома ВЛКСМ. В 1992–1994 гг. «МК» выходил под названием «Утро».

Об авторе: Тулунов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

Но почему такое произошло? Как одна из лучших газет страны так резко потеряла в популярности? Причин, конечно, много. Но дело не только в том, что молодежь перестает читать прессу, что она ушла сначала в телевизор, потом в интернет. Дело в том, что «Молодой коммунар» последовательно из журналистики переводили в «пиарналистику» и «пропагандистику», постепенно отлучая от своего читателя. Следующий после «бодрого» редактор публично заявлял, что их редакция сознательно отказывается от «молодежности» – в пользу «взрослости» общественно-политической газеты, официального публикатора официальных документов областного правительства.

Прежде существовала пресса для детей, юношества и молодежи (то же было и в художественной литературе, в кино, в театре), и аудитория росла со своими газетами и журналами. От «Веселых картинок» и «Мурзилки» переходила к «Пионерской правде» и «Пионеру», затем – к «Ровеснику», «Студенческому меридиану» и «Комсомольской правде». То же нередко относилось и к журналистам, начинавшим в детско-юношеской печати и выраставшим до крупных областных, краевых или центральных СМИ. Конечно, СМИ составляли и составляют лишь часть информационного комплекса, решавшего и воспитательные задачи. Но зачем отказываться от проверенного инструмента? Если он затупился – следует заточить его, рассматривая его не только с идеологической или экономической сторон, но и с историко-культурно-общественной».

Далее приведу наиболее характерные отклики на это мнение.

Виктор Перегудов: «В золотые коммунаровские годы работал, как раз в середине 70-х. Удивительная была газета, талантливые люди были. Прежнего не вернуть ни в каком смысле, но потерять Молодой коммунар – как вырвать страницу из истории Воронежа и области и молодежной печати страны. Очень горько».

Дмитрий Носков: «Как чемодан без ручки. Нести тяжело, выкинуть – жалко. И вот господину Сахарову оказалось не жалко. Тоже поступок».

Илья Сахаров: «Уважаемый Владимир Васильевич, не совсем корректно сравнивать «Московский комсомолец», «Комсомолку» и «Коммунар». У них разный контент, и как следствие – модели финансирования и бэкграунд последние 23 года».

Людмила Жданова: «У многих с «Молодым коммунаром» связаны очень теплые воспоминания. Для многих он стал школой журналистского мастерства. И коллектив там был боевой, творческий. Конечно, все меняется. Но как жаль, когда идет разрушительный процесс даже в «брендовых» СМИ, жаль, что не поддерживаются и обесцениваются накопленные добрые традиции. Вся журналистика сегодня терпит изменения, которые далеко не всегда позитивны. Обесценивается труд тех, кто выбрал журналистику делом своей жизни, а не просто «работой для зарабатывания денег». «Искоренение» «Коммунара» – это вовсе не позитивный

путь. Зато кто-то войдет в историю как уничтоживший газету, пережившую Великую Отечественную, послевоенное становление страны, другие сложные периоды жизни, в которой работали уважаемые люди, имена которых все знали, с которой росли поколения людей. Жутко от того, что неактуальными стали честность, принципиальная позиция, творчество, преданность профессии, дискуссия и совместный поиск решения проблемы. Вряд ли это можно заменить, чем-то более достойным».

Алексей Колосов: «Первые уроки профессионализма прошёл в «Молодом Коммунаре» середины 70-х. Учили старшие товарищи, кстати, не только профессионализму, но и быть человеком. Мне, пришедшему в «Коммунар» с улицы, всё это пригодилось, вспоминаю с благодарностью старших коллег – Стаса Никулина, Лёню Коробкова, Витю Одинцова, Рима Варфоломеева, Анатолия Митрофановича Костина... Володя, ты ещё не называл Михаила Евгеньевича Домогацких – это удивительнейший рассказчик, один из послевоенных редакторов «МК», призванных в международную журналистику из этой славной газеты... Мертвеца не оживить нам, грешным, так хоть повспоминать и поплакать...»

Илья Сахаров: «С апреля подписная цена на «Коммунар» выросла в 1,7 раз. В марте мы проводили совместно с ВГУ соцопрос. 27 процентов жителей области были готовы отказаться от подписки, если цена полугодовой подписки превысит 400 рублей. Она близка к 500. Результаты подписки это подтвердили. Падение в целом по стране 20 процентов. 5 миллионов человек за полгода перестали выписывать газеты. В Воронежской области подписные тиражи упали не только у «Коммунара», но и у «Российской газеты», «Берега», «Коммуны», «АиФ», «КП», «МОЁ!». Значительно – на 15-55 процентов».

Алексей Колосов: «Это уже – «про Ерёму»... Говорили наши пророки о смерти газет – получите! Можно и в кавычки взять «пророков», но за разнужданную пропаганду вместо интересной журналистики читатели платить не будут, факт!»

Виктор Перегудов: «Клубок причин. Мы со товарищи, Алексей Колосов и коммунаровцы тех лет подтвердят, под цензурой делали газету с лица не общим выраженьем, прилично утирали нос правоверной Коммуне, да, прямо сказать, творчески делали газету. Сегодняшняя журналистика раздавлена рынком во всех смыслах слова. Но, я вижу, писать хорошо, интересно – удел редких единиц, а когда-то это было общее стремление, общий вектор. А вот фотодело живо-здорово в гораздо большей степени, но мастера и здесь наособицу».

Илья Сахаров: «Уважаемые ветераны воронежской журналистики! Никто не спорит с тем, что в 70-80-е годы «Коммунар» был сильной газетой и хорошей школой. Он и сейчас – Школа. И остается таковой. Это ваши ученики и наследники смогли сейчас создать новый эффективный проект, который востребован людьми. И эти ребята готовы

запустить еще и новые современные проекты. Почему они не должны это делать? Невозможно и глупо закрывать газету, которая эффективна и нужна людям. Но «Коммунар» уже давно, по самым разным причинам, не имел перспектив. И вы все это знаете не хуже меня».

Алексей Колосов: «Вот-вот! О причинах... Точнее, о целях говорить надо. На пути к которым и возникают эти самые «причины». И делать надо только то, что делающих улучшает, а не разрушает. Очень не взвешенное заявление о «давно не имевшем перспектив «Молодом коммунаре», впрочем, в духе времени. Все всё знают лучше всех, никто делать ничего не хочет и не умеет...»

Илья Сахаров: «Цель любого журналистского проекта – читатель. Было несколько попыток реанимировать «Коммунар». Привели они к успеху? Практически полное отсутствие в рознице и административная подписка. Вот к чему пришли. Как из этих рамок вырваться во время конкуренции с сильными частными газетами, Интернетом, резкого роста стоимости почтовых услуг и прочих проблем? Подскажите, пожалуйста. Я не ерничаю сейчас».

Алексей Колосов: «Илья, было бы чудом, коли одна подсказка всё исправила бы, разумеется. Ситуация с «Коммунаром» – урок, из которого никто, увы, не будет делать выводы для себя и для читателей. Проще – открыть «под выборы» что-нибудь, срубить бабок. Тенденция хреновая, если честно».

Владимир Тулупов: «Мне кажется, выпуск молодежного/детского СМИ следует рассматривать не как экономический, а как социальный проект, для которого в областном бюджете должны найтись средства. Конечно, вернуть аудиторию непросто. Но обратитесь к молодежи, которая вам и переформирует СМИ, и редизайн произведет. Пусть молодые пишут, снимают, говорят для молодых (что, конечно, возможно при невмешательстве в редакционную политику). Объявите конкурс, наконец. Кстати, молодые экономисты могут и эффективную маркетинговую стратегию предложить – такие прецеденты в стране есть».

Илья Сахаров: «Владимир Васильевич, а мы не относимся к молодежным проектам с экономической стороны. И насколько я знаю, детский проект собираемся только развивать с помощью ВГУ».

Владимир Тулупов: «Вы пишете о том, что не относитесь к молодежным проектам лишь с экономической стороны и тут же выступаете со следующим обращением: «Если есть люди, которым так дорог бренд «Молодого коммунара» и им хочется развивать этот проект дальше, если у них есть для этого ресурсы, инвесторы, если они знают, как при резком росте почтовых тарифов, коммунальных и типографских услуг, бумаги и серьезной конкуренции сделать эту газету вновь популярной, мы готовы продать или передать этот бренд вам. Есть добровольцы?» Я думаю, всем воронежцам дороги все воронежские бренды. Вот почему они выступают за сохранение стареньких домов, имеющих

связи с историческими личностями или событиями. Вот почему они поддерживают восстановление храмов и т. д. А ведь прямой выгоды вроде нет».

И еще раз: когда дело касается общественно значимых явлений, то решения, принимаемые в кабинетах, должны опираться на консолидированное общественное мнение.

Валерий Мальцев: «Илья и другие коллеги, если позволите только единственный комментарий. Власть, которая не хочет заниматься сбережением собственных печатных СМИ, вскоре будет вынуждена заниматься финансированием СМИ федеральных. Получится недешево. Это только единственный мой комментарий. Больше не будет».

Илья Сахаров: «Валерий, именно потому, что занимаемся сбережением собственных СМИ, мы идём на этот шаг».

Андрей Долженков: ««Маяк» раньше был как Радио России. Ни рекламы, ни платежеспособной аудитории. А сейчас... музыкальным попсовым каналом не стал, но и к нудятине официозной не обратился. А теперь креативный класс – те, кто умеет думать и зарабатывать, – слушают «Маяк». «Молодой коммунар» – подпротух, чего уж там... Но сделать его перезапуск с новой креативной командой и новым современным концептом было бы дешевле и с точки зрения PR – полезнее. Традиции чтутся, нет ощущения, что чужаки на нашей кухне хозяйничают. Нам расколов и так хватает – по культуре шороху навели, союзы журналистов и т. д. и т. п. Разумнее было бы объявить конкурс на новый концепт старейшей газеты Воронежа, чтобы к ее столетию вся журналистская элита приехала в Воронеж и подивилась: как молодо и успешно могут жить региональные СМИ».

Илья Сахаров: «Я хочу напомнить, что в Воронежской области аж ДВЕ областные газеты, которые топчутся на одной поляне с «Коммуной» и мешаются друг другу. Они борются за одного читателя. Логичнее оставить «Курьер» на этой поляне, усилив его, а высвобожденные ресурсы бросить на новые, не освоенные целевые аудитории?»

Владимир Тулупов: «Так их давно надо было развести по аудиториям, что типологически и предполагается. И если слово «мешаются» заменить словом «конкурируют»?..»

Алексей Колосов: «Не просто конкурируют, но и дополняют. Конкурируют по части качества работы, а дополняют по части работы с разными аудиториями... Если это не «сон Веры Павловны»...»

Дмитрий Носков: «Рынок диктует свои правила. Лучше сейчас понижать отрезать ногу и примотать костыль, чем потом загнуться от гангрены».

Алексей Колосов: «Не годится всё валить на рынок! Господь – не рынок! Сколько можно кивать на рынок, наблюдая деградацию?»

Андрей Долженков: «Если все по рынку делать, то все областные газеты надо закрывать. Пересаживание людей, не способных делать интересное издание, из редакции в редакцию ничего хороше-

го не даст. Внешне как бы все логично (сократим расходы, это бизнес, ничего личного), но это решение чисто математическое, концептуальностью не пахнет...»

Владимир Елецких: «В любые годы власть берегла созданное и развивала, вкладывая деньги в слово! Да, пропагандировала то, что хотела. Да, поправляла в свою сторону. Но сегодня, когда у нашей молодежи утрачивается стержень, гаснет интерес к собственной истории, прививаются чуждые ценности, а вместо того чтобы вкладывать средства в слово и искать пути возрождения, «отрубим ногу», оглянемся на рыночные отношения, будем конкурировать... Тут не конкурировать надо! Тут кричать караул: почему не читают! Вот смогло же ведомство Сахарова выпускать бесплатную «Семерочку» тиражом 90000 экземпляров! И денег нашлась! А МК УДУШИТЬ НАДО! Ничего не понимаю. Есть бренд, есть люди. Непонятно откуда ветер».

Алексей Колосов: «Ветер от непонимания, от нежелания вникнуть в проблему и от желания настоять на собственной «правоте», потому что правота существует только одна – моя!.. И рыночная, якобы самая верная».

Светлана Колесникова: «Очень обидно за «Ворона и Ежа». Со своей нишей, со своим читателем, со своей командой ежат. Ну не нужны нынче детские и подростковые издания... Подобная судьба, кажется, в прошлые годы ждала и липецкий «Золотой ключик». Слава Богу, не случилось».

Людмила Жданова: «Газета перестает быть интересной, когда из нее уходит человек, дискуссия, возможность честно и открыто анализировать ситуацию, спор и нахождение компромисса. Читатель сразу видит это. Как только начинается поиск выгоды от издания, СМИ часто на этом и заканчивается. Для читателя поиски экономической выгоды не играют никакой роли. Для него важнее живая жизнь, а не проекты ради рейтинга. Никто на чужие экономические эксперименты подписываться не будет. Сейчас нередко идет не борьба за читателя, а борьба с читателем. Либо такую информацию получаешь, либо никакую... Не верится, что в Воронеже, где имеется прекрасная школа журналистики, где есть десятки прекрасных мастеров пера, можно только прощаться с газетами, и ничего невозможно создать, оживить. Может это все-таки проблема менеджмента?»

Дмитрий Нечаев: «Это проблема региональной власти, которая формирует свое региональное информационное пространство. Иногда далекое от жизни. А менеджеры типа Сахарова и Пименова эту идею претворяют в жизнь».

Ивета Щекина: «Если ориентироваться на рынок, то закрыть газету с таким именем нелогично! Имя есть, история есть – этим разбрасываться нельзя. Это же репутационный капитал, который сохранился даже несмотря на долгие годы дискредитации. Закон «сначала ты работаешь на имя, потом имя на тебя» во плоти. Долго на это имя работали сильнейшие мастера, потому и имя до сих

пор живо. А ведь, честно, газету я читала с трудом уже в начале нулевых, когда готовила в администрации мониторинги для руководителя. Я думаю, найдутся люди (если отпустит цензура), которые захотят наполнить старую форму новым содержанием, старым-новым содержанием. Было бы здорово перенять традиции на новом витке. И интернет как канал функционирования здесь не помеха».

На других ветках пользователей ФБ параллельно шло свое обсуждение:

Д. Н. Нечаев: «В последнее время воронежское облправительство делает очень много ошибок. И только ленивый не видит этого. Причина этого – глава региона окружил себя исполнительными, но недалекими помощниками и заместителями, которые и хороши только в минуты побед, но, не в часы трудностей и преодоления. В данном аспекте, закрытие старейшей газеты «Молодой коммунар» – одна из ошибок. Причем административная ликвидация газеты, имевшей свою славную историю и традиции, является не просто большой ошибкой, а естественной и логической глупостью некоторых приходящих в команду главы области. Конечно, губернатору Алексею Гордееву, как человеку умному и энергичному, по большому счету некогда особенно смотреть за социально-информационным направлением деятельности своей администрации, ему дай бог управиться с оченъ непростыми экономическими проектами в условиях осуществления стратегии догоняющего развития, прессинга инорегиональных олигархов и офшорников-паразитов. Поэтому и творят что хотят чудачки, типа мелкого областного медиабюрократа Ильи Сахарова. Не менее интересным является и стиль облправительства, который заслуживает особого внимания. Во-первых, большинство решений, как правило, принимается без какой-либо публичности и обсуждения, хотя бы на уровне экспертов (при интеллектуальной беспомощности аппарата губернатора привлечение экспертов было бы не лишним). Во-вторых, чем больше глупость, тем больше придается ей некий общественный флер таинственности и глубокомыслия (дескать, смотрите, какое мудрое, проработанное и дальновидное решение). И третьих, когда многое в экспертном сообществе становится на свои места и ошибка видится ошибкой, выводов губернской властью не делается, уроков не извлекается, виновник не наказывается. Более того, с завидным упрямством облправительство и далее идет напролом, прикрывая, как дымовой завесой, очередным мероприятием в стиле «потемкинских деревень» свои ошибки, просчеты и глупости в принятых ранее политических решениях. <...> Подготовленная руководителем управления печати облправительства И. Сахаровым (пришлый из Липецка бюрократ) ликвидация данного СМИ уже сейчас сморится как «дикость дичайшая». Впрочем, недалекому Сахарову этого не понять. И вместо того, чтобы демонтировать не оправдавшую себя ни в содержательном, ни в финансовом

отношении конструкцию информационного холдинга РИА «Воронеж» (холдинг был создан два года назад), чья функция заключалась в установлении полного авторитарного контроля за районными газетами, этот приходец принялся крушить то, что ему не принадлежит. А чтобы сгладить это неприятное для многих воронежцев событие, в столице Черноземья устраивают какой-то непонятный медиафорум, с «выписыванием» из Москвы профильного федерального замминистра Волина. Кстати, Волин тоже хорош. НЕУЖЕЛИ ОН НЕ ПОНИМАЕТ, КУДА ОН ЕДЕТ И КАК ЕГО БУДУТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ? И ДЛЯ ЧЕГО? Неужели он, слепой федеральный госслужащий, не видит, что в российских регионах, где-то в меньшей степени, а где-то, как например в Воронежской области, в большей, медиа давно превратились в службу властителей в феодальных княжествах (по выражению Д. Медведева). Причем, в ущерб своей миссии нести правду и объективность в оценках госструктур, защищать граждан от бюрократии и коррупции власти. Что замминистра на данном форуме будет, скорее всего, прикрывать и освещать несколько иную, расходящуюся с президентской (ОНФ специально помогает неангажированным, независимым СМИ, критикующим власть, а не создающим региональные «культы личности») линию на тотальную управляемость СМИ госчиновниками из областных центров. Поднимет ли замминистра тему закрытия «Молодого коммунара» или нет, это его право. Спросит ли Волин своих региональных подопечных о том, что они сотворили с районками или нет, также останется за ним. Однако это вовсе не значит, что с трибуны форума кто-то да не скажет федеральному чиновнику: «Все государственные СМИ в регионе, в которые вкладываются огромные бюджетные средства, похожи друг на друга, как две капли воды. Но читать там, по большому счету, нечего. И что-то надо менять. До недавнего времени единственным живым форматом печатных изданий, которые читали и которым доверяли, были районки. Их и сейчас выписывают, но вряд ли доверяют. Даже главы районов. Им стыдно за имеющийся контент и за то, что они ничего с административным рвением из области не могут поделаться. Даже вернуть на страницы районов письма читателей»».

Начало формы

Виктор Барт: «Доля правды в этом есть».

Владимир Елецких: «Вот не хотел комментировать, а не сдержусь! Областные газеты читаю. Даже печатаюсь иногда. Но они выходят все реже, скоро станут еженедельниками), а «Коммунар», газету выходящую когда-то многотысячными тиражами, приговорили к «уничтожению». И тут нельзя не согласиться, что «штамповка» под РИА – ЭТО ОШИБКА. Окрики на районки, команды что печатать, это уже просто ручное управление! Неужели свершится «убийство» Коммунара? Вот интересно, его заменитель «Семерочка»? Ктото ее финансирует? Раньше МК был приютом для способной молодежи. И практикантов из журфака. Теперь-то как?»

Д. Н. Нечаев: «История с ликвидацией старейшей газеты Воронежской области «Молодой коммунар» удивительна, поучительна и вызывает ряд важных сопоставлений. Судите сами. В 1988 году редакция «молодежки» фактически выступила против политической линии обкома КПСС и управления КГБ (история с «Черными камнями» Анатолия Жигулина). Это был вызов и даже бунт. Но, первый секретарь обкома КПСС Геннадий Кабасин, нелюдямый и не публичный человек, газету закрывать не стал. В 1995 году тогдашний воронежский губернатор Александр Ковалев поумному подошел к трудностям газеты и в условиях продолжавшейся шоковой терапии в экономике, не вмешиваясь в редакционную политику, обеспечил бюджетное финансирование СМИ. При этом мудро посоветовав тогдашнему редактору Владимиру Колобову вернуть историческое название «Молодого коммунара» (с 1992–1994 газета называлась «Утро»). Выжила газета и при губернаторе-коммунисте Иване Шабанове во второй половине лихих 90х, когда и денег-то не было (бартер и векселя, кто помнит) и, фактически, нормального областного бюджета (Шабанов находился в опале у федеральной власти). При этом без бюджетного финансирования газета на рубеже 2000-х выходила ботысячным тиражом. Что интересно, основу творческого коллектива данного СМИ составляли студенты и молодые выпускники журфака ВГУ, обеспечив в рыночных условиях и «взрослый», и «молодежный» контент издания. Жила газета «Молодой коммунар» и при губернаторе-чекисте Владимире Кулакове. Конечно, этот глава региона много начудесил, один «Воронежинвест» чего стоит, но газету не закрывал и диких бюрократических экспериментов над ней не осуществлял. Доверялся умному и тонкому руководителю управления печати Ивану Щелокову, его профессиональному чутью. И надо же, при более благоприятных временах, при умном и энергичном главе области Алексее Гордееве региональный бренд «Молодой коммунар» уходит в небытие. Не в результате экономических и политических катаклизмов (к примеру, нет денег для врачей и учителей), а в результате волюнтаристских экспериментов заезжего чиновника-гастролера И. Сахарова. Забавно и грустно одновременно. И для губернатора Алексея Гордеева тоже. Кстати, общественность Гордееву может простить и исчезновение «Связьстроя-1», гордости нашей промышленности при кураторстве промсектора в облправительстве еще одного инорегионального приходямца А. Беспрозванных, и трудности ВАСО, который может исчезнуть как крупный флагман года через два, усилив деиндустриализацию области, но ему вряд ли простят «Молодой коммунар». Не то сообщество, не те деяния. Поэтому мой прогноз базируется на двух возможных сценариях. Первый. Взвесив все «за» и «против», нынешний воронежский губернатор дезавуирует решения по ликвидации данного СМИ,

параллельно проведя серьезную экспертизу и аудит финансовых, организационных и творческих управленческих решений своих же подчиненных в медиасфере. И если он объективно оценит содеянное, то судьбе И. Сахарова не позавидует даже Александр Пирогов. И второй сценарий. Новый губернатор Воронежской области, пришедший на смену А. Гордееву, одним из первых своих решений сможет реанимировать газету «Молодой коммунар», воссоздав историческую связь времен и традиций».

Не остался в стороне от дискуссии независимый общественно-политический интернет-портал «4 пера». Одна из его публикаций на эту тему называлась «На руинах «Молодого коммунара» поживится кот в мешке?»:

«Ситуация вокруг приговоренной к смерти в 2015 году газеты «Молодой коммунара», как выясняется, попутно проливает свет на определенные схватки под ковром в медийной сфере Воронежа.

Стало известно, что в новом году, кроме «Молодого коммунара», закрывается проект «Воронежский телеграф» – журнал, который выпускается на базе областной газеты «Воронежский курьер» и который юридически является правопреемником одноименной воронежской газеты, отмечающей в 2014 году 145-летний юбилей. Параллельно – в виде компенсации – на руинах «Молодого коммунара» возникнет новое культурное приложение (возможно, со словом «телеграф» в названии). Однако речь идет об абсолютно новом проекте, который будут делать другие медиаменеджеры. Одно время рассматривалась кандидатура главного редактора газеты «Время культуры» Олега Котина. Такое решение могло стать результатом подковерных сражений лоббистов и профильных чиновников областного правительства.

Дело в том, что последнее время шло активное лоббирование дополнительного финансирования газеты «Время культуры» по линии области. Источники в правительстве называют сумму от 30 до 40 млн рублей. Олег Котин, чья деловая и личная репутация никогда не позволит ему занять почетное место в репутационном резерве Воронежской области (о чем еще будет сказано ниже), тем не менее умудрился обзавестись высокими покровителями на самом верху. Разумеется, таким ходатаям отказать трудно, но заместитель руководителя областного департамента связи и массовых коммуникаций Илья Сахаров и его непосредственный начальник Оксана Соколова – сумели. Но, чтобы пилюля не показалась горькой, дескать, предложили в ответ паллиативное решение – отдать на откуп главреду «Времени культуры» новое культурное приложение, на что сам Олег Котин периодически таинственно намекал.

«Сам Олег Котин на своей странице в Facebook и на сайте газеты писал, что у него появится вторая газета или журнал. Поскольку он выпускает качественный продукт, решение помочь ему заинтересованных лиц вполне оправданно, – заявил

издатель и общественный деятель Николай Сапелкин. – Особенно на фоне той заботы областного правительства, которая выражается в выпуске для хозяйственных нужд воронежцев 112 миллионов полос в год раскрашенной бумаги формата А3 под маркой «Семерочка». И поговаривают, что планируют в будущем обеспечить нас крашеной оберточной-бытовой бумагой по одной штуке в день, доведя общий тираж до 333 миллионов, бюджет – до ручки, газетное дело – до маразма. Уж лучше бы чистую бумагу раздавали, так пользы больше».

Мы поинтересовались планами на время после «Молодого коммунара» непосредственно у профильного чиновника облправительства Ильи Сахарова.

По поводу закрытия «Воронежского телеграфа» наш собеседник ответил следующее:

«У нас много проектов, которые мы думаем, как модернизировать. Мы обсуждаем несколько концепций дальнейшего развития «Телеграфа». Однозначно нужно работать с целевой аудиторией. То, как сейчас работают, – ни нас, ни аудиторию не удовлетворяет. Газета сводится к тому, что описывает события, которые потеряли свою актуальность. А мы хотим более интересно и современно рассказывать, более глубоко, может быть, копать. Так что есть несколько версий будущей жизни «Телеграфа».

«Имеет ли к какой-нибудь из них отношение Олег Котин?»

«Прежде чем вложиться в некий субъект, надо, чтобы его деятельность была, во-первых, прозрачна, а, во-вторых, – адекватна. В том проекте, о котором идет речь, ни первого, ни второго мы не увидели. Мы проводили проверку по контрагентам, и Олег Котин оказался ненадежным партнером, скажем так, – он должен очень многим организациям, включая типографию. А также – своим сотрудникам. Так что репутация здесь запятнана. Брать кота в мешке не хотелось бы. Но меня попросили провести проверку, я ее провел, дальнейшее решение уже не в моей компетенции».

По поводу лоббирования денежного транша для газеты «Время культуры» Илья Сахаров спросил: «А кто вам сказал, что ему хотели дать 40 млн рублей?»

«С нашей стороны ничего такого не планировалось. В ситуации, когда в стране и в мире экономический кризис, когда в области есть проблемы, увеличивать расходы на СМИ было бы странно», – твердо заявил чиновник, давая понять, что вопрос как с самим Олегом Котиным, так и с областным финансированием его издания уже решен.

Тем не менее, наверное, не стоит рубить газету с почти вековым стажем с плеча, а, как предлагал декан факультета журналистики Воронежского госуниверситета Владимир Тулупов, решать вопрос в ходе широкой общественной дискуссии. Хотя бы как это делается на публичных слушаниях в городском парламенте. Не исключено, что по итогам такого обсуждения решение власти не изменилось бы (как опять же происходит на слу-

шаниях в гордуме), и «Коммунар» все равно бы закрыли, но зато появилась бы возможность вынуть всех котлов из всех мешков».

Похоже, обсуждение так и осталось обсуждением, потому что похоже, что власть для себя уже все давно решила, и поддерживала дискуссию в соцсетях для того, чтобы выпустился пар... Примечательна такая фраза Ильи Сахарова: «Если есть люди, которым так дорог бренд «Молодого коммунара», и им хочется развивать этот проект дальше, если у них есть для этого ресурсы, инвесторы, если они знают, как при резком росте почтовых тарифов, коммунальных и типографских услуг, бумаги и серьезной конкуренции сделать эту газету вновь популярной, мы готовы продать или передать этот бренд вам. Есть добровольцы?»

Отсюда выводы: представителям власти, отвечающим за региональную информационную политику, бренд газеты «Молодой коммунара»; ответственность за сохранение одного из важнейших звеньев в системе областной прессы она перекладывает на плечи... неизвестно кого.

Вот о чем сообщило в корреспонденции «До лета «Воронежский курьер» и «Молодой коммунара» должны слиться» интернет-издание «Политгазета.ру» в начале марта 2015 года:

«Редакции крупнейших в регионе государственных газет живут в ожидании реорганизации. Журналисты и того, и другого издания гадают, что с ними будет. Правительство области обещает решить проблему практически безболезненно для сотрудников и того, и другого бренда.

В связи с ликвидацией юридического лица газеты «Воронежский курьер» сотрудникам редакции предлагают переоформить трудовые отношения. Большинству взамен утраченных должностей предлагаются аналогичные или похожие в общем юридическом лице – РИА «Воронеж». Но всех ли возьмут, вот в чем вопрос?

У журналистов «Молодого коммунара», который перестанет существовать на бумаге 1 июля 2015 года, свои трудности перехода. Часть из них, очевидно, будет создавать «Воронежский курьер» и «Воронежский курьер – 7», а часть будет работать на портале РИА «Воронеж» или в новых интернет-СМИ. Выпуск детской газеты «Ворон и ёж» может взять на себя Воронежский университет.

Кто будет руководить обновленным «Воронежским курьером» и в каком формате будет выходить газета, пока неизвестно. Говорят о том, что «Курьер» может сменить периодичность, станет еженедельником, выпускаемым форматом А3 на 24 страницах. Или даже на 16ти.

Пока коммерческие службы «Воронежского курьера» переедут на улицу Плехановская, в офис РИА «Воронеж», а журналисты «Коммунара» к лету обнесутся на Пушкинской. Но, возможно, в перспективе подразделения РИА «Воронеж» сольются и в физическом смысле, все вместе переедут на улицу Сакко и Ванцетти, в специально отведенное для этого помещение.

Серьезные изменения ожидают и коммерческие структуры РИА. В ближайшей перспективе здесь попробуют значительно расширить и укрепить свою службу экспедирования, транспортировки и доставки газет до читателя, сведя к минимуму взаимоотношения с «Почтой России».

О журналистике, журналистах и «иностранных агентах»

В конце зимы 2015 года воронежские СМИ сообщили «горячую новость»: Министерство юстиции РФ планирует регистрацию воронежского Центра защиты прав СМИ² в качестве иностранного агента. Основные претензии областного управления Минюста были связаны с публичными выступлениями руководителя Центра, медиаюриста Галины Араповой (их сочли политическими), а также с тем, что эта правозащитная организация финансируется из иностранных источников (Центр, самостоятельно не вошедший в реестр иностранных агентов, должен внести штраф от 300 до 500 тысяч рублей).

Между тем, иностранные гранты использовались Центром лишь для отдельных целевых проектов (недавно он получил субсидию правительства Воронежской области на проведение встреч, посвященных журналистской этике). И медиаэксперты, и журналисты, написавшие об инциденте, считают высказывания Галины Араповой «обычной критикой законодательства спорного правового качества». В качестве иллюстрации этого приведем ряд высказываний Г. Араповой:

«Журналистика в России во многом выстроена на взаимоотношениях личных. Если ты не идешь через парадный вход, чтобы тебе предоставили доступ к информации официально, то ты звонишь по мобильному телефону нужному чиновнику в частном порядке... или звонишь другому чиновнику. Такая специфика российской журналистики не позволяет журналисту отстаивать свои права публично, гласно, используя правовые механизмы, и не в наших силах это изменить... А давление на журналистов и СМИ сейчас приобрело более «цивилизованные» формы, чем это было в 90-х годах прошлого века. Уже не используется физическое насилие или угрозы по телефону. Чаще всего делают так, что журналисту самому не захочется писать что-то, потому что это «что-то» не в рамках редакционной политики. В результате образуется очень

²Для справки: Центр защиты прав СМИ – некоммерческая организация. В основе ее работы – защита прав редакций и журналистов, содействие становлению в российских СМИ свободы слова и свободы выражения мнения как фундаментального элемента правового государства. Центр, деятельность которого давно распространилась на всю Россию, зарегистрирован в ноябре 1996 года и располагается в Воронеже. Он признан экспертной организацией в области защиты прав журналистов и в целом свободы слова на международном уровне, представляя интересы профессионального сообщества в Европейском суде по правам человека, Совете Европы, в рамках двустороннего диалога Европейского Союза и России по правам человека.

узкий список тем, на которые можно спокойно писать. Какие-нибудь отчеты о деятельности, либо что-то позитивно-нейтральное, типа про достижения, навод, погоду».

«В Воронеже сложились иные отношения между властью и прессой. Много решается на уровне взаимных договоренностей, личных контактов, практически все ключевые персоны по обе стороны друг друга знают или имеют общих знакомых, что во многих случаях позволяет урегулировать конфликт без использования правовых процедур. Помимо этого, многое определяется существующими договорами на информационное обслуживание, которые вопреки интересам профессиональной независимости редакции заключают с органами власти – для финансовой «поддержки штанов». А это, так или иначе, ограничивает свободу СМИ при освещении тех или иных тем, сдерживает их критические порывы. Иногда открыто просматривается действие классического правила – «кто платит, тот и заказывает музыку»... Хотя накал общественной дискуссии ниже, а спектр различных точек зрения на страницах прессы существенно менее разнообразен по сравнению с концом 90х, все же, справедливости ради, не могу сказать, что у нас пресса совершенно пресная».

«Вот, скажем, Скрынников отличался склонностью к сутяжничеству. Он подавал иски по совершенно смешным поводам. Вспомнить только иск к «Воронежскому курьеру», где он судился из-за фразы в публикации: «Вероятно, Борис Михайлович не до конца отдает себе отчет в том, что население города ему мало доверяет». Эта фраза сама по себе, во-первых, является оценочной, а во-вторых, построена была на данных опроса, сделанного Институтом общественного мнения «Квалитас». Начав судиться по этому поводу, градоначальник выставил себя в еще более глупом свете, учитывая действительное отношение горожан к нему в тот момент... Тот иск так и не был рассмотрен в связи со сменой руководства города. Что же касается областных властей, то когда-то подавал иск губернатор Иван Шабанов, и лет пять назад подавал иск первый вице-губернатор Сергей Наумов, уже бывший. Оба иска к прессе они проиграли».

«Мы всегда были нейтральными, не занимались политикой, не вмешивались во внутриредакционные споры, потому что они чаще всего носят творческий или межличностный характер. Мы никогда не вмешивались и в конфликты между редакциями, потому что Центр защиты прав СМИ изначально должен занимать позицию редакции, а при конфликте двух редакций это будет шизофрения в одной отдельно взятой голове. Мы заработали свое имя тяжелым многолетним трудом, и сейчас оно работает на нас: к нам достаточно уважительно относятся как наши основные клиенты – пресса, так и власть».

«Не могу сказать, что нам очень легко работало и работает. Мы – в зоне риска, потому что мы некоммерческая организация, которая

занимается не только юридической практикой, но и исследованиями, просвещением, мониторингом в области свободы выражения мнения и права на информацию. По сути, это относится к защите прав человека, а правозащитным организациям, в последние годы особенно, в нашей стране создают весьма спорный имидж: то к шпионам причисляют, то снимают налоговые льготы, а зарабатывать на защите прав человека практически невозможно ни в одной стране – не та сфера, чтобы развивать коммерцию... Но, с другой стороны, противовес этому составляет высокая репутация нашей организации. Мы все же больше экспертный правовой центр, специализирующийся на проблемах медиаправа, регулировании свободы выражения мнения, профессиональной защите и просвещении журналистов, юристов, специализирующихся на информационном праве. Мы одинаково поможем и крупной редакции, типа «Коммерсанта», и маленькой районной газете, проконсультируем и орган власти по вопросам своей компетенции и поможем урегулировать конфликт, возникший в области прессы. Но круг наших интересов намного шире – нас интересует все, что потенциально может повлиять на информационную среду, на свободу выражения мнения, профессиональную деятельность редакций и журналистов, на право граждан на доступ к информации».

Одними из первых по поводу возникшей ситуации высказались преподаватели и студенты факультета журналистики ВГУ, направившие в Минюст России и области открытое письмо:

«Управлением Министерства юстиции РФ по Воронежской области было принято решение о внесении воронежской общественной организации Центр защиты прав СМИ в реестр НКО-иностранных агентов. Этот факт вызывает у нас серьезную обеспокоенность.

Центр защиты прав СМИ существует в Воронеже с 1996 года и пользуется авторитетом не только в журналистской среде, юридическом сообществе, но и в государственных органах региона.

В течение многих лет сотрудники этой организации активно и плодотворно работают в сфере массмедиа, способствуя повышению качества журналистики в Воронежской области.

Юристы Центра защиты прав СМИ постоянно и на безвозмездной основе представляют интересы журналистов и редакций в судах. Они защищают всех, независимо от политической позиции и учредителя СМИ. В числе редакций, интересы которых защищали работники Центра – и государственные, от небольших «районков» до ВГТРК и «Российской газеты».

Центр регулярно проводит бесплатные семинары и тренинги для журналистов, повышая их правовой уровень, формируя профессиональную ответственность. Организация готовит и выпускает методические пособия по правовым аспектам деятельности журналистов и редакций СМИ.

Многие обучающие и консультационные проекты Центр реализовывал совместно с государственными органами и учреждениями, в том числе областными правительствами, МВД, прокуратурой, Роскомнадзором и ФАС.

Качество работы сотрудников Центра неизменно получает высокую оценку специалистов в области права и в журналистской среде.

Многие годы юристы Центра сотрудничают с учебными заведениями страны, в том числе и с факультетом журналистики ВГУ: проводят занятия, участвуют в образовательных проектах для студентов. Их деятельность позволяет формировать у студентов-журналистов правовое сознание, ответственное отношение к будущей профессии.

Во всех перечисленных случаях сотрудники Центра защиты прав СМИ занимались исключительно своей профессиональной – юридической – деятельностью. Они не организовывали политических мероприятий и выступлений, не участвовали в них. Нам представляется, что оценка их деятельности как политической и последующее решение о внесении организации в реестр иностранных агентов – ошибка. Организация, которая участвовала в течение почти 19 лет в построении правового общества, сотрудничала с государственными органами, была посредником в конфликтах, призвала к соблюдению юридических и этических профессиональных норм, не может считаться агентом влияния иностранных государств.

Внесение Центра защиты прав СМИ в реестр иностранных агентов, несомненно, будет иметь крайне неблагоприятные последствия не только для самой организации, но и для журналистского и юридического сообществ нашего региона. Статус иностранного агента может затруднить работу Центра и, как следствие, привести к его закрытию. От этого пострадает вся медийная сфера региона. Отсутствие грамотных консультантов, медиаторов в спорах и конфликтах СМИ легко может спровоцировать усиление социальной напряженности в регионе. И это может произойти в то время, когда стране жизненно необходима стабилизация общества.

Мы призываем пересмотреть решение Минюста Воронежской области и провести повторное объективное изучение деятельности Центра защиты прав СМИ».

С открытым письмом в защиту Центра выступила и Гильдия аналитических журналистов:

«Уважаемые господа, коллеги!

На наш взгляд, специалистами управления Министерства юстиции РФ по Воронежской области в ходе проверки некоммерческой общественной организации «Центр защиты прав СМИ» допущена ошибка, в результате которой, по сути, запущена процедура включения воронежского Центра, специализирующегося на просвещении в области медийного права и правовой защите журналистов, в реестр «иностраннных агентов». Получение подобного статуса может усложнить НКО сотрудничество, в том числе, с госструктурами;

грозит сворачиванием ряда просветительских программ, а также имиджевыми потерями как для Воронежской области, так для РФ в целом.

Для нас же это проблема, масштабы которой сегодня сложно переоценить. Фактически тысячи различных средств массовой информации в России и даже за ее пределами могут лишиться квалифицированной правовой помощи. Думается, специалисты Минюста неверно истолковали некоторые общеизвестные факты. Например, о том, что НКО получает гранты по нескольким европейским программам. Представители Центра никогда это не скрывали (информация об этом всегда была открыта для соответствующих госструктур), впрочем, как и цели расходования денег. Их тратили на защиту прав СМИ и просвещение в области медиаправа, что и составляло всегда основу деятельности Центра.

В акте о результатах проверки большое внимание уделяется «политической» деятельности руководителя Центра Галины Араповой, но в качестве доказательства используются цитаты из многочисленных интервью госпожи Араповой, в которых она выступает именно как медиаэксперт. Таким образом, выводы о том, что Центр «занимается ярко выраженной политической деятельностью», «получает средства от иностранных источников» и поэтому «является НКО, выполняющей функции иностранного агента, сведения о которой подлежат включению в соответствующий реестр», достаточно сомнительны.

Отметим, что в России уже стартовала акция поддержки Центра защиты прав СМИ, расположенного в городе Воронеж. За несколько дней к группе поддержки «Нам нужен Центр защиты прав СМИ» в сети Facebook присоединились около 1 тысячи журналистов со всей страны. Письма в поддержку Центра выпустили Европейская Федерация журналистов, факультет журналистики Воронежского государственного университета и др. организации.

2 марта директор Центра Галина Арапова приглашена в управление Минюста по Воронежской области для составления протокола об административном правонарушении, которое заключается в том, что она не включила в реестр иностранных агентов свою организацию по собственной воле. Выражаем надежду на пересмотр результатов проверки Центра».

Это письмо подписали 19 членов ГАЗ и несколько сочувствующих журналистов.

24 февраля Дуня Миятович, представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, призвала прекратить давление на НКО. Озабоченность госпожи Миятович вызывает «дискриминация медийных организаций под туманными предлогами», в частности «преднамеренное и повышенное давление на воронежский Центр защиты прав СМИ». Представитель ОБСЕ также подчеркнула, что наряду с воронежской НКО аналогичным проверкам в 2013 и 2014 годах подвергался Институт региональной прессы (Санкт-Петербург) и Институт развития

прессы – Сибирь (Новосибирск)³, в результате чего обе организации попали в список иностранных агентов⁴.

В общем, намерение включить Центр в реестр иностранных агентов вызвало широкий общественный резонанс, но такое повышенное внимание общественности к ситуации вряд ли повлияет на решение Минюста.

Социальные сети, блоги и интернет-СМИ также включились в обсуждение сложившейся ситуации. Так, руководитель интернет-портала «Четыре пера» Константин Чаплин, с которым согласился публицист Виктор Лиходзиевский. Написал: «Безусловно, Центр во главе с Галиной Араповой многое сделал для воронежской журналистики, никто не спорит. Меня лично девочки отмазывали от претензий со стороны лидера этнической ОПГ Ровшана Большого, редакции «Коммерсанта» в Черноземье» и «Воронежского курьера», которые я возглавлял в разное время, – неоднократно защищали по разным поводам. Но не очень понятен нынешний ажиотаж вокруг Центра защиты прав СМИ. Особенно смущает интервью Галины Юрьевны ультралиберальному телеканалу «Дождь», единственному из отечественных каналов, которому СБУ (аналог ФСБ на Украине, враждебному Российской Федерации государству) дала аккредитацию.

Центр что, закрывают? Да вроде бы нет. Финансирования лишают? Да вроде бы тоже нет. Ну, появится статус иностранного агента. И что? Так они и правда агенты, как нам кажется, – в том смысле, что продвигают либерально-атлантические цен-

ности и представления о свободе слова. И да, они занимаются политикой. Единственная угроза Центру – возможный штраф в 500 тыс. рублей. Вот на какую тему надо думать. На наш взгляд, вокруг Центра поднялась несоответствующая событию истерия. А вот когда журналистов в Новороссии убивали, а в Воронеже решали закрыть «Молодой коммунар», те же люди молчали. Ибо свобода слова для кого надо свобода».

«Пару лет назад, будучи корреспондентом «Вестей», я в составе съемочной группы проиграл суд одному крупному воронежскому наркоторговцу, – признался журналист Роман Перегудов. – Нас было трое, каждый проиграл по 60 тыс. рублей компенсации за поруганные честь и достоинство. Проиграли исключительно потому, что штатный юрист воронежского филиала ВГТРК просто не явился в суд, откровенно нас сливая. После решения суда на нас вышли девушки из Центра защиты прав СМИ. И предложили свою помощь. Бесплатно. И в апелляции разделали истца под орех. За что мы – я и мои друзья – безмерно признательны и девушкам, и Галине Араповой лично. Они хорошие люди, которые делают добрые дела, – побольше бы таких!»

Сейчас, будучи уже сотрудником *Life News*, узнав о внеплановой проверке регионального управления Минюста в Центре защиты прав СМИ, я попытался выяснить, что происходит на самом деле, из первых уст и обратился сразу к Галине Араповой лично – и был удивлен ее реакцией на мой телефонный звонок. «С вашим изданием нам говорить не о чем!» – заявила Галина и на следующий день отправилась на телеканал «Дождь» давать большое интервью. Я не подвержен политическим и околополитическим истерикам и стараюсь не принимать участия в онлайн-баталиях, но пост Константина Чаплина в соцсети *Facebook* очень близок мне по духу, и во многом мое личное восприятие ситуации продиктовано не совсем объективным отношением Галины к СМИ. Что меня лично, не скрою, очень удивило».

³ «Между тем в Минюсте придерживаются иной точки зрения. В частности, начальник регионального управления министерства Владимир Орлов заявил, что сложившийся в советский период отрицательный стереотип словосочетания «иностран- ный агент» давно утратил свое негативное значение. Таким образом, по мнению господина Орлова, никакого давления на Центр не оказывается: статус «иностранного агента» свидетель- ствует лишь о финансировании со стороны зарубежных и меж- дународных организаций». – Прах А. ОБСЕ призвала Минюст прекратить «клеить» воронежский Центр защиты прав СМИ / А. Прах // http://abireg.ru/n_44522_com.html (дата обращения 18.03.15).

⁴ Сейчас, по информации регионального управления Ми- нюста, на территории Воронежской области зарегистрировано 13 «иностраннных агентов».

В. Акаткин

«Жизнь от смерти отстоять...»

(На подступах к «Василию Теркину»)

Аннотация: В статье рассматривается эволюция темы войны и мира, жизни и смерти в поэтическом творчестве А. Т. Твардовского 20–30-х годов, формирование его мировоззрения, содержательных и стилистических основ народной эпопеи «Василий Теркин».

Ключевые слова: Мир, война, жизнь, смерть, сюжет, мотив, время, пространство, человек, народ, романтизм, реализм, стихотворение, поэма.

«Василий Теркин» А. Т. Твардовского, по признанию многих фронтовиков, – один из самых значимых духовных сподвижников Победы. «Трудно даже оценить, какую огромную роль сыграл “Василий Теркин” во время войны», – говорил Г. К. Жуков [1]. Поэт долго, как и русский народ, собирался с силами, искал самые нужные, самые прицельные слова, чтобы поддержать, вооружить солдата и победить вместе с ним, чтобы его любимый герой навечно стал ровесником Победы...

С самой ранней поры, спеша «за бегущим днем, как за огневым валом», Твардовский задумывается и над проблемами вечными, одной из которых встала перед ним проблема войны и мира, жизни и смерти. Если злоба дня выводила его на антиномию «старое-новое», то «жизнь-смерть» или «мир-война» обращала к вопросам всеобщим и вечным. Внимательным детским слухом воспринимал он рассказы односельчан о первой мировой и гражданской, что-то увидел и помнил сам. Дед Гордей, служивший солдатом-бомбардиром в царской армии, часто предавался воспоминаниям и пел рекрутские и солдатские песни любимому внуку. Отец поэта был мобилизован на первую мировую, вокруг его службы возникали всяческие разговоры и почти детективные сюжеты.

Уже с октября 1926 года юный поэт печатается в газетах Белорусского военного округа «Красноармейская правда» и «Красноармейская правда на селе» (23 публикации до февраля 1930 года). Значительно, что в годы войны на страницах той же «Красноармейской правды» в 1942–1945 гг. печаталась «Книга про бойца», в которой прозвучали ве-

ликие слова, выразившие высокий смысл нашей борьбы с фашизмом: «Ради жизни на земле...»

То, что наши поэты так привержены к теме войны, нельзя назвать ни их заслугой, ни прихотью пылкого воображения. Война – извечный спутник человеческой истории, ее смертоносный меч не пощадил ни одного поколения. В нашем сознании история разделилась на прошлое, реально бывшее, и виртуальное, весьма проблематичное будущее. В прошлом – более 1500 войн, унесших 4 миллиарда жизней (один только XX век – свыше 100 миллионов), а в будущем – угроза одной мировой, способной уничтожить всё живое. Уже в годы второй мировой, по словам Д. Проэктора, «произошло всеобщее осознание угрозы существования не отдельных людей, но большинства человечества» [2, 96]. Способно ли это «осознание» остановить набухающую войну сегодня? В состоянии ли воля к жизни одного народа превозмочь покушение на волю к жизни других народов? Возможно ли исключить войну как весомый аргумент в пользу технологического прогресса? Эти вопросы остаются трагически открытыми. На уровне духовно-нравственном ответы давно найдены: в «Трактатах о вечном мире», в мировой гуманистической литературе, в сердцах и умах простых людей. В том числе и в творчестве Твардовского, прежде всего в народной эпопее «Василий Теркин». Но путь к этим ответам не был коротким и легким.

Его ранние стихотворения, перенасыщенные противостояниями и противоборствами (иного материала эпоха не предлагала), постепенно снижают градус напряжения и к началу 30-х годов обретают образно-эмоциональное единство. Конфликты внутри своих уступают место противостоянию внешним силам, главной опасностью для новой жизни становится война. И чем явственнее проступали угрозы мирной жизни, тем полновеснее и сочувственнее становилось слово Твардовского. Среди поэтов XX века он в наибольшей степени обращен не к собственному «Я», а к миру, к сокровенной жизни народа, ее ладу и разладу, ее бедам, горестям и очарованиям.

Мотивы войны учащаются в стихотворениях Твардовского по мере обретения зрелости (призывного возраста), осознания своего призвания и своего пути в литературе. В духе романтических представлений комсомольских поэтов 20-х годов он твердо заявляет о своей готовности «встретить кровь и смерть» в бою. Обращаясь к любимому коню, который вскоре может стать боевым, он признается:

Об авторе: Акаткин Виктор Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора филологического факультета Воронежского государственного университета.

*Мой друг, мы нынче на счету
И воевать, быть может, станем [3].*

Но спокойная интонация лишена какой-либо воинственности, юный поэт словно взвешивает на весах аргументы сторон: войны и мирной тишины.

*Мы бережем хлеба и травы,
И мирных пашен тишину –
Вот потому должны войну
Мы выдержать всегда со славой.*

*Но все же, мой послушный друг,
Пройдет война грозой вчерашней –
И снова мы заставим плуг
Рыхлить оставленные пашни [3].*

Заметим, что уже в ранних стихах Твардовский стремится преодолеть (правда, не всегда это ему удастся) книжную романтизацию войны и соотносить свое понимание с народным. И даже слава, так приманчивая для юноши, приглушается мыслью о том, что она желанна не сама по себе, а ради защиты мирных пашен. Война, возможная в будущем, неожиданно названа «грозой вчерашней», будто она уже исключена из жизни, оставлена в прошлом. А незбылемы и вечны мирные поля, хлеба и травы.

Но какой юноша не мечтает о подвигах! Да чтобы все видели и восхищались! О жарких сражениях, в которых бы он храбро и ловко побеждал врагов! Мечтал и юный Твардовский в своей хуторской глуши, начитавшись всяческой приключенческой «дребедени», от которой кружится голова [4, 297]. Правда, у его мечтаний были свои основания: замкнутость и однообразие хуторского существования, домашние тяготы, отцовские строгости, нереализованность душевных порывов. К тому же переломное, неустоявшееся время никак не располагало к идиллическим настроениям, к умиротворенности. В стихотворении «Костер», посвященном Ване Прудникову (видимо, такому же юноше-мечтателю), Твардовский так рисует воображаемую картину боя:

*Сплетается пламя
С моею мечтой –
Я в пламени вижу
Невиданный бой.*

*Я в пламени вижу
И схватки... и кровь...
Вот рубятся злобно,
Притихли... и вновь...*

*И к скольким – несчастным
Смерть снизошла, –
Вот тлеющий пепел –
Сраженных тела... [5]*

Чего тут больше – ужаса? восторга? упоения? Окровавленные сабли, алый пепел сожженных, неисчислимы жертвы побоища – вот о чем он хочет рассказать своему другу. Зачем? Устрашить? Воодушевить? При этом поэт убежден, что эти ужасные «виденья – не зря!»

*И я понимаю –
Мы видеть должны
Во всем незаметном
Виденья войны.*

*Затеplit готовность
Кровавый костер –
Врагу подготовим мы
Жестокий отпор! [5]*

Не ясно, кто и за что здесь сражается, каких «несчастных» (своих ли, чужих?) жалеет поэт. Ясно одно: костер – это и отдельный бой, и война, и воспаленная мечта броситься в костер войны против врага. Поколение Твардовского знало, что ему не миновать костра войны, что оно будет опалено его огнем. Жертвуя собой, оно готово было отказаться от всего: от школьной парты, от дома, от любви, от жизни. Ему необходимо было прорваться в запретное, в какие-то немислимые высоты, в саму мечту, где всё возможно, где породнятся свобода и необходимость. Однако Твардовский был трезвее своего романтического поколения (наверное, в силу прозаической, аналитической наклонности своего таланта и природной мудрости), он реалистичнее воспринимал его мечтательные порывы и их последствия.

В стихотворении «Любимой» он хочет («он» тут – не обязательно автор, хотя автобиографическое не исключено) сказать ей то, «чего не выведала б мать».

*Я жду грозу над тишью нив
И от неё не побегу я.
Да, я уйду, тебя сменив,
Но не на девушку другую.*

*Уйду в сраженья и бои,
Уйду, забыв глаза твои.
Любовь и ласку не должны
Мы помнить в строгостях войны [6].*

Но этот порыв, это добровольное отречение от самого дорогого, догадывается Твардовский, дорого стоит, быть может, жизни героя и необъяснимых страданий любимой.

*Увижу и огонь и кровь,
Походов и сражений муки.
Быть может, под родимый кров
Вернусь безногий иль безрукий.*

Он видит себя «обрубком жутким», вызывающим у встречных «дрожь отвращения». Нагнетая эти «инвалидные» подробности перед любимой, он словно мстит ей за что-то, видимо, подозревая, что она не примет его таким. Жертвенность оборачивается непониманием и драмой, какой-то ущербной гордыней потерпевшего в бою. «Не торопись переживать неоценимые мгновенья», – мстительно заявляет он любимой. Мотивы войны позволяют тут раскрыть сложную психологическую коллизию, которая под силу только прозе или, как говорится, поэту со стажем. К тому же многие юношеские сентенции насчет славы и любви будут радикально пересмотрены Твардовским «в дни беды»

и в дни побед» на настоящей войне. Но уже в ранних стихотворениях он пытается осмыслить войну не в книжно-романтическом ключе, а конкретно-исторически, через характеры и судьбы людей.

Рассказывая в стихотворении «Бывал в плену. Отравлен газом...» об одном председателе сельсовета, и в мирные дни живущем по-фронтовому, он внимателен к подробностям его нескладной семейной жизни.

*Бывал в плену. Отравлен газом.
Не раз участвовал в боях.
С войны хромым и одноглазым
Пришёл он в мирные края.*

*В своей избе ночует редко –
С бумагами не разложись.
Жена кудахчет, как наседка,
Клянёт его «собачью жизнь» [7].*

Поэт разглядел в нём не только героя-подвизника, но и живого человека, пострадавшего от войны, то, как она его искалечила, обрекла на муки и непонимание близких.

Внешняя, демонстративная героика уступает место способности человека преодолеть себя, и это не меньший подвиг, чем сразить врага в кровавом бою. Четверо дезертиров самовольно покинули полк и спешат с фронта к дому, бегут от ужаса и крови, от болезней и смерти.

*И я уносил
Свой смертельный испуг,
И там воевал
Мой оставленный друг [8].*

Они уже близко к цели, уже предвкушают домашние радости, но вдруг совесть заговорила в рассказчике, и он, посмотрев в глаза товарищам,скомандовал: «Назад!» Двое согласно кивнули «да», третий, обессиленный, уже не мог подняться.

*А мы повернули
На степи опять
Чтоб где-то винтовки
Свои отыскать.*

*Чтоб кинуться к бою
Безумнее всех.
И тем искупить
Наш постыдный побег! [8]*

Многие из названных выше мотивов и ситуаций, но уже преображенные зрелым мастером, так или иначе отзовутся в стихотворениях «Фронтовой хроники» и «Василии Теркине». Нам важно увидеть, из какого юношеского «сора» выростали произведения народного поэта, как он был един и последователен в своих творческих устремлениях, в каком направлении он развивался.

Постепенно отдаляясь от романтизации «невиданных боёв», от исключительных героев-мечтателей, Твардовский приходит к воплощению героя подлинно реалистического, обыкновенного, психологически убедительного и правдивого во всём, в каждом жесте, в каждом душевном движении, в каждом слове. Это опять-таки более свойственно

прозе, чем стиху, но он поднимает прозаическую фактуру до подлинно поэтических высот. В ранних стихотворениях, говоря словами Маршака, на это не всегда хватало «тяги»: проза, будучи зарифмованной, лишь внешне напоминала поэзию. Однако путь между стихом и прозой был сознательным выбором поэта. О своих экспериментах в разработке тематического, сюжетно-повествовательного стиха он рассказал в неизданном предисловии к сборнику стихов 1933 года (тоже неизданном). Настроенный на прямое участие в жизни (комсомол, селькорство, культурно-массовые кампании), он стремился перенести эту жизнь в поэзию. Отсюда его «резко отрицательное» отношение к литературщине, наработанным приемам поэтичности, книжному словарю, декларативности и т. п. Всею этому противопоставлялось: фактическая конкретность, сюжетность, повествовательность стиха, «обороты газетно-ораторской речи, разговорные интонации» и т. п. На практике это приводило порой к «холодному описательству», «объективизму», «ритмической расслабленности», снижению лирического напряжения [9]. Самооценки поэта излишне суровы и не всегда справедливы; ведь эти поиски привели к созданию неповторимого стиля, который мы называем стилем Твардовского.

В этом стиле существенность содержания, тематическая сердцевина, обретаемая свойства объективного свидетельства о жизни человека, одновременно становится исповедью души, настроением, музыкой, лирикой непрямого выражения. Это реализуется и в стихах о войне, о людях армии. К ним Твардовский по-особому внимателен с ранней юности. Он охотно отмечает всё новое, что входит в армейский быт, рассказывает о красноармейцах, которых армия воспитывает и возвращает в трудовую жизнь. Он приходит к мысли, что армия наша должна служить миру, не только защищать страну от врагов, но и бороться с отсталостью, косностью, невежеством. В «Стихах о границе» он иронизирует над наивно-романтическим представлением, будто здесь –

*Каждое мгновенье
Спят и слышат берега,
И в кустах мелькают тени
Неустанного врага [10].*

Это представление – для школьного возраста, в каком совсем недавно пребывал и сам поэт. А на деле здесь, на пограничном кордоне, изучают «как затвор, как семь частей винтовки – книгу».

*У нашей молодой страны
Не только здесь идет граница.
И каждому из нас даны:
И пост свой,
И наказ учиться [10].*

Один из таких обученных вступает в спор со старым солдатом, расхваливающим службу при царе:

*Не то, что нонче – вот когда-то
Кормили нас,
Хоть рот зашей [11].*

И хлеб, и щи, и каша, и начальство для него –

*Хотя б вовек такая жизнь –
Служи – о прочем не печалься.*

Но за долгие годы такой беспечальной службы старый солдат позабыл, «как вырастить солдатский хлеб». Лежит себе на печи, парит спину да клопов и вшей давит. Но вот приехал молодой красноармеец, затеялся спор.

*И двух вояк на сходе встреча.
И всем казалось до поры,
Что молодому будет нечем
Солдата старого покрыть.*

Но старый служака обучен только воевать да щи и кашу «от пуза» есть, а у молодого больше аргументов в споре, он всему обучен и хлеб умеет не только жевать, но и выращивать.

*Вояки мы с тобою оба,
Но в разницу, старик, поверь:
Готовит армия теперь
Бойца войне
И хлебоборо [11].*

Недаром краснофлотцы, демобилизуясь, решают создать сельскохозяйственную коммуны и жить одной семьей [12]. Не из таких ли, освоив курс наук в колхозе, вырастает Василий Теркин? (Спор молодого красноармейца со старым служакой так напоминает главу «Два солдата» из «Книги про бойца»). Твардовского занимают не только умения, обученность, но и человеческие, нравственные качества защитника Родины. В стихотворении «Поездка моего друга» перед нами «беспечальный славный малый», напоминающий Теркина, открытый, живой и веселый, заражающий своей энергией других.

*Он охотно отвечает
На возможные вопросы.
Вечно он смеяться будет,
Невзирая на погоду.
Говорят, такие люди
Будут нам нужны в походах [13].*

Стихи, подобные этим, словно кусочки мозаики, из которых через десятилетие сложится портрет человека-народа. Их мотивы – важная примета художественного мира Твардовского, вбирающего в себя народный мир советской эпохи. Комсомол, комбеды, колхозы, напряженная борьба за новую жизнь, новые мысли и чувства, новые слова и песни – всё это спланилось с глубокими традициями, идущими от отцов и дедов, и всё это отозвалось в неповторимом слове Твардовского.

В поэме «Путь к социализму», поглощенной работами становления колхоза, неожиданно отозвалось эхо первой мировой войны, а оно, в свою очередь, пробудило тревогу о будущем: вот построили колхоз, убрали первый урожай, положили столько сил – и вдруг новая война? Эта тревога отнюдь не общего порядка: она обретает облик женщины-вдовы, потерявшей на первой мировой мужа. Не замеченный критикой, образ этот силой и правдой воплощения близок некрасовским женщинам, Анне Сивцовой из «Дома у дороги» и другим героиням Твардовского. Вечером в прохладной полевой тиши слышится женский голос, рассказывающий,

как забрали на войну мужа, как она до полуночи жала рожь и не заметила, что осталась одна в поле. Ночь, луна, тишина, ей стало страшно, она пошла искать кувшин с водой, не нашла, ещё сильнее испугалась и бросилась бежать домой, за огородами, у бани, упала и очнулась вся в слезах... Рассказ её – не просто эпизод, он обретает значение судьбы или доли, как говорили ранее.

*И песня на поле и просто рожь
Мне этот случай напоминают.
Как схватит за сердце – и переждешь,
Покамест пройдет... И часто бывает.
Песен старинных не пойте при мне –
Нет у моей мочи.
Помнится всё, как он погиб на войне,
И как я работала ночью [14, 48].*

Рассказ этот, видимо, так подействовал на колхозников, что они решили обратиться к председателю Михайлову со «Словом колхоза “Путь к социализму” о войне» (им и завершается поэма):

*Товарищ Михайлов,
Скажите нам,
Когда же будет война?
Когда она будет?
Откуда начнётся?
Кто за оружие первый возьмётся? [14, 61]*

В их бесконечных вопросах: «Кто первый?», «Откуда?», «Когда?» слышится глубокая тревога за «наше строительство», за колхозы, за «эту весну», которую они пережили

*Как революцию
Или войну [14, 57].*

В этих вопросах – выход из локального пространства отдельного колхоза «Путь к социализму» в будущее России, в большой мир, таящий в себе нескончаемые угрозы.

Ранние поэмы и «Сельская хроника» поэтически предсказали образ русского солдата, будущего защитника Родины. Здесь действуют герои двух типов: одни – продвинутые, показательные, орденоносные, о которых много говорят и пишут, другие – тихие, незаметные, но такие же труженики, опора дома и семьи. В центре художественного мира Твардовского люди мирных профессий, созидющие дух и материю жизни, как творит саму себя матушка природа. Из этой одухотворенной народной почвы и вырастает главный герой Твардовского, вместе с автором осознавший великую ценность обыкновенной трудовой жизни, высшее благо мира.

В поэме «Путь к социализму», казалось бы, ничто не предвещает войну, но колхозники хотят знать, что их ожидает завтра, ведь они хорошо помнят «грозу вчерашнюю». При всей наивности исторических представлений, они озабочены будущим, а не только уборкой урожая. Жизненный опыт подсказывает им, что главным барьером на их пути к счастью встанет война. Отсюда убедительнее прозвучит признание Теркина, что он «на-рочно не женился», поскольку знал: «Холостому много лучше на войне» [15, 213]. Он ведь тоже «в колхозе, не в столице курс прошёл».

У Твардовского армия – не какой-то заповедник для романтических сюжетов, а та же народная жизнь, только в несколько ином, как говорят, формате. «Кто гражданин, тот и боец», – сказано им в начале 30-х годов. Какое-то шестое чувство подсказывает ему, что новая война будет не только поединком армий, но и столкновением народов.

*Пусть знают все,
Кого война
Опасная зовёт,
Что армия здесь –
Вся страна,
Солдаты –
Весь народ [16].*

В «Сельской хронике», сосредоточенный на последствиях «великого перелома», Твардовский всматривается не только в судьбы тех, кто его совершал и кто под него попал (нередко это были одни и те же люди, как, например, знаменитый на Смоленщине председатель колхоза Д. Прасолов – персонаж очерков Твардовского), но и в судьбы их детей. По всей стране широким веером разошлись-развернулись их пути, на всех постах, во всякой работе прославляют они свою малую родину, свою страну. При этом Твардовский часто вспоминает о людях военных – моряках, танкистах, пограничниках, а чаще всего о лётчиках (среди них есть даже женщина). «Не могу задумать ни одного стиха без самолёта, – признается он. – Это результат глубокого потрясения челюскинской историей» [4, 328]. В каждой крестьянской семье кто-то непременно в погонах, зорко охраняет свой пост, и это как-то напрягает мирную жизнь. Характерно в этом плане стихотворение «В посёлке».

*По окнам вспыхивает свет.
Час мирный. Славный вечер.
Но многих нынче дома нет,
Они живут далеке.*

*Кто вышел в море с кораблем,
Кто реет в небе птицей,
Кто инженер, кто агроном,
Кто воин на границе.*

А в их родном поселке тишь... [17, 127].

Но будто перед самой войной эта «тишь», будто вот-вот сюда нагрянут непрощенные враги, что-то печально-прощальное слышится за строчками об этой вечерней тишине.

*И смотришь ты на дом, на свет,
На тени у колодца, –
На всё, что, может, много лет
Видать во сне придётся [17, 128].*

Некоторые стихотворения, например, «Мать и сын», написаны, кажется, в шаге от войны.

*А с врагом придется
Встретиться в бою –
Не отдаст он даром
Голову свою [17, 136].*

Кажется, эти герои уже готовы ко всяким испытаниям, но с отрадой вспоминают мирные дни. Мы не забудем никогда,

Что мы отсюда родом.

*И в грозных будущих боях
Мы вспомним, что за нами –
И эти мирные края,
И этот куст, и камень... [17, 160].*

Чем же так памятливы и приметны этот камень? Может быть, кто-то простился у камня со своей любимой? Или друзья поклялись бороться, если придется, до победы? В стихотворении «Семья кузнеца» дети выросли, стали мужчинами и теперь

*У самого края советской земли
Ведут боевые машины.*

*И, глядя в глухую тревожную мглу,
Готовясь к атаке горячей,
Пускай они знают, что батька в тылу
Свою выполняет задачу.*

*И пусть, как товарища, чуют плечом,
Чему бы в бою ни случиться,
И многое пусть они знают, о чём
Вперед говорить не годится... [17, 183].*

(Как тонко тут сказана правда о семье кузнеца, которую по-другому не выразишь. Быть может, и о своей загорьевской семье).

Даже в тихие ночные думы, даже в самые сладостные воспоминания о родном крае, о детстве и юности вторгаются мысли о войне. Нет больше отцовского хутора, который предстояло поделить между сынами, нет больше единоличных полосок – «Всё другое на свете, Всё – куда ни пойдешь» [17, 226].

*Налево и направо
Лежит во все концы
Свой край, своя держава, –
Служите, молодцы!*

*По долгу и по праву,
Когда настанет час,
На смерть, на бой, на славу
За родину-державу
Идите, не страшась! [17, 202].*

Как будто война уже совсем близко и зовет на подвиг. Стихотворение «Зашел я в дом, где жил герой...» – предвестие первых жертв. «Большому горю скоро год», но неизвестно, что еще ожидает мать героя.

*Так молод был. Кому бы знать,
Что многих славою богаче
Он станет вдруг. А мать? А мать
И думать не могла иначе.*

*Что в самый кинется огонь,
Не струсит, знала без проверки...
Стоит в углу его гармонь
И стопки книг на этажерке [17, 224].*

Да, ко всему готовы такие вот, как сегодня кажется, условно-плакатные герои-богатыри Твардовского 30-х годов. Но на войне они «свое сказали и уже навек правы...» [15, 179].

Проявляясь отдельными чертами, всё более

живыми и убедительными как по содержанию, так и по речевому сопровождению, эти герои приближали образ того самого человека, «живого и теплого», которого мы увидели в «Книге про бойца». Твардовский находит эти черты в людской пестроте, в разнообразных обстоятельствах, в поведенческих деталях, жестах, психологических нюансах, прислушивается к характерным речевым оборотам, и всё это сплывается потом в целостный и неповторимый образ Василия Теркина. Его ухватки и словечки прослеживаются во многих предвоенных стихотворениях поэта, концентрируясь в интонацию и стиль повышенной индивидуальности. Язык будто сам делает тут свое дело, Теркин видится и там, где его еще нет: «От скуки на все руки», «Молодой, веселый, важный За рулем шофер сидит», «Кидает пальцы сверху вниз с небрежностью лихой», «Разрешите, если можно, Напоить у вас коня», «Потным телом греет землю», «Не гордый человек», «Несут на плечи тулупчик – Душу отогревай», «Ради радостного дня», «За доброй славой», «Берет под козырек», «Течет река, чуть шевеля осокой», «Под мостом курлычет речка, Днем неслышная совсем», «Речка, речка быстрая, Ты куда течешь?», «Огнища наши от костров Позаросли едва ли» и т. д. Эти речевые обороты, по своей лаконичности и чеканности близкие поговоркам, почти без изменений волеются в поэму. Они потребуют от героя соответствующего характера, душевных качеств, поведения, поступков, а от автора особого сюжета и поэтического мышления, близкого фольклорному. Теркин возник не вдруг, он вырос из Никиты Моргунка, из всего спектра героев стихотворений и поэм Твардовского 20–30-х годов. Ему надо было ощутить, осмыслить народ и страну в целом, чтобы создать образ высокого уровня обобщения. Надо было уйти от конфликта поколений, старого и нового, от национального разлома, вызванного революцией и коллективизацией, чтобы принять беды и победы родины как свои собственные.

Романтический герой 20-х годов, как правило, рвется в бой в одиночку, тем самым подчеркивая свою индивидуальную жертвенность, он не чувствует за собой соотечественников, народа. Он спешит порвать с окружением, с домом, семейными обузами, скучной прозой повседневного существования, дабы реализовать свои высокие стремления. Юный Твардовский в силу обстоятельств, о которых тут не стоит распространяться, не избежал этого комсомольского романтизма, о чем говорят его ранние дневники: «На что только я не согласен, чтобы только выйти из проклятого семейства, в котором природа заставила меня подняться. Набрать запас душевных сил в дальнюю дорогу – жизнь» [4, 300]. Эти слова кажутся невероятными для Твардовского, но «дальняя дорога» перевела его на иные рельсы. С конца 20-х годов его герой уже прочно связан с семьей и домом, нередко он сам отец. А солдат идет в бой не по собственному порыву, а «по долгу и по праву, когда настанет час» [16, 202]. Он ощущает себя в родстве и нерасторжимом единстве не только с домом и малой родиной, но и со страной-державой.

*И велик, да не страшен
Белый свет никому.
Всюду наши да наши,
Как в родимом дому [17, 209].*

Слово «земля» – как предмет споров и раздоров, как объект собственности – обретает у него нравственно-объединительное значение: как земля отцов, как дедовская земля, родимая земля, а чаще всего Родина, Отчизна, Держава. Довольно неожиданно, а для середины 30-х годов тем более, появляется у него слово Русь! Заметим, что даже в годы войны это слово вызывало подозрение у ортодоксальной критики. Однако время, дорога новой жизни, общая беда примирили поколения, пространства и эпохи, отчий дом и державу, тысячелетнюю Русь с настоящим и будущим. Этим примирением, этим единением и стал непобедим человек-народ Василий Теркин...

2. Воронеж

Литература

1. Миркина А. Навечно в памяти / А. Миркина // Литературная газета. – 1986. – 3 декабря. – № 49.
2. Прозектор Д. Европа – век XX. Войны. Их уроки. Воля к миру / Д. Прозектор. – М., 1984.
3. Твардовский А. Конь / А. Твардовский // Красноармейская правда. – 1927. – 29 сентября. – № 221.
4. Твардовский А. Из старых дневников. Загорье, 1926 / А. Твардовский // Литературное наследство. – М., 1983. – Т. 93.
5. Твардовский А. Костер. Ване Прудникову / А. Твардовский // Юный товарищ. – 1927. – 5 октября. – № 71.
6. Твардовский А. Любимой. М. Радьковой / А. Твардовский // Юный товарищ. – 1927. – 23 ноября. – № 83.
7. Твардовский А. «Бывал в плену, отравлен газом...» / А. Твардовский // Смоленская деревня. – 1927. – 2 декабря. – № 90.
8. Твардовский А. Дезертиры / А. Твардовский // Красноармейская правда. – 1928. – 25 февраля. – № 47.
9. Твардовский А. От автора (Неизданное предисловие) / А. Твардовский // Собр. соч. : в 6 т. – М., 1980. – Т. V. – С. 7–11.
10. Твардовский А. Стихи о границе / А. Твардовский // Красноармейская правда. – 1928. – 18 марта. – № 64.
11. Твардовский А. Солдатский хлеб / А. Твардовский // Красноармейская правда. – 1928. – 27 сентября. – № 223.
12. Твардовский А. Стихи о будущей коммуне / А. Твардовский // Красный черноморец. – 1928. – 25 сентября. – № 222.
13. Твардовский А. Поездка моего друга / А. Твардовский // Архив поэта. – 1929.
14. Твардовский А. Путь к социализму / А. Твардовский. – М., 1931.
15. Твардовский А. Т. Василий Теркин. Книга про бойца / А. Т. Твардовский // Собр. соч. : в 6 т. – М., 1977. – Т. II.
16. Твардовский А. «ВС» / А. Твардовский // Рабочий путь. – 1934. – 22 июля. – № 170.
17. Твардовский А. Т. Собр. соч. : в 6 т. / А. Т. Твардовский. – М., 1976. – Т. I.

Д. Татаренкова

О специализированной прессе для осужденных

Аннотация: в статье рассматривается роль специализированной прессы в социальной реабилитации осужденных.

Ключевые слова: пресса, осужденные, социальная реабилитация, уголовно-исполнительный кодекс, анкетирование

Сегодня в связи с работой по сокращению рецидивной преступности, криминогенного уровня в стране, создания здорового общества Правительством и Президентом РФ принята Концепция реформирования Уголовно-исполнительной системы до 2020 года. Одной из основных целей Концепции является сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, и их дальнейшая социализация в обществе¹. Эта проблема является общественно значимой, поскольку уровень рецидивной преступности в нашей стране крайне высок. Так, 68,8% осужденных, находящихся в местах лишения свободы, совершили преступления второй, третий и более раз².

Социальная реабилитация осужденных – это процесс восстановления социальных ролей, функций, статуса, утраченных ввиду совершения преступления, в связи с осуждением и непосредственным отбыванием наказания в специфических условиях изоляции от общества и законного ограничения в определенных свободах и правах³. Она включает в себя ряд направлений – воспитательную и психологическую работу с осужденными с целью формирования правопослушного поведения; создание оптимальных условий отбывания наказания; сохранение социально полезных связей во время отбывания наказания; медицинскую помощь, формирование системы мер для повышения мотива-

ции здорового образа жизни; создание условий для трудовой занятости осужденных; осуществление их профессионального обучения; расширение форм организации культурного досуга; гуманитарно-воспитательное воздействие посредством взаимодействия с представителями традиционных конфессий; обеспечение постпенитенциарной адаптации с целью предотвращения рецидива преступлений.

Социальная реабилитация осужденных – разноплановая работа, поэтому ею заняты многие субъекты: медицинские, психологические, производственные службы, в том числе уголовно-исполнительной системы, религиозные организации, центры занятости населения, образовательные учреждения при исправительных учреждениях, общественные организации, благотворительные фонды. Особое место среди субъектов социальной реабилитации занимают средства массовой информации. Они могут освещать деятельность всех вышеперечисленных организаций, а также аккумулировать их функции по возвращению обществу правопослушной личности. Например, справочная информация из службы занятости, размещенная в СМИ, поможет трудоустроиться после освобождения, а проблема сохранения социально полезных связей может быть частично решена посредством общения осужденных и их близких через объявления в специализированной прессе. Кроме того, если религиозные, медицинские организации и другие субъекты социальной реабилитации способны воздействовать на ограниченное число людей, то посредством материалов в СМИ это число значительно увеличивается. По мнению начальника межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН подполковника внутренней службы Ирины Передельской, лица, находящиеся в заключении, страдают от нехватки информации, событий, впечатлений, они находятся в замкнутом пространстве, общаются в ограниченной среде, испытывают угнетенное, депрессивное состояние. Часто среди них встречаются люди с повышенной эмоциональной возбудимостью и неуравновешенностью, поэтому они больше других подвержены влиянию СМИ.

У средств массовой информации есть значительные ресурсы воздействия на аудиторию, они способны сформировать определенные ценности. Существует множество теорий о таком воздействии. Так, к примеру, В. И. Ленин называл прессу одним из главных орудий общественного воспитания населения⁴. Е. П. Прохоров во «Ведении в теорию жур-

¹ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: http://фсин.рф/document/index.php?ELEMENT_ID=6663.

² Итоги деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в 2013 году и задачи на 2014 год: <http://фсин.рф/statistics/>.

³ См.: Кукаркин А. В. Буржуазная массовая культура / А. В. Кукаркин. – М., 1985; Ленин В.И. О печати / В. И. Ленин. – М., 1982.

Об авторе: Татаренкова Дина Сергеевна – аспирант кафедры периодической печати департамента «Факультет журналистики» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, старший инспектор пресс-службы ГУФСИН России по Свердловской области, старший лейтенант внутренней службы.

⁴ Ленин В. И. Указ. соч. – С. 372.

налистики» пишет, что функциональными ролями журналистики являются социальная ориентация, управление сознанием и поведением адресата массовой информации, формирование адекватной картины действительности, а также представлений о «желаемом будущем» и путях его достижения, определение жизненных позиций граждан, выработка отношения к различным явлениям жизни⁵. С. Г. Корконосенко отмечает среди прочих ролей журналистики усвоение людьми социально-культурного опыта, духовно-идеологическую роль, которая заключается во влиянии на формирование нравственных, идеологических, культурных и моральных ценностей⁶. Л. Н. Федотова также считает, что сегодня средства массовой коммуникации являются механизмом адаптации человека в современном, массовом, обществе⁷. Однако, анализируя мнения многих исследователей, она отмечает, что на итог такого воздействия влияет ряд факторов: выбор читателем, слушателем материала, восприятие этого материала, представления потребителя об источнике, принадлежность потребителя к той или иной социальной прослойке, активность лидера мнения группы, к которой потребитель принадлежит, семейное положение, образовательный и культурный уровень потребителя, природа самого информационного средства, особенности его содержания, социальные условия, в которых происходит коммуникация⁸. В основе теории социального научения Альберта Бандуры лежит бихевиористский подход в психологии, который заключается в том, что усвоение модели поведения человека происходит по примеру поведения окружающих. СМИ, демонстрируя примеры поведения, тоже могут становиться источником научения. Человеку свойственно не задумываясь повторять увиденные в СМИ действия⁹. Американский исследователь Гарри Оверстрит утверждал, что «на формирование нашего сознания постоянно оказывают влияние четыре общественных института – пресса, радио, кино и реклама»¹⁰. Ричард Харрис в своей книге «Психология массовых коммуникаций» доказывает, что СМИ оказывают немалое воздействие на сознание и поведение людей¹¹. Феномену медиавоздействия посвящена книга «Основы воздействия СМИ» Дж. Брайанта и С. Томпсона¹². Немецкий исследователь медиа Винтерхофф-Шпурк, говоря о влиянии на установки, упоминает об идеологическом влия-

нии СМИ. Речь идет о том, что медиа могут изображать окружающий мир в соответствии с определенной идеологией, которую потребитель информации примет за свою¹³. О феномене моделирования реальности посредством СМИ пишет и Я. Засурский¹⁴.

Согласно уголовно-исполнительному кодексу РФ, следственно-арестованным и осужденным в свободное по распоряжению дня время разрешено слушать радио, смотреть телевизор, читать газеты и журналы, которые есть в библиотеке исправительной колонии или следственного изолятора, а также выписывать за собственные средства прессу, интересную им. Исключение составляют материалы и сообщения, пропагандирующие войну, культ насилия или жестокости, разжигающие межнациональную и религиозную вражду, порнографические. В местах лишения свободы запрещено пользоваться интернетом¹⁵. Чтобы выяснить, есть ли в СМИ для широкой аудитории информация, полезная для осужденных, и каким образом она может повлиять на процесс социальной реабилитации, а также нужна ли осужденным специализированная пресса, было проведено анкетирование 200 лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ГУФСИН России по Свердловской области – 100 мужчин из ИК-2 (г. Екатеринбург, колония общего режима) и 100 женщин из ИК-6 (г. Нижний Тагил, колония общего режима).

На вопрос: «Какие газеты Вы читаете?» – 20% опрошенных (33 мужчины и 7 женщин) ответило, что читают Уголовно-исполнительный и Уголовно-процессуальный кодексы (хотя вопрос был о газетах. – прим. автора); 19% респондентов (30 мужчин и 8 женщин) – «Российскую газету»; 18% (20 мужчин и 16 женщин) – «Областную газету»; 17% (34 женщины) – любые красочные журналы; 16% (27 женщин и 5 мужчин) – «Аргументы и факты»; 10% (12 мужчин и 8 женщин) – никакие.

Из теле- и радиопрограмм 52% осужденных (64 мужчины и 40 женщин) назвали «Новости»; 20% (23 женщины и 17 мужчин) – «кабельную программу нашей колонии» (в ИК-2 и ИК-6 выходит телепрограмма по кабельному телевидению, которую готовят сами осужденные – прим. автора); 17% (19 мужчин и 15 женщин) – «любые, какие успеваем»; 11% (22 женщины) – «о здоровье или красоте».

Осужденные посчитали интересной для себя следующую информацию, из той, что предлагают им СМИ: 67% (80 женщин и 54 мужчины) – новости о стране и мире; 18% (24 мужчины и 12 женщин) – читает (смотрит) СМИ, «чтобы узнать изменения в законодательстве»; 15% (22 мужчины и 8 женщин) – не находит в средствах массовой информации ничего интересного.

¹³ Винтерхофф-Шпурк П. Медиапсихология / П. Винтерхофф-Шпурк. – М., 2007.

¹⁴ Засурский Я. Н. Роль средств массовой информации в обществе / Я. Н. Засурский // Вестник Московского университета. Серия Журналистика, 1995, № 2. – С. 3–7.

¹⁵ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Статья 94: <http://www.consultant.ru/popular/uikrf/>.

⁵ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров. – М., 2005. – С. 76.

⁶ Корконосенко С. Г. Основы журналистики / С. Г. Корконосенко. – М., 2004.

⁷ Федотова Л. Н. Социология массовой коммуникации / Л. Н. Федотова. – М., 2003. – С. 38.

⁸ Там же. – С. 74.

⁹ Бандура А. Теория социального научения / А. Бандура. С-Пб, 2000.

¹⁰ Overstreet H. Nature Mind. N.Y. 1995. – Р. 203.

¹¹ Харрис Р. Психология массовых коммуникаций / Р. Харрис. – СПб, 2002.

¹² Брайант Дж. Основы воздействия СМИ. / Дж. Брайант, С. Томпсон. – М., 2004.

На вопрос: «Какая информация в СМИ о заключенных, по Вашему мнению, не является достоверной?» – 38% респондентов (51 мужчина и 25 женщин) написали, «что зеки – не люди»; 32% (49 женщин и 15 мужчин) – «что, тут хорошо»; 30% (34 мужчины и 26 женщин) – «вся, кроме новостей».

Согласно результатам анкетирования, СМИ недостаточно говорят о проблемах осужденных (так посчитал 61% опрошенных – 72 женщины и 50 мужчин) или вообще не говорят (39% – 50 мужчин и 28 женщин). Хотя масс-медиа, по мнению большинства участвовавших в опросе, способны помочь решению определенных проблем: 59% (71 женщина и 47 мужчин) – посчитали, что они могут рассказать, где найти работу, о социальной помощи осужденным; 41% (53 мужчины и 29 женщин) – «не могут помочь».

В свою очередь осужденные во время отбывания наказания хотели бы получить следующую информацию из СМИ: 42% опрошенных (46 мужчин и 38 женщин) отметили, что им просто необходима консультация квалифицированного юриста, поскольку такую помощь они практически не могут получить; 35% (34 женщины и 32 мужчин) – хотели бы чаще видеть номера телефонов и адреса общественных и благотворительных организаций, в которые они смогут обратиться за помощью; 10% (13 мужчин и 7 женщин) – найти на страницах список вакансий и консультации специалистов Центра занятости; 7% (13 женщин и 1 мужчина) – узнавать о судьбах осужденных; 6% (8 мужчин) – чтобы журналисты говорили о судебных ошибках и несправедливых приговорах.

Чтобы понять в какой информации у заключенных есть потребность, им были заданы вопросы о том, с какими проблемами они боятся столкнуться в колонии и на свободе.

На вопрос: «С какими проблемами Вы боитесь столкнуться во время отбывания наказания?» – большинство ответило, что боятся потерять связь с родственниками и близкими – такую проблему указали 37,5 % человек (35 мужчин и 40 женщин), 21,5% (31 мужчин и 12 женщин) волнует возможное нарушение их прав в местах лишения свободы. Психологические и личностные проблемы отметили 16% опрошенных (17 женщин и 15 мужчин). 13,5% (21 женщина и 6 мужчин) – бытовые проблемы. Проблемы медицинского обслуживания и здоровья беспокоят лишь 11,5% (13 мужчин и 10 женщин).

Отвечая на вопрос: «С какими проблемами Вы боитесь столкнуться после освобождения?» – большинство респондентов на первый план поставили проблемы трудоустройства. Так посчитали 60 осужденных женщин и 52 – мужчины, то есть 56,5 % всех опрошенных. Вторая наиболее волнующая осужденных проблема – налаживание социальных связей с родственниками и близкими. Так посчитали 20 женщин и 15 мужчин – примерно 17,5%. Жилищные и бытовые проблемы волнуют 13% опрошенных – 17 мужчин и 9 женщин. Психологические и личностные проблемы осужденные поставили на предпоследнее место. Их отметили 9 осужденных

женщин и 8 мужчин, то есть 8,5%. Проблемы медицинского обслуживания и здоровья отметили лишь 4,5% – 3 женщины и 5 мужчин.

Изучение мнения осужденных показало, что СМИ, предназначенные для широкой аудитории, а не рассчитанные только на осужденных, интересны лицам, отбывающим наказание, но чаще всего они становятся только источником информации о событиях вне колонии – экономической, политической, культурной жизни страны, области, города. Такие издания помогают тем, кто отбывает наказание, быть в курсе событий и не чувствовать себя в полной изоляции, что позволяет избежать ряда психологических проблем. Полная изоляция вообще считается одним из самых строгих наказаний – осужденные за наиболее тяжкие преступления отбывают наказание в одиночных камерах. Однако в СМИ для широкой аудитории нет информации, напрямую направленной на эффективную социальную реабилитацию осужденных (да у изданий и нет такой цели). В то же время сами осужденные отметили, что очень нуждаются в справочной информации – консультациях юристов, психологов, информации о работе центров занятости и благотворительных организациях, социальной помощи осужденным. Лицам, отбывающим наказание, хотелось бы, чтобы журналистские материалы помогали им отстоять свои права. Но такие материалы могут появиться только в средствах массовой информации, предназначенных именно для осужденных и их родственников. Кроме того, иногда СМИ для широкой аудитории формируют, по мнению осужденных, недостоверное представление о местах лишения свободы. Следует отметить, что женщины по сравнению с мужчинами больше верят в то, что средства массовой информации способны помочь им в социальной реабилитации.

Сравним информационные потребности осужденных с той информацией, которую предлагают СМИ. Периодические издания, телеканалы, радиопрограммы и интернет-ресурсы для широкой аудитории крайне редко готовят материалы, способствующие социальной реабилитации осужденных, несмотря на то, что эта проблема является социально значимой. По данным пресс-службы ГУФСИН России по Свердловской области, во втором полугодии 2013 года в федеральных и региональных СМИ¹⁶ вышло 1818 материалов об уголовно-исполнительной системе области, из них по негативным информационным поводам – 983 (54%), по позитивным – 535 (чуть больше 29%), нейтральных текстов, констатирующих факты без оценок (об амнистии, реформе уголовно-исполнительной системы, зарисовки о тюремной жизни и т. п.) – 208 (11%). Материалов, которые не несут никакой смысловой нагрузки и вообще могли бы не публиковаться, – 92 (примерно 5%). В мониторинг попали следующие СМИ: телеканалы «ВГТРК «Урал», «Областное

¹⁶ Мониторинг СМИ об освещении деятельности учреждений ГУФСИН России по Свердловской области за 2013 год проводился Д. С. Татаренковой.

телевидение», «Ермак ТВ», «4 канал», «41 канал», «Союз», «АТН», «Перец», «Резонанс ТВ», «Тагил ТВ», «Первоуральск ТВ», «Гонг» (г. Каменск-Уральский), «Интера» (г. Первоуральск); газеты «Российская газета», «Новая газета», «Комсомольская правда», «Областная газета», «Уральский рабочий», «Тагильский рабочий», «Заря Урала», «Новый компас», «Вечерний Краснотурьинск», «Вечерний Первоуральск», «Тавдинская правда», «Каменский рабочий»; порталы «Лайфньюс», «ЕТВ», «Между строк», «Знак.ком», «Ура.ру», «Уралполит.ру», «Гулагу.нет», «Правозащитники Урала», «ИтарТасс Урал», «66.ру», «Новый регион», «Джаст медиа», «АПИ», «Е1», «ЕАН», «Интерфакс-Урал», «УралИнформБюро», «Федерал пресс»; радио «Радио Урала», «Эхо Москвы»; «Радио Комсомольская правда».

В материалах по негативным информационным поводам сообщалось о произошедших ЧП в исправительных учреждениях – о том, что осужденный убил сокамерника, сотрудники УИС пытаются осужденных, нарушаются права колонистов и следственно-арестованных, они содержатся в жутких условиях (зимой замерзают, летом изнывают от жары, в камерах тесно, темно, не хватает санузлов и т. п.), сотрудники уголовно-исполнительной системы совершили крупные коррупционные преступления и т. п. В данных материалах употреблялись слова «оборотень в погонах», «убил», «зек», «тюремщик», «пыточная», «трупы», «побеги», «убийца», «маньяк», «пьяные», «вымогали», «взятка», «присвоили деньги», «смерть», «дурная слава», «зловещий», «ужасающий», «мошенник». Следует отметить, что часто эти сообщения выходили до проверки следственного комитета или вынесения приговора суда.

К материалам по позитивным информационным поводам относятся сообщения о деятельности в исправительных учреждениях, направленной на создание нормальных условий отбывания наказания и социальную реабилитацию осужденных (о проведении спортивных, культурно-досуговых мероприятий в ИК и СИЗО, о медицинском обслуживании); о сотрудниках ГУФСИН, их профессиональной подготовке, высоких достижениях в спорте; об осужденных (про их трудовую деятельность, профобразование, творчество во время отбывания наказания, образование).

Под нейтральными понимаются материалы, которые не содержали никакой оценки ни осужденных, ни сотрудников УИС. Это сообщения о кадровых перестановках в ГУФСИН, изменениях состава комиссии по помилованию, реформировании уголовно-исполнительной системы, о правонарушениях, совершенных сотрудниками УИС, которые нашли подтверждение после проверок, и так далее.

Четырехлетний опыт работы в пресс-службе ГУФСИН России по Свердловской области показал, что практически все позитивные материалы выходили по разным информационным поводам, пресс-релизы пресс-службы ГУФСИН России по Свердловской области крайне редко дублировались

и служили поводом для подготовки журналистского материала. В то время как даже один негативный информационный повод вызывал огромный общественный резонанс и выход массы материалов в СМИ. А на общественное мнение влияет не только оценка фактов в журналистских материалах, но и их выбор. М. Маклюэн пишет, что пресса «может придавать событиям «окраску», просто используя их или не используя»¹⁷.

Помимо СМИ для широкой аудитории существуют специализированные СМИ, которые посвящены деятельности уголовно-исполнительной системы. К ним относятся независимые сайты для осужденных, но они не доступны в местах лишения свободы, поскольку там запрещен интернет. Следовательно, данные сайты ориентированы на родственников и друзей осужденных, а также тех, кто уже освобожден из мест лишения свободы, а на самих осужденных могут влиять только опосредованно. Чаще всего эти СМИ наполнены информацией о правонарушениях в местах лишения свободы. Контент-анализ материалов одного из таких сайтов «Гулагу.нет», вышедших во второй половине 2013 года, показал, что из 690 текстов только в 171 (чуть меньше 25%) сообщалась нейтральная информация. В них просто констатировались факты (объявлена амнистия, приняты поправки в закон об условиях содержания в следственных изоляторах, правозащитники разрабатывают этический кодекс) или поднимались проблемные вопросы, среди которых недостаточная зарплата осужденных, трудоустроенных на производстве в исправительных колониях, развитие производства в колониях, новые правила приема передач, то, что в камерах СИЗО содержится в 2-3 раза больше человек, чем положено, и другие. Остальные 519 материалов (примерно 75%) посвящены либо разоблачениям «оборотней в погонах», либо перечислениям пыток, которым подвергаются осужденные. С одной стороны, данная информация играет положительную роль – она позволяет родственникам осужденных и тем, кто освобожден из мест лишения свободы, осознать, что заключенные, как и другие граждане, имеют права и могут их отстаивать. С другой стороны, когда для написания материалов выбирают преимущественно негативные информационные поводы, создается искаженное представление о действительности: все сотрудники УИС либо пытаются, либо берут взятки, а осужденные являются жертвами беззакония в местах лишения свободы. Тем самым оправдывается преступное поведение и при этом бывшему осужденному не предлагается конструктивного способа действий после освобождения. Исследователь криминальной тематики в СМИ В. И. Доможиров, отмечает, что при освещении криминальной темы в СМИ «возникает катастрофический дисбаланс между отрицательной и положительной информацией. Конечно, случаи нарушения закона человеком, который этот закон

¹⁷ Маклюэн М. Понимание медиа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3528/3550>.

обязан защищать, всегда будут привлекать внимание массмедиа, однако на фоне почти полного отсутствия положительной информации у аудитории возникает искаженная картина образа сотрудника правоохранительных органов»¹⁸.

В качестве положительного примера специализированной программы для осужденных, в которой представлены разные точки зрения о том, как решить проблемы осужденных в конструктивном ключе, можно привести программу «Облака». Она выходит в эфир на «Радио России» по вторникам. Радио доступно в местах лишения свободы, так что при желании передачу «Облака» могут слушать осужденные. К сожалению, одной качественной передачи, которая выходит всего раз в неделю, недостаточно, чтобы поспособствовать решению проблем осужденных. Это подтверждает и анкетирование осужденных, не указавших данную передачу.

К СМИ, которые специализируются на тюремной теме, относятся и официальные сайты территориальных органов уголовно-исполнительной системы. Однако там сообщается только, что в местах лишения свободы все хорошо. Так, на сайте ГУФСИН России по Свердловской области за полгода (с ноября 2013 г. по апрель 2014 года) был размещен 461 материал. Во всех материалах положительно оценивалась деятельность органов УИС. В 240 материалах (52% от всех сообщений) рассказывалось о высоко профессионализме, спортивных и других достижениях сотрудников УИС, о ветеранах системы. В 193 материалах (примерно 42 % от всех сообщений) о работе с осужденными, направленной на их социальную реабилитацию. 19 материалов (4% от всех сообщений) – об условиях отбывания наказания, 18 (чуть меньше 4% от всех сообщений) – об амнистии. 10 пресс-релизов на сайте (2% от всех сообщений) – это опровержение недостоверной негативной информации, вышедшей в СМИ. В ведомственных СМИ не говорится о проблемах осужденных, даже в конструктивном ключе. Создается ощущение, что проблем вообще нет, а это необъективно.

Таким образом, независимые интернет-СМИ для осужденных решают только одну проблему, важную осужденным, – отстаивание гражданских прав и свобод. Ведомственные сайты больше внимания уделяют сотрудникам и деятельности УИС. А СМИ для широкой аудитории отдают предпочтение негативно окрашенной информации, если затрагивают тему исполнения наказания. Материалов, способствующих решению проблем, которые действительно волнуют осужденных, крайне мало. Отчасти эти проблемы пытались решить посредством пенитенциарной прессы, доступной в местах лишения свободы. В каждой области Российской Федерации органами уголовно-исполнительной системы издавались газеты для осужден-

ных, которые распространялись в следственных изоляторах, исправительных и воспитательных колониях. Цель данных изданий – способствовать социальной реабилитации осужденных. В этих газетах публиковали тексты о каких-либо значимых событиях в исправительных учреждениях, к примеру, об открытии нового колледжа или храма в колонии, посещении исправительного учреждения правозащитниками или известными актерами, о хоккейных и футбольных матчах между командами осужденных, о новом производстве в ИК. Размещалась информация о важнейших кадровых перестановках в УИС, тексты прокуроров по надзору в исправительных учреждениях, в которых они комментировали и разъясняли уголовно-исполнительный кодекс, правила поведения в колонии, обязанности и права осужденных. Печатали тексты, рассказывающие о том, как трудоустроиться во время отбывания наказания и после освобождения, как лечить те или иные социально опасные заболевания, публикации, посвященные работе реабилитационных центров, образовательных учреждений в ИУ. Во всех газетах выходили стихотворения и проза, написанные осужденными. На последней полосе – объявления осужденных, их родственников и знакомых под рубриками «Знакомства», «Ищу тебя», «Отзовись». С 1 января 2014 года пенитенциарные газеты в регионах перестают выходить. Остается лишь одна всероссийская газета для осужденных – «Казенный дом». Она выходит 2 раза в месяц на 12 полосах. Сокращение газет в регионах подразумевает, что все осужденные, находящиеся во всех исправительных учреждениях страны (таких учреждений 1041, в них содержится 677,2 тысячи человек¹⁹) могут писать в редакцию только одной газеты. Однако штат издания, ее объем и тираж не позволяют публиковать огромное количество стихов, приветов, рассказов, которые приходят от осужденных из всей страны, и так же внимательно, как региональные издания, относиться к каждому письму читателей, публиковать информацию о благотворительных фондах помощи осужденным разных регионов страны.

Газеты для осужденных в регионах были закрыты с целью сокращения расходов. В редакции и пресс-службы региональных управлений уголовно-исполнительной системы до сих пор приходят письма от читателей о том, как им не хватает специализированной газеты, о том, как ее ждут, письма со словами благодарности в адрес коллективов изданий.

Чтобы понять, нужна ли осужденным во время отбывания наказания специализированная пресса или ее действительно лучше сократить, какую функцию она выполняет, способствует ли социальной реабилитации, в анкету для осужденных, находящихся в исправительных учреждениях Свердловской области, были включены вопросы

¹⁸ Доможиров В. И. Формирование концепции освещения криминальной темы в средствах массовой информации / В. И. Доможиров // Известия Уральского государственного университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры, 2011, № 4. – С. 38.

¹⁹ Итоги деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в 2013 году и задачи на 2014 год: <http://фсин.рф/statistics/>

о газете «Зона», которая выходила в этом регионе до 1 января 2014²⁰.

Как показало анкетирование, 89% опрошенных (100 женщин и 78 мужчин) знают газету «Зона» и читали ее. Наиболее интересными рубриками этой газеты 43,5 % осужденных (69 женщин и 18 мужчин) считали рубрики «Отзовись» и «От всей души», в которых они, их родственники и друзья искали друг друга, передавали привет и поздравления. Как осужденные женщины, так и осужденные мужчины отмечают, что выписывали газету именно из-за данных рубрик – «была возможность поддерживать хоть какую-то связь со своими близкими, друзьями, поддержать своими приветом тех, кто так же, как мы, находится в местах не столь отдаленных». Рубрику «Знакомства» отметили 17,5 % опрошенных (23 мужчины и 12 женщин), при этом указали, что они не прочь познакомиться по объявлению в газете и в дальнейшем создать семью именно с теми, кто отбывает или отбывал наказание, потому что в этом случае надеются найти большее понимание. Создание семьи, по мнению опрошенных, – одно из главных условий, необходимых, чтобы начать новую жизнь на свободе. 13,5% респондентов (8 женщин и 19 мужчин) указывают, что в газете «Зона» главным была возможность опубликовать свои творческие произведения, и добавляют, что лишь во время отбывания наказания раскрыли в себе талант к написанию прозы, стихов и заметок. 7% (6 осужденных мужчин и 8 осужденных женщин) – указывают, что наиболее значимой для них является информация о благотворительных фондах, в которые они могут обратиться за помощью. 5,5% (8 мужчинам и 3 женщинам) – были интересны новости из других колоний. 2% опрошенных (4 мужчины) отметили, что они читали рубрику «Прокурор разъясняет», чтобы лучше знать свои права.

На вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что газета «Зона» прекратила свое существование? Нужно ли Вам подобное издание? Если да, то почему?» – 68% опрошенных ответили: «плохо, мне очень жаль», 21% – «мне все равно, тюрьму ничего не скрасит», 11% – «не знаю». 68% опрошенных считают, что подобное издание им нужно, и объясняют это следующими причинами: 38% – «чтобы отправлять привет и поздравления, объявления о знакомствах»; 19% – «чтобы писать в газету тексты и стихи»; 7% – «узнавать новости из колоний»; 4% – «убить время».

Из анкетирования видно, что пенитенциарная газета интересна осужденным как средство общения друг с другом, родными и близкими, что способствует поддержанию социально полезных связей. Одним словом, главной функцией пенитенциарной газеты в период отбывания наказания является коммуникативная. Для женщин самым важным является возможность общения с близкими через

газету, затем – возможность познакомиться. Осужденные мужчины также отмечают рубрику «Знакомства», но в отличие от женщин, для них очень важна и творческая самореализация путем подготовки журналистских и литературных материалов для публикации в газете. Вызывают интерес и материалы, в которых осужденные могут найти пример того, как конструктивно действовать в трудной ситуации. Так, например, статьи о том, как не потерять жилье во время отбывания наказания, как получить высшее образование, находясь в колонии, материалы о правах несовершеннолетних преступников. Кроме того, не следует забывать, что публикация о человеке всегда является для него поощрением, и осужденные не исключение. Только в пенитенциарных изданиях могут появиться тексты о творческих, спортивных или производственных успехах осужденных. Материалы о том, как осужденные выращивают арбузы в самых северных колониях или готовятся к тому, чтобы побить рекорд Гиннеса по приседаниям, куют уникальные изделия из металла, нужны, прежде всего, им самим, чтобы получить положительную оценку своей деятельности, осознать, что они делают что-то полезное, а не думают о новых преступлениях. Такие публикации в пенитенциарной прессе способствуют процессу социальной реабилитации осужденного.

Чтобы оценить, каким образом СМИ могут способствовать социальной реабилитации осужденных в постпенитенциарный период, было проведено глубинное интервью 40 бывших осужденных – 20 женщин, которые обратились за помощью в специализированные благотворительные фонды «Новое время» и «Новая жизнь», и 20 мужчин, которые обратились в некоммерческое партнерство «Бюро по трудоустройству лиц, попавших в экстремальную жизненную ситуацию». Глубинное интервью – неформальная личная беседа, проводимая по заранее намеченному плану и основанная на использовании методик, побуждающих респондентов к продолжительным и обстоятельным рассуждениям по интересующему исследователя кругу вопросов. Глубинное интервью предполагает получение от респондента развернутых ответов на вопросы исследования, а не заполнение формальной анкеты. Цель интервью – понять истинное отношение респондентов к средствам массовой информации как субъекту социальной реабилитации осужденных. Продолжительность – около получаса, аудио- и видеозапись не велась в связи с учетом специфики респондентов и их эмоциональным состоянием – многим было непросто говорить о периоде их пребывания в местах лишения свободы.

Интервью показали, что, по мнению тех, кто освободился из мест лишения свободы, во время отбывания наказания поспособствовать социальной реабилитации могут лишь специализированные СМИ. Большинство бывших осужденных, как и тех, кто сейчас отбывает наказание, отметило, что главное для них в таких СМИ – это возможность общения и знакомства через объявления в газету, возможность подготовить тексты или сюжеты для таких СМИ,

²⁰ Газета «Зона» выходила с мая 1991 по январь 2013 года, периодичность – два раза в месяц, тираж – 3 тысячи экземпляров, распространялась во всех колониях и следственных изоляторах Свердловской области. Учредитель – ГУФСИН России по Свердловской области.

а также узнать информацию о благотворительных фондах или получить совет специалиста. Несколько бывших осужденных женщин и несколько мужчин отметили, что познакомилась со своими вторыми половинками – тоже бывшими осужденными, именно через объявления в газете «Зона». Кроме того, женщины отметили, что узнали о фонде «Новое время» через данную газету. Этот фонд занимается помощью женщинам, которым был поставлен диагноз «ВИЧ-инфекция». Обращение в фонд помогло им не отчаиваться и начать лечение заболевания.

«О заболевании ВИЧ я знаю не понаслышке, – говорит Олеся. – Уже много лет живу с этим диагнозом. Я принимала наркотики, попала в ИК-6 (г. Нижний Тагил. – прим автора). Там узнала о том, что у меня ВИЧ, была в отчаянии. Потом прочитала в газете «Зона» о фонде. Потом сотрудники «Нового времени» приехали в колонию, провели лекцию, на которую я ходила. После освобождения прошла все трудности, с которыми многим здесь присутствующим еще предстоит столкнуться, – когда негде работать, когда врачи объясняют непонятными медицинскими терминами, что надо делать при заболевании, пережила минуты отчаяния и безнадёжности. Потом вспомнила про фонд, теперь тут работаю, помогаю таким же, как я».

«Я познакомился с девушкой, когда отбывал наказание, – говорит Андрей. – Что самое удивительное я ее разыскал, из многих единственную по душе, через газету «Зона» и рубрику «Творческая мастерская», где прочитал ее стихи и был поражен ими. Написал ей. Она ответила... Сейчас мы вместе. Убеден, я нашел ее случайно, она моя половинка... Мои стихи более 10 лет публиковались в этой газете... У меня нет образования, стихи я стал писать только в ИК».

Однако большинство говорило о том, что газеты для осужденных – это ведомственные СМИ, поэтому в них слишком много пишут и говорят о сотрудниках УИС и умалчивают о проблемах нарушения прав осужденных.

Что же касается постпенитенциарного периода, то мнение интервьюируемых о том, как в СМИ необходимо освещать проблемы осужденных, было похоже. «Журналист должен просто провести несколько дней с бывшим осужденным и написать, с какими трудностями он столкнулся, рассказать, куда ему идти после освобождения из колонии, что делать, ведь единственное чувство, которое испытывает человек после освобождения – растерянность, – говорил один из сотрудников «Бюро по трудоустройству лиц, попавших в экстремальную жизненную ситуацию», тоже бывший осужденный». «Зек не знает, как жить дальше, что делать, потому что очень долгое время в колонии за него решали все, – рассуждает бывшая заключенная Вера. – Надо искать рычаги воздействия для того, чтобы вернуть человека к нормальной жизни, а не вешать ярлыки о том, что зек нормальным человеком никогда не станет».

Исследование мнения осужденных и тех, кто уже освободился из мест лишения свободы, показало, что

для эффективной социальной реабилитации лицам во время отбывания наказания необходима специализированная пресса. Число осужденных в России, к сожалению, велико, и одной федеральной газеты недостаточно, чтобы удовлетворить их потребность в специфической информации. Сотрудники газеты для заключенных должны изучать мнение читателей, что никогда не делалось, и публиковать информацию о проблемах их волнующих.

Кроме того, осужденные во время отбывания наказания должны иметь возможность рассказать на страницах специализированной газеты о нарушении своих прав в колонии или следственном изоляторе, проблемах, преступлениях, совершаемых сотрудниками УИС. Пока такой возможности у них не было, существует неофициальный запрет на появление такой информации в ведомственных СМИ. Однако замалчивать проблемы в специализированных СМИ для осужденных нельзя, при этом главное не впасть в другую крайность – не допускать публикацию недостоверных сведений с якобы разоблачениями «оборотней в погонах». В материалах о правонарушениях в местах лишения свободы должно быть представлено несколько разных точек зрения – осужденных, которые жалуются на нарушение их прав, тех, кто эти права нарушают и независимых экспертов, правозащитников, к примеру. По результатам сообщений должна проводиться проверка и сотрудниками УИС, и другими правоохранительными ведомствами.

СМИ для широкой аудитории способны сформировать определенное отношение общества к осужденным, и от этого отношения тоже будет зависеть насколько успешно пройдет их социальная реабилитация, как к ним будут относиться после освобождения. Обращаясь к тюремной тематике, необходимо не только говорить о том, что в местах лишения свободы плохо, но и как решить проблемы осужденных, как им отстоять свои гражданские права, куда осужденным обратиться после освобождения, чтобы получить ту или иную помощь, как сократить уровень рецидивной преступности.

Кроме того, поспособствует социальной реабилитации осужденных увеличение количества качественных СМИ, передач или рубрик, посвященных проблемам уголовно-исполнительной системы. Проведение семинаров и круглых столов для журналистов, пишущих на тему уголовно-исполнительной системы, в которых будут участвовать сотрудники УИС, бывшие осужденные, правозащитники и представители профессионального журналистского сообщества. Цель таких мероприятий – выработать профессионально корректные формы и методы информационного освещения проблем осужденных.

г. Екатеринбург

О. Д. Феррас, В. Хорольский

Гедонистическая тенденция в журналистских научно-популярных текстах

(на материале журналов ЮНЕСКО)

Аннотация: В статье рассмотрена проблема функционирования научно-популярных текстов гедонистической направленности в пространстве мировой медиакультуры. Медийность и научность как термины трактуются в социокультурном аспекте с позиций информационно-культурологического анализа текстов и дискурсов в СМИ.

Ключевые слова: научность, медийность, гедонизм, функционирование научно-популярных текстов, массовая культура.

Гедонизм и иллюзии в сетевой век

Научно-техническая революция (НТР), ускоряя обмен информацией, все чаще оттесняет гуманитарное знание на периферию культуры, выдвигая на первый план принцип прагматического использования доступных знаний о мире. К этому принципу функционирования массмедиа все активнее добавляется принцип максимального удовольствия от потребления медиапродукта, согласующийся с законами рынка, коммерческого интереса, рекламирования ценностей общества потребления. Развлекательные тенденции стали привычны и для серьезных качественных изданий, и для научно-популярных журналов, и для образовательных телепрограмм. Гедонизм, уводящий от серьезного анализа происходящего, стал восприниматься как идеал и миссия слишком многими научно-популярными изданиями. Сам по себе термин «гедонизм», естественно, не несет в себе никакого негативного смысла, каждый человек имеет право на отдых и удовольствие от потребления медийных текстов /MT/.

Массовая печать зародилась в эпоху, когда существовала острая потребность в объективной информации, однако лучше продавалась информация развлекательная, а если говорить о сегодняшнем положении дел, то постоянно существует острая потребность в развлечении и отдыхе, поэтому и популярны «Экспресс-газета», «Мегапо-

лис-новости». А есть «Ступени Оракула», «The Sun» и еще много-много других газет, которые продолжают сомнительными способами завоевывать умы читателей и приносить солидную прибыль своим издателям. Желтая пресса не болезнь, но симптом социального заболевания. Ее смыслы могут быть злободневны, но при этом формироваться с помощью фактоидов и квазисобытий.

Понятие медиареальности, порой подменяющей подлинную жизнь, знаменовало собой сдвиг внимания аудитории в постиндустриальную эру, когда производство товаров оказалось менее рентабельным, чем производство услуг. Акценты смещаются на частную жизнь, на приключения сознания в области моделирующих виртуальных систем. Ученые и медиакритики (Р. Рорти, Ги Дебор, М. Мамардашвили) подсказывают мысль о реальности виртуальной он-лайновой жизни в Сети, заменяющей для многих подлинную жизнь, искажающей картину мира в сознании реципиента, деформирующей факты в офф-лайне. Основное противоречие развлекательной медиареальности – приравнивание реальности к вымыслу (Н. Луман), переоценка роли знака. Знак подменяет предмет, вещь. Эти послышки немецкого социолога объясняют принцип различия реальности и ее медийного образа. Медиареальность, как показали теоретики, совпадает с жизненным миром человека, по крайней мере, в общих чертах, но при этом выступает, по крайней мере, в желтых СМИ, как его, окружающего мира, искаженный знак, иногда как симулякр. Желтая пресса является примером таких искажений культуры, примером потери истины в мутном зеркале медийных образов. Ж. Бодрийяр пишет о том, что в наше время «становится возможным распространение вируса антикультуры¹. Самым привычным распространителем вируса антикультуры считаются именно желтые медиа, зародившиеся на Западе, но стремительно развивающиеся сегодня и на Востоке, в южной части планеты. Традиционная и элитарная культуры здесь, как и на Севере, подменяются симулякрами, плодом эпохи самоцельного консьюмеризма в эпоху глобализации.

Восточная культура многие столетия была внешне более сдержанна в выражении гедонисти-

Об авторах: Омран Джихад Феррас, кандидат филологических наук, преподаватель университета Дамаска.

Хорольский Виктор Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского госуниверситета.

¹ См.: Бодрийяр Ж. Реквием по массмедиа / Ж. Бодрийяр. – (<http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt>)

ческих проявлений общественного сознания, рассматривая удовольствие как частно-интимный факт бытия. Поэтому и сегодня культурологи Арабского Востока часто обвиняют Запад в насаждении потребительских идеалов, в пропаганде бездуховного наслажденчества. В ответ звучат небезосновательные упреки в лицемерии и религиозно-этическом фанатизме. Споры о мере развлекательности в научно-популярных журналах продолжаются и сегодня, а сама тема НТР остается актуальной во всех странах мира, причем журналисты чаще создают масскульт, а не познавательно-образовательный контент.

Научно-техническая революция стала одним ключевых мотивов мировых средств массовой информации (СМИ), открытия ученых волнуют публику, поэтому тиражи научно-популярных изданий даже в годы кризиса остаются на достаточно высоком уровне. Научная культура, сосуществуя с медийной культурой и другими формами познания, вступая в сложные отношения с религией, мифопоэтическими прозрениями, бытовыми предрассудками, остается основной магистралью прогресса, но ее бытование в пространстве массовой культуры неоднозначно. Научно-техническая революция, ускоряя обмен информацией, все чаще оттесняет гуманитарное знание на периферию культуры, выдвигая на первый план принцип прагматического использования доступных знаний о мире. НТР делает язык коммуникации прагматичным и малоэстетичным.

Язык СМИ не обязан быть образно-ассоциативным, хотя автор художественно-публицистических текстов порождает тропы не менее интенсивно, нежели автор собственно художественного произведения. Фактор оперативности требует от журналиста скорости при обработке материала, предельной концентрации духовных сил при создании адекватной картины мира, а также точности высказывания, а метафорическая составляющая служит подспорьем в ремесле, никак не самоцелью. Факты в МТ, как правило, должны находиться в логической соподчиненности, наррация должна осуществляться в хронологическом порядке. В искусстве же факты далеко не всегда признают хронологию, их чередования, как и композиционные инверсии, ведущие к смешению временных пластов, служат усилению выразительно-образительных возможностей автора.

В XXI в. наблюдается новый взрыв интереса к фактографии и научному модусу познания мира, связанный с сетевыми коммуникациями, подорвавшими доверие к любому дискурсу. Естественно, необходимо принимать во внимание жанрово-стилевые особенности любого сообщения или дискурса. Научно-популярная публицистика ближе к науке, чем заметка о ремонте дороги, выступление ученого более терминологично, чем выступление футбольного тренера; но в любом медийном жанре в той или иной мере присутствует рациональность, фактография, опора на данные

научного знания, а не только на здравый смысл. Научность и публицистичность идут в СМИ рядом, но первое свойство текстов не столь заметно, у него меньшая интенсивность, а часто и вовсе научный модус мышления автора спрятан в подтексте. Журналисты призваны рассказывать о науке в целом, а не только о ее видимой части, технические же грани высокой (элитарной) науки в эпоху конкуренции и рынка часто скрыты, мы не знаем о последствиях открытий генной инженерии, лазерной физики или клонирования. «Секреты фирмы» не разглашаются, в мире идет гонка не только вооружений, но и идей. А это ведет многих ученых прочь от открытости, от идеала общедоступности информации. Точно так же изобретение персональных компьютеров революционизировало массовые коммуникации, но не приблизило массы к полному знанию о работе «черных ящиков».

Персональный компьютер и сотовый телефон символизируют прорыв человечества к новым формам медиакультуры, к новым СМИ. В историческом аспекте этот переворот в науке и технике, началом которого стало изобретение И. Гуттенбергом печатного станка, а промежуточным финалом – ТВ и компьютер, можно сопоставить с обретением власти над огнем и электричеством, началом расцвета информационного общества (ИО). ИО – это общество информационных супермагистралей, своеобразных информационно-энергетических полей, соединивших с помощью мультимедийных технологий отдаленные регионы и громадные по числу участников сообщества². Эти группы потребителей, пионеры в освоении достижений медийной культуры, составляют ядро «продвинутой», как выражаются специалисты-компьютерщики, мировой аудитории. В этой среде наблюдаются разные подходы к перспективам компьютеризации социума.

Экономика постиндустриализма и финансовая специализация в сфере СМИ, говоря языком публицистики, подтолкнули мировую журналистику в объятия рыночной конъюнктуры и конвейерного производства симулякров. Поменялся технологический характер массовых коммуникаций, что, на наш взгляд, означает и смену социокультурной парадигмы познания. В сетевом обществе познание мира приобрело антисциентистский уклон. Но переоценка вклада науки в прогресс и не должна быть апологией рационально-прагматического ума и логики научно-технического прогресса (НТП). М. Маклюэн в «Галактике Гуттенберга» показал,

² Интернет как глобальное информационное пространство, перевернув наши понятия о скорости обмена письменными сообщениями, позволил мгновенно соединять коммуницирующих агентов в любой точке нашей планеты, до предела упростив схему получения информации. Идет всеобщая компьютеризация, распространение персональных компьютеров и сверхмощных ЭВМ пятого и последующего поколений. См.: Засурский Я. Н. Интернет как основа развития информационного общества в России / Я. Н. Засурский // Медиаскоп. – 20 сент. – 2006.

что развитие информационного общества было бы невозможно без изменения каналов передачи сведений, что во многом изменило суть коммуникативных стратегий, выражаемую знаменитым парадоксом: «Средство сообщения и есть это сообщение», т. е. смысл высказывания в СМИ напрямую зависит от канала связи, от способа общения, от НТР. С другой стороны, никто не может (да и не пробует) доказать, что каналы общения полностью исчерпываются СМИ и СМК.

Инфопотребность (как одна из базовых человеческих потребностей) приходит в объективное противоречие с процессом освоения мощного потока стремительно обновляемой информации, а это и ведет подчас к деформации чувствительности: наступает «отрыжка», соблазн не сосредотачиваясь «схватить» суть, а следствие известно – хаос в сознании, эклектизм построений, «клиповость» культурного фона, неконцептуальность самообразования и т. п.

Техническая культура и точные науки опережают культуру духа, это аксиома, о чем писали еще просветители-руссисты, увидевшие противоречия НТР раньше романтиков. Ускорение распространения духовно-культурной информации привело к тому, что в последние десятилетия объем знаний удваивался в различных отраслях науки в среднем в интервале от 5-7 до 10 лет. Сейчас удвоение объема информации в точных науках происходит раз в 2-3 года³. Но стало ли больше счастья, как вопрошали великие просветители Руссо и Гете?

Естественно, необходимо принимать во внимание жанрово-стилевые особенности любого сообщения или дискурса. Научно-популярная публицистика (НПП) ближе к науке, чем заметка о ремонте дороги, выступление ученого более терминологично, чем выступление футбольного тренера; но в любом медийном жанре в той или иной мере присутствует рациональность, фактография, опора на данные научного знания, а не только на здравый смысл. Научность и публицистичность идут в СМИ рядом, но первое свойство текстов не столь заметно, у него меньшая интенсивность, а часто и вовсе научный модус мышления автора спрятан в подтексте. Элементы научности в МТ естественны и необходимы, они не противоречат другим свойствам масскоммуникативных процессов (гедонизм, агитационность). Научный модус познания присущ журналистике изначально, это конститутивный признак медийности, но элементы научного типа отображения действительности не могут занимать центральное положение в системе признаков МТ. В иерархии таких признаков оперативность, лапидарность и понятность важнее научности. Есть смысл, сопоставляя медийность и научность, упомянуть о характере экспрессивизации текстов. В науке внешние эф-

фекты, визуальность, громкие заголовки, смелые неологизмы и т. п. не могут играть определяющую роль, как в МТ. Экспрессия научного текста иная, чем в текстах, созданных для масс-медиа. В этом отношении для МТ можно считать релевантным признак внешней броскости. Научно-популярный дискурс нередко отличается философичностью. Читая Ги Дебора, Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Делеза и т. п., легко увидеть установку на отказ от стандартного философствования, склонность к анализу неклассических и постклассических научных вопросов, скажем, роль клонирования, жизни после смерти или сексуальных перверсий в современной культуре.

Научная подоснова медийных текстов естественным образом соединяется с художественной формой популярного повествования. Художественность как свойство особых текстов культуры (прежде всего литературных, наиболее близких публицистике) в гораздо большей степени, нежели медийность, зависит от качества наррации. Повествование (нарратив) в литературе находится в центре системы признаков художественного текста, этот элемент целого «управляет» его другими составными частями (авторская речь, интонация, диалог, отчасти есть смысл упомянуть и о таких понятиях, как стиль, герой, язык, образ). Художественность обычно понимается как результат и признак органической целостности авторской эстетической идеи, передаваемой всей совокупностью элементов произведения, никак не сводимых к их сумме. Значимость научно-популярной публицистики, соединяющей документальность и художественность, объясняет популярность таких авторов, как Э. Тоффлер, М. Маклюэн, С. Лем, У. Эко, Ж. Бодрийяр, Ж. Лиотар, М. Кастельс, А. Азимов. Напомним их основные идеи.

Ж. Бодрийяр в своей статье «Забастовка событий» (1992) говорил, как и Ф. Фукуяма, о конце истории, который связан с тем, что в ней «нет больше места для События, которое прежде создавало собственную сцену действия, само выбирало актеров, и толковалось при этом не случайным стечением обстоятельств, но провидением, и поэтому было окружено своего рода аурой, которая вызывал(и нередко)а веру и благоговение из поколения в поколение»⁴. События для многих неискушенных потребителей – это «соблазн», способ сделать собственную скромную жизнь богаче и ярче.

Ж. Бодрийяр близок другому современному просветителю – итальянцу Умберто Эко, статья которого «От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст» также может иллюстрировать лучшие стороны современного научно-популярного дискурса. Как известно, Умберто Эко, выступая на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 г., одним из первых заявил о сосуществовании разных и нередко антагонистических культур в сфере Интернет-коммуникаций. Как и в статье, созданной на основе московского доклада, он призвал вер-

³ Землянова Л. М. Новая экология телеэлектронной деятельности и теоретические проблемы современной коммуникативистики / Л. М. Землянова. – Вестник МГУ, серия Журналистика. – 1997. – № 1. – С. 27–31.

⁴ Там же.

нуться к Гуттенбергу там, где речь шла о культуре общения, о глубине человеческих отношений. Идея Эко, как и у Лема, проста: Сеть не превратит виртуальный мир в реальность, но надо не пугаться, а радоваться наступлению виртуальности, свободной от цензуры. Гипертекстуальный диск, по мнению Эко, вытеснит книгу научного толка. Но вытеснит ли он художественную книгу? И может ли электронный носитель заменить книгу для чтения, изменить саму природу произведения для эстетического чтения? Риторические вопросы у Лема и Эко имеют общефилософский характер. У. Эко пишет скорее художественный, чем научный текст, но точнее такой ПТ называть научно-популярным. Тексты, созданные учеными, не всегда являются коммуникативно-направленными мессиджами. Такие тексты вполне могут не устаревать. Они могут долго пребывать в забвении, быть «под спудом», в столе ученого, а потом засиять новым блеском актуальности, чего не скажешь о большинстве текстов, циркулирующих в СМИ. Нормой МТ является одномоментность множества событий, информация о которых быстро устаревает.

Особенно популярен на Западе футуролог Э.Тоффлер, создавший научно-популярную книгу-трактат «Футуришок».

Э. Тоффлер в своих работах не раз ссылался на известную эссе социолога из Нью-Йоркского университета Джона Макхейла «Пластмассовый Парфенон», в котором речь так же шла о смене ориентиров, чреватой отказом от критериев нетленности, духовности и уникальности в условиях массовизации творческих процессов. Мечта о всеобщем творческом порыве, по мнению Макхейла, наталкивается на тот факт, что «астрономическое число произведений искусства создается в процессе массового производства... Это произведения «разового потребления»⁵. Тоффлер, отмечая верность отдельных наблюдений эссеиста, настаивающего на смерти элитарного искусства, в то же время считает, что недолговечность произведений искусства – не благо, а угроза будущему. Не «серийные, взаимозаменяемые образы», а диалектика изменчивости и постоянства, массового и элитарного, изощренного и упрощенного – такова подспудная лейтмотивная антитеза, определяющая характер тоффлеровской публицистики. Он видел судьбу культуры грядущего в диалектике высокого и популярно-распространенного, в единстве злобы дня и заботы о грядущем.

Ссылаясь на англичанина Р. Хьюза, Тоффлер говорит о «неразберихе», «недолговечности» и «выбрасывании» как отличительных свойствах культуры, которую позже назовут «блип-культурой» (от англ. blip – короткий сигнал, радиоконтакт), т. е. культурой фрагментально-клиповой, сыпучей, постмодернистской и т. п.

Журналы ЮНЕСКО и развитие НПП в системе глоболизирующихся СМИ научно-популярного толка

Рассмотрим более подробно специфику научно-популярного дискурса на примере изданий ЮНЕСКО. Их объединяет общая идеология просветительства. Во-первых, следует упомянуть о большом количестве буклетов, просветительских брошюр, издающихся при содействии ЮНЕСКО в разных странах, в том числе и в РФ. Сравнительно новое совместное издание Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» вышло в свет в конце 2009 года, оно получило название «Формирование информационного общества в XXI веке». Составителями книжки выступили Е. И. Кузьмин и В. Р. Фирсов, а предисловие написал заместитель Генерального директора ЮНЕСКО по вопросам коммуникации и информации А.-В. Хан.

Но, конечно, ядром просветительской деятельности являются журналы. Журналы ЮНЕСКО можно считать примером соединения научной точности и максимально возможной доступности. Среди них наиболее популярен ежемесячный журнал «Курьер ЮНЕСКО».⁶ Следует отметить также такие журналы ЮНЕСКО, как «Музеум», «Импакт» (наука и общество), «Перспективы» (образование), «Природа и ресурсы» (проблемы природных ресурсов и охраны окружающей среды), «Культуры» (с 1982 г. все эти журналы стали выходить и на русском языке), «Международный журнал социальных наук» (ежеквартальный, выходит на английском, французском, испанском языках), бюллетень «Новости» (выходит на всех основных языках). Особенно важна научно-популярная природа большинства изданий ЮНЕСКО. Так, по ряду журналов с 2000 г. начат выпуск дополнительных тематических номеров («Supplementary Issues»), появились он-лайн (сетевые) издания. СМИ помогают распространять идеи культурного многообразия. Большой популярностью в России пользуются периодические издания ЮНЕСКО, связанные с туризмом и информатизацией культуры. Их число, правда, за последнее время сократилось вследствие широкого использования видеокассет, слайдов, магнитофонных и компакт записей, компьютерных сетей. Наибольшее число периодических изданий вышло во второй половине 70-х гг. – до 250, в 1985 г. их количество уменьшилось до 50, а в настоящее время Организация издаёт более 200 периодических и свыше 100 неперiodических изданий

Можно выделить несколько типов журналов, имеющих дело с научной тематикой.

1. Сугубо научные издания («Филологические науки», «Вопросы когнитивной лингвистики», «Вопросы культурологии»).

2. Специализированные журналы, содержащие элементы популяризации («Химия и жизнь», «Культурно-историческая психология», «Азия и Африка сегодня»).

⁶ http://www.unesco.org/courier/2000_02/uk/dossier/intro.htm

⁵ Там же. – С. 45.

3. Отраслевые журналы («География в школе», «Русский язык за рубежом», «Культурная жизнь Юга России»).

4. Собственно научно-популярные журналы («Курьер ЮНЕСКО», «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Техника – молодежи», «Юный натуралист»).

5. Универсально-развлекательные издания («Русский собеседник», «Вокруг света», «Искусство кино»).

6. Сетевые издания, тяготеющие к научной тематике («Культурологический журнал»).

Нас интересует четвертая группа и для сравнения – примыкающие пятая и шестая. Медийный дискурс является фоном изучения названных групп. Наиболее популярные журналы см. в табл. 1.

К массовым изданиям, популяризирующим научные открытия, относятся, например, такие газеты, как «Newsworld» (4,78 млн экз.), «Sun» (4,05 млн экз.), «Mirror» (3,26 млн экз.), «Daily express» (1,98 млн экз.), «Daily mail» (1,86 млн экз.). Они сообщают о научных событиях, не вникая в них глубоко. Очень часто распространяются лженаучные сведения, запугивающие аудиторию (к примеру, предсказания календаря Майя о конце света в 2012 году). Но и солидные издания рассматриваемой категории нередко под давлением рынка тяготеют к желтизне. Таков обновленный журнал «Вокруг света». Новый макет известного издания отражает установки владельцев, ставящих прибыльность журнала на первое место: здесь много иллюстраций и мало текста, в структуре наблюдается мозаичность, тяга к сенсации. Это уже иной, массово-развлекательный тип популяризации интересного в географии или ботанике, о чем косвенно говорит большой тираж – 200 тысяч экземпляров (ср.: у «Гео» – 120 тысяч). Аналогична НПП и в журналах «Иллюстрированная наука», «Что нового в науке и технике», «Популярная механика», «Иллюстрированная наука». На Западе такие же тенденции⁷.

Английский «NewScientist» выходит двухмиллионным тиражом. Этот журнал, как и «National Geographic», «Scientific American» и т. п., представляет собой пример околонучных журналов, где новости из разных стран поступают очень оперативно⁸. Раздел «Technology» – жесткое требо-

⁷ По совместному решению РАН, ЮНЕСКО и Европейского института сотрудничества между Востоком и Западом МАИК «Наука/Интерпериодика» издала два номера международного журнала «Journal of Journals», вобравшего в себя самые яркие публикации о событиях в научном мире. Авторы статей – ведущие российские ученые в различных областях знаний. В состав редколлегии вошли такие известные ученые и организаторы науки, как академики Р. В. Петров, Н. А. Платэ, лауреат Нобелевской премии И. Пригожин, а также старший советник генерального директора ЮНЕСКО тех лет А. Форти. Вышедшие номера журнала распространялись среди участников сессий ЮНЕСКО.

⁸ Ежедневный график делает содержание «NewScientist» очень неровным, с одной стороны, смесью научных статей и заметок, а с другой, намеренным подбором эпатажных идей о встрече с инопланетянами и т.п. Поставив перед собой цель за-

вание медиа-рынка, ведь расширение аудитории за счет рубрик о компьютерах и «хай-тек технологиях» (hi-tech) – известный факт⁹. Любопытна и полемика в таких журналах вокруг представлений о происхождении Вселенной, жизни на Земле, о возникновении Разума и человека. Журнал «Scientific American» обнародовал в 2010 г. данные, доказывающие, что идея креационизма, утверждающая, что человечество и Земля созданы Богом, распространяется все активнее. Журнал сообщил, что сейчас уже 45% американцев верят в то, что Бог создал жизнь в определенный момент времени, не более чем десять тысяч лет назад, эволюционисты же верят, что возраст Вселенной составляет около 13 млрд. лет, а мужчины и женщины произошли от приматоподобных предков (обезьян), и утверждают, что эта цифра каким то образом подсчитана и является научным фактом. На сегодняшний день, креационисты одерживают одну победу за другой.

В мае 2004 года увидел свет первый номер журнала «Обсерватория культуры». Учредитель журнала – Российская государственная библиотека, подготовку к выпуску осуществляет творческий коллектив Научно-информационного центра по культуре и искусству (Информкультура). Журнал и весь проект знаменуют качественно новый этап в деятельности НТЦ «Информкультура». Это новое – «открытое» издание, рассчитанное на широкие круги читателей, заинтересованных судьбами отечественной и мировой культуры. Журнал адресован не только тем, кто профессионально занимается историей, теорией или современным состоянием отечественной и зарубежной культуры, но и всем, кого интересует жизнь культуры и искусства в современном мире, их события, достижения, проблемы¹⁰. Первый номер журнала «Обсерватория культуры», который и сегодня тесно сотрудничает с ЮНЕСКО, открывала статья Огрызко В. С., председателя Национальной комиссии Украины по делам ЮНЕСКО, первого Заместителя Министра иностранных дел Украины. Он отметил, что «Обсерватория культуры» – это первый и пока единственный в России профессиональный журнал, предназначенный для отражения культурного процесса во всем его многообразии. Издание уникально всеобъемлющим и целостным отражением всех срезов культурной жизни общества. **Театр и музыка, изобразительное искусство и кино,** воевания аудитории «NewScientist» усиленно пропагандирует науку западного толка, игнорируя опыт восточных ученых.

⁹ Именно компьютерный уклон стал залогом потрясающего успеха «Компьютерры» и научно-популярного интернет-журнала «Membrana» (<http://www.membrana.ru/>). Авторы этих изданий советуют относиться к компьютерной тематике осторожно, ее надо любить и хорошо в ней разбираться, иначе получится поверхностно да и просто смешно. Читатель сразу чувствует подвох, если автор не ориентируется в теме и взялся за нее по заданию редакции. Фокусная группа читателей – социально активные люди 20-45 лет, с высшим образованием и высоким доходами.

¹⁰ Известия. – № 79. – 31 мая. – 2004. – С. 3.

литература и архитектура, культурное наследие, музеи и библиотеки, культурный досуг и туризм – все эти сферы культуры найдут свое место на страницах журнала. Тем самым создается возможность отразить целостное информационное поле культуры. Эта проблематика особенно важна для реализации и продвижения идей Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» в России и русскоязычном киберпространстве. Журнал предлагает вниманию читателя статьи известных российских культурологов и искусствоведов, философов, историков, литературоведов, то есть представителей самых различных областей гуманитарного знания и самых разных школ и направлений. Особо подчеркивалась необходимость диалога России с Украиной. ЮНЕСКО также издает «Международный журнал социальных наук», журналы «Диоген», «Природа и ресурсы», «Геологическая корреляция», бюллетени «Биосферные заповедники», «ИнфоМА», «Международный бюллетень по морским наукам»¹¹. Интересен и журнал «Высшее образование в Европе», ежеквартально издаваемый СЕПЕС (Европейский Центр по высшему образованию). Журнал «Высшее образование в Европе» освещает главные проблемы и тенденции развития высшего образования в современный период, содержит информацию о текущих событиях и разработках в области высшего образования с целью улучшения связи между стратегией и практикой научных исследований и преподавания в высших учебных заведениях. Журнал рассматривает главным образом проблемы высшего образования стран Европы и Северной Америки, что соответствует региональной политике СЕПЕС, в контексте других направлений своей деятельности. Центр регулярно дает материалы по другим регионам мира.

Как правило, все издания ЮНЕСКО связаны с гуманитарной тематикой. В настоящее время необходимо воспитание гуманного отношения к природе, в основном третьим странам. Сегодня существуют множество информационных журналов экологической направленности: «Мир дому твоему», посвященный культуре мира и формированию толерантного сознания. «Лазурь», претендует на статус литературного экологического альманаха для молодежи, а последнее время все более таким становится. Информационно-просветительским и аналитическим называет себя журнал «Этносфера», «Экос» – флагман журналов экологической направленности. Он универсален, разрушает рамки номинаций, и при условии доступности был бы

полезен всем, кто занят трансляцией ценностей экологической культуры, всем, кто активно включается в «полемику века» о будущем нашей Планеты, будущем Человечества. Экологизация науки, образования, культуры и самой жизни – знамение нашего времени.

Выживание, выход из системного экологического кризиса все более осознается как потребность нашего времени как ответ на вызов глобальных проблем. ЮНЕСКО стала рассматривать роль образования в мире в тесной связи с перспективами формирования будущего общества, в процессе которого образовательная политика рассматривалась не столько в контексте экономических показателей общества, сколько от целей человеческого развития.

ЮНЕСКО считает крайне важным, чтобы все страны имели равное право участвовать в глобальном обществе знаний. С этой целью нужны дополнительные хозяйственные, политические, юридические, этические и общественные меры. Отсутствие возможности самовыражения и общения на родном языке, как пример, является главным фактором в расширении цифрового разрыва /digital divide/ между информационно богатыми и информационно бедными¹².

«Курьер ЮНЕСКО» зародился как информационный бюллетень Секретариата Организации в 1948 г., а с 1954 г. стал полноправным журналом, выходя на английском, французском и испанском языках 11 раз в год. С января 1957 г. он печатается и на русском языке, а сейчас издаётся более чем на 30 языках мира. Главным редактором всего журнала до 2005 года был англичанин Джеймс Бернет, его заместитель – Синтия Гутман. Наиболее известный журналист в редакции – Ясмينا Шопова из Болгарии, сменила Бернета. Активная работа арабского публициста Аделя Рифаата. Русскоязычную версию курирует Марина Ялоян, сменившая Валерия Харькина. Перевод журналов осуществляют опытные переводчики, являющиеся одновременно и специалистами в соответствующих областях знаний и, главное, имеющие непосредственные контакты с авторами. Нередко перевод научных статей осуществляют и сами авторы совместно с американскими стилистами, работающими в Москве. Тройной контроль за качеством перевода обеспечивает необходимые языковые стандарты. Не случайно в последнее время в ряде журналов увеличилась доля статей на английском языке, представляемых иностранными учеными.

ЮНЕСКО в соответствии со своим Уставом призвана способствовать «сближению и взаимному пониманию народов путем использования всех средств информации», добиваться «свободного распространения идей словесным и изобразительным путем», помогать «сохранению, увеличению и распространению знаний» и поощрять «разви-

¹¹ В конце 90-х гг. были опубликованы руководства по подготовке специалистов, занимающихся городской проблематикой, доклад по проекту «Универсальная этика», антология философских вопросов воспитания в духе демократии, монографии по преподаванию и исследованиям в области философии, «Глобальная стратиграфическая хронологическая таблица», пять работ в серии «Международная гидрология». Совместно с итальянской государственной телерадиокомпанией РАИ обеспечено широкое распространение «Философской энциклопедии мультимедиа».

¹² Всемирный саммит по информационному обществу. Актуальные документы. http://www.russia-gateway.ru/content/pages/topicpage/?category_id=8094

тие народного образования и распространение культуры» Популяризируя науку и образование, журналы ООН, показывают, что значение миссии ЮНЕСКО в современном мире существенно возрастает, поскольку именно в сферах международного сотрудничества, затрагивающего интеллектуальный и духовный мир человека, лежат долгосрочные, стратегические ответы на многие вызовы XXI столетия. В свое время Х. Перес де Куэльяр назвал ЮНЕСКО «мыслящей головой» ООН. В этом случае журналы этой организации можно назвать языком, голосом ООН¹³. Особо серьезное внимание уделено информатизации сферы культуры. В нем подчеркнуто, что один из важнейших аспектов существования современного демократического общества – право на коммуникацию и бесплатный доступ к знаниям¹⁴.

С марта 2006 г. он выпускается в форме ежемесячного интернет-издания на шести официальных языках (английском, французском, испанском, арабском, русском и китайском). В 2007 году «Курьер ЮНЕСКО» отмечал свое 60-летие и предлагал своим читателям новые разделы – «В свете событий», где в преддверии Международного года планеты Земля, вниманию читателей предлагалось интервью с биологом Хьюбертом Ривзом, и «Ориентиры», где можно познакомиться с материалами, посвященными знаменитым личностям из разных стран мира, внесшим вклад в историю литературы, науки и культуры. «Курьер ЮНЕСКО» приводит также хронологию сессий Генеральной конференции ЮНЕСКО, начиная с 1946 г., публикует цитаты из выступлений участников международного симпозиума «60 лет истории ЮНЕСКО» (2005 г.), выдержки из номеров, посвященных Генеральной конференции, информацию о бюджете ЮНЕСКО. Раньше он издавался в бумажном варианте на 28 языках мира. Каждый номер журнала посвящен одной из приоритетных задач ЮНЕСКО (вода, нематериальное наследие, опустынивание и др.). Публикуемые на страницах «Курьера» статьи написаны в журналистском стиле и освещают различные аспекты единой темы. На его страницах читатель может ознакомиться с репортажами из всех частей света, отражающими идеалы и задачи ЮНЕСКО. Издание развивается и изменяется в соответствии с вехами времени. Каждый номер посвящен одной из приоритетных задач ЮНЕСКО. Практически во всех материалах была подчеркнута актуальность и настоятельная необходимость медиаобразования и подготовки медиакомпетентных учителей. В центре внимания в 2000-е гг. было и высшее образование, проблемы самообразования с помощью ТВ и компьютера.

В 1978 году в ЮНЕСКО был разработан проект Декларации о средствах массовой информации – первого крупного документа, отражающего новые

тенденции в развитии международных информационных обменов. Международный обмен информацией является важнейшим признаком сближения между странами, формирования нового климата в мировом информационном и политическом пространстве, фактором нового международного порядка, нового этапа в истории человечества¹⁵.

В 2001 году Генеральная конференция приняла Всеобщую Декларацию ЮНЕСКО по Культурному Разнообразию, которая впервые признала культурное разнообразие, как общее человеческое наследие. На этой основе делегаты согласно решили, что надо подготовить международную конвенцию по сохранению культурного разнообразия. Достигнут значительный успех в реализации Плана действий (Europe and the global information society. Recommendations to the European Council, May 1994), который определил стратегию движения Европы к информационному обществу. Европейская комиссия в феврале 1995 г. учредила Форум для обсуждения общих проблем становления информационного общества¹⁶. 128 его членов представляют пользователей новых технологий, различные социальные группы, поставщиков содержания и услуг, сетевых операторов, государственные и международные институты.

Тогда же была задумана Межправительственная Программа ЮНЕСКО «Информация для всех» – реакция ЮНЕСКО на серьезные проблемы и возможности, порождаемые бурным развитием ИКТ и их расширяющимся применением во всех сферах современной жизни, то есть на вызовы информационного общества. 10-12 декабря 2003 г. в Женеве (Швейцария) состоялась первая фаза Саммита, организуемая Организацией объединенных наций, Международным союзом связи и Правительством Швейцарии. Вторая фаза Саммита прошла 16-18 ноября 2005 г. в Тунисе. Всемирная встреча была проведена в два этапа: 1) 10-12 декабря 2003 г., Женева. 2) 16-18 ноября 2005 г., Тунис. Была создана Рабочая группа по новой Всемирной встрече. ЮНЕСКО, в вопросах касающихся информации, её распространения, доставки и сохранения при помощи новых ИКТ и Интернета, уделяет особое внимание развитию контента и расширению потоков знаний в цифровой среде. ЮНЕСКО считает крайне важным, чтобы все страны имели равное право участвовать в глобальном обществе знаний¹⁷.

¹⁵ Всемирный саммит по информационному обществу. Актуальные документы. http://www.russia-gateway.ru/content/pages/topicpage/?category_id=8094

¹⁶ Цель работы Форума проследить процесс становления информационного общества в шести областях: воздействие на экономику и занятость; основные социальные и демократические ценности в «виртуальном сообществе»; воздействие на общественные, государственные службы; образование, переквалификация, обучение в информационном обществе; культурное измерение и будущее СМИ; устойчивое развитие, технология и инфраструктура.

¹⁷ http://www.unesco.org/courier/2000_02/uk/dossier/intro.htm

¹³ UNESCO and Information Society for All, A position paper, CII-96/ws/4, UNESCO, May 1996 (на англ.яз) .www.evarussia.ru/upload/doklad/doklad_777.doc

¹⁴ Там же.

Отсутствие возможности самовыражения и общения на родном языке, как пример, является главным фактором в расширении цифрового разрыва /digital divide/ между информационно богатыми и информационно бедными¹⁸. Велика роль Окинавской Хартии глобального информационного общества (Okinawa Charter on the Global Information Society), принятой в июле 2000 года на саммите глав стран «Большой восьмерки». World Summit on the Information Society (WSIS)), на котором был представлен Доклад Рабочей группы по управлению Интернетом (UN ICT Taskforce)¹⁹.

В качестве примера функционирования НПП в глобальном культурно-семиотическом пространстве возьмем «Курьер ЮНЕСКО», № 4, 2011 г. Тема номера: Гуманизм, новая идея. Это обозначение ключевого мотива всех публикаций. Важно оформление номера (См. Приложение № 1), где на обложке мы видим репродукции картины современного художника, на которой крупным планом дано лицо современной женщины, причем лицо соединилось с маской, символизируя связь прошлого и настоящего. Произведение из серии «Одухотворенные лица» французского художника Бенджамина Мини выполнено в песочно-светлых и темно-коричневых тонах с элементами орнаментальной символики. Символизм и цветовая гамма обложки подчеркивают «этничность» деновативной составляющей, с чем корреспондируют и остальные иллюстрации номера, его инфографика, рисунки: в них очевиден этно-культурный колорит. Содержание номера репрезентируют заглавия материалов, заголовочные комплексы, лиды, слоганы и текстовые врезки. Это маркеры стиля, экспрессивные знаки, привлекающие внимание читателя в первую очередь.

На современном этапе развития периодической печати основой изобразительности следует считать фотографию. Этот вид изобразительного текста служит самоочевидным знаком-иконой, часто с символическим подтекстом, составляющим вместе с вербальным знаком, дуумвират смыслообразования. В СМИ фотографические знаки подчеркивают документальность МТ, реальность мессиджа. Как правило, газетно-журнальные фотографии, составляя единство с вербальным текстом, привлекают внимание потребителя раньше, чем текст. Бывает, как например, в фоторепортаже и рекламе, что «картинка» имеет доминирующую смысловую нагрузку, нередко она просто иллюстрирует текст, но правилом для журналистов служит положение о балансе слова и картинки в материале.

Рассмотрим кратко фабульный пласт и стиль некоторых публикаций.

¹⁸ Всемирный саммит по информационному обществу. Актуальные документы. http://www.russia-gateway.ru/content/pages/topicpage/?category_id=8094

¹⁹ Доклад Рабочей группы по управлению Интернет (UN ICT Taskforce) Июнь 2005 г. http://www.un.org/russian/esa/ict/wgig_report.pdf

Передовая статья И. Боковой может служить введением к целому номеру – единству разнообразных материалов по теме. Автор утверждает: «Гуманизм – это старое обещание и в то же время вечно новая, неустанно обновляемая идея. Уважение культурного разнообразия стало центральной составляющей гуманизма XXI века. В эпоху глобализации – это одна из жизненно-важных частей его механизма».

Ключевая лексема, фигурирующая на обложке, эмблематична по структуре, ее коннотации делают слово культуремой и одной из основных универсалий культуры. Автор уходит в прошлое, ссылаясь на опыт Ренессанса, а потом анализирует противоречия неогуманизма и антрополого-гуманитарного подхода к науке.

Санджай Сет (Индия), анализируя футурологические и экологические аспекты антропологической тематики, пишет: «Сегодня нашу жизнь перевернул кризис окружающей среды, который оспаривает абсолютные привилегии человека и разграничение между человеком и природой, свойственные классическому гуманизму. В условиях потепления климата и массового исчезновения видов, люди становятся уже не только биологическим становятся уже не только биологическими, но и геологическими агентами. Утверждать общность и достоинство людей – сегодня не менее насущная задача, чем вчера. Поскольку мы видим, что это утверждение в прямом смысле является центральной осью гуманизма, то мы не можем от него отказаться. Но нам необходимо его пересмотреть и выстроить иначе. Я полагаю, что с помощью нового, устойчивого гуманизма моральное восприятие общих черт и достоинств человека уже не будет основываться на спорном антропоцентризме или на сомнительных претензиях на универсальный Разум. И что этот пересмотр родится в диалоге между цивилизациями и различными моральными воззрениями, а не из утверждения особого, как единственно верного, морального убеждения современного Запада».

Автор поддерживает тезаурусный подход к анализу проблемы, он анализирует следующие ключевые лексемы и словосочетания: классическому гуманизму, в диалоге культур, Разум, с помощью нового, устойчивого гуманизма и т. п. Лексико-семантическое поле «гуманизм» обогащается за счет личных воспоминаний и полемики с западным пониманием гуманизма как индивидуальных прав личности. Индуисты стоят на позициях растворения личного опыта в коллективном разуме и безличном просветлении. Индийский философ, защищая принцип ненасилия, полемизирует с агрессивно-технизированной цивилизацией Запада. Его слоган – Утверждать общность и достоинство людей.

Арабский философ Махмуд Хусейн, работающий во многих странах, сравнивает ислам и христианство, две идеологии с разными знаковыми комплексами. Названия священных книг, рели-

гиозных течений, культурных артефактов помогают создать символические опоры смыслового поля и столкнуть две мифологемы: Восток и Запад. Орнаментализм арабского искусства трактуется в статье как отражение особенности эстетических исканий на Ближнем Востоке, как способ символического кодирования мусульманских духовных ценностей. Воплощением ее внешнего идеала, относящегося к форме вещей, можно считать восточный ковер с его знаменитым орнаментом, в котором выделяются две стилевые тенденции: гирих и ислими. Гирих (перс. – узел), это «сложный геометрический орнамент, составленный из стилизованных в прямоугольные и полигональные фигуры линий... Ислими (перс. – вид орнамента, построенного на соединении вьюнка и спирали) воплощает в стилизованной или натуралистической форме идею непрерывно развивающегося цветущего листового побега и включает в себя бесконечное разнообразие вариантов». Важная часть узора на картинах и фресках средневекового искусства арабов принадлежит каллиграфическому письму. Обычно с гирихом сочетается кувический прямоугольный шрифт, а с ислими – закругления более позднего скорописного письма – насх. Гирих подчеркивает величие и мощь, ислими – доступность, приближенность, мягкость.

Орнаментальная природа арабской живописи, не уделявшей такого внимания жанру портрета, если сравнивать с историей западноевропейского искусства, сочетается с богатством светотеневого изображения природы. «Строгий» орнамент чаще всего расположен над михрабом (часть стены храма, имеющая углубление, направленное в сторону Мекки, где становится на молитву имам), и любой мусульманин видит его только во время вставания на молитву, а далее уже ни в процессе самой молитвы, ни во время бесед или занятий он с ней не сталкивается. На весь другой орнамент – это растительное сплетение, когда на один бесконечный побег приходится тысячи цветов и бутонов. Причем это не мозаика, в которой легко можно сделать копию предыдущего элемента, это рисунок, в котором каждый последующий цветок хоть и похож на предыдущий, но все же чем-то и отличен от него. Оригинален орнамент верхней части колонн внутреннего двора мечети Пророка в Медине. На крупной штриховке гириха проступает стилизованный контур сложенных в мольбе ладоней. Эффект усиливается контрастом светлых и темных тонов. Создается ощущение, что не только люди, но и само здание вместе с ними взывает к Всевышнему.

Выводы

1. Наш век стал временем бурного развития новых СМИ. Технологическая революция породила новые конфликты в эволюции массовых коммуникаций. Заметнее стало противоборство элитарной и желтой журналистики, что обусловило компромиссную функцию НПП. Социальный заказ опре-

деляет лицо МТ, товара широкого пользования и «быстрого приготовления», поэтому стандартно-гедонистические ожидания аудитории часто обуславливают количественное преобладание банальностей в СМИ.

Медийная информация научного толка часто обуславливает любую групповую, например, политическую, коммуникацию, причем журналистика играет роль вездесущего дознавателя и посредника, обеспечивающего сотрудничество и общение между разными группами людей. Медийные тексты и медийные дискурсы не только фиксируют, но и создают новый коллективный опыт. МТ, будучи одним из важнейших видов социальной памяти и культурного диалога, соединяет медийность, научность и художественность в неразложимое целое.

2. В то же время глобализация нивелирует культуры, унифицирует коммуникативные практики. Одной из самых важных сторон культурной глобализации в наше время можно считать развитие этнических культур в столкновении с мировым опытом, их воздействие на систему межкультурных коммуникаций, особенно в тех странах, которые относятся к Югу планеты. Происходящее на наших глазах формирование унифицированной глобальной культуры прямо воздействует на проблему национальной самобытности, а культурная политика всех государств меняется в условиях глобализации, когда на первый план выходят вопросы мирного сосуществования, сотрудничества, толерантности, взаимовыгодного обмена ценностями и воспитания разносторонней духовной личности. Многие конфликты сегодня порождены неприятием и непониманием чужой культуры, поэтому так важна идея глобального культурного диалога, о которой пишут многие ученые²⁰.

Конкуренция на международном медийном рынке ужесточается. В этих условиях представляется крайне важным поиск новых форм журналистской работы. Так, популяризируя достижения науки, публицисты и ученые прибегают к опыту массовой культуры, ими используются приемы экспрессивизации и развлекательности, создающие ауру общественного интереса и даже ажиотажа, что при всех издержках нельзя считать плохим приемом в НПП. Художественная коммуникация и коммуникация масс-медиа имеют значительные зоны пересечения. Диалог очевиден. Однако не надо игнорировать факт очевидного размежевания двух видов коммуникации в СМИ. В первом случае образ самоценен, а во втором он является прие-

²⁰ Арутюнов С. А. Механизмы усвоения нововведений в этнической культуре / С. А. Арутюнов // Методологические проблемы исследования этнических культур. – Ереван, 1978. – С. 103–109; Ладынин И. А. Древний Восток / И. А. Ладынин. – М. : Дрофа, 2009. – 640 с.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон // Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология. – М. : Academia, 1999. – 650 с.; Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру : пер. с англ. / С. Бенхабиб // [под ред. В. Л. Иноземцева]. – М. : Логос, 2003. – 350 с.

мом, способом передачи идеи, методом убеждения и т. д. В первом случае диалог не любит прямолинейной ясности и схематизации (если только это не художественный прием), во втором это упрощение полезно, а зачастую крайне желательно.

3. Многогранная деятельность ЮНЕСКО усиливает международное сотрудничество правительств государств-членов, основанное на участии официальных представителей и специалистов этих стран в решении проблем образования, науки, культуры и коммуникации. Таким образом, знакомство с материалами масс-медиа, особенно с публикациями в журналах ЮНЕСКО, убеждает нас в высоком уровне научно-популярной публицистики. Журналисты, сотрудничающие в этих изданиях, убедительно описали проблемы глобального плана, показали необходимость сплочения людей перед лицом глобальных вызовов. Медиакультура сегодня – это мощный рычаг развития образования и науки. Новый, по словам М. Кастельса, «информационизированный» и «сетевой» подход к современной культуре и науке свидетельствует о возрастании роли периодических изданий специализированной направленности²¹. «Курьер ЮНЕСКО» можно считать метазнаком Нового международного информационного порядка (НМИП), ядром которого можно считать

²¹ Кастельс М. Информационная эпоха : Экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000. – С. 77. Мануэль Кастельс сегодня является одним из самых авторитетных социологов и исследователей современного мира и по праву принадлежит к интернациональной академической элите.

идею мультикультурализма. Это порядок нового гуманизма, который особо стремительно формируется в условиях глобализации. Журнал стал примером популяризации достижений мировой науки и культуры с помощью МТ, поучительных и развлекательных одновременно.

г. Воронеж

Литература

1. Больц Н. Азбука медиа / Н. Больц. – М. : Европа, 2011. – 136 с.
2. Вартанова Е. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ / Е. Вартанова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2012. – № 1.
3. Добросклонская Т. Медиатекст : теория и методы изучения / Т. Добросклонская // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2003. – № 2.
4. Засурский Я. Н. Интернет как основа развития информационного общества в России / Я. Н. Засурский // Медиаскоп. – 20 сент. – 2006.
5. Землянова Л. М. Новая экология телеэлектронной деятельности и теоретические проблемы современной коммуникативистики // Л. М. Землянова. – Вестник МГУ, серия Журналистика. – 1997. – № 1. – С. 27–31.
6. Савчук В. Конверсия искусства / В. Савчук. – СПб. : Петрополис, 2001. – 288 с.

	Тираж, млн экз.
«Вокруг света»	0,25
«GEO»	0,22
«National Geographic – Россия»	0,2
«Популярная механика»	0,12
«Компьютерра»	0,064
«Что нового в науке и технике»	0,061
«Техника – молодежи»	0,05
«Наука и жизнь»	0,044
«В мире науки»	0,015
«Юный натуралист»	0,014
Итого:	1,038
Численность населения, млн человек	145,5
«Коэффициент притягательности» (K_n), человек/экз.	140,2

Как Бенкендорф «Литературную газету» закрывал

«Литературная газета» барона А.А. Дельвига существовала в течение 1830-го и половины 1831 гг. и была органом группы выдающихся русских писателей, считавших литературное поприще своим призванием – и призванием многообязывающим. Группировались они около Пушкина и барона Дельвига, и художественный вкус двух поэтов-друзей был – за редким исключением – непрекращаемым мерилем значительности того или иного произведения. Сознывая всю беспринципность таких «литературных предпринимателей», как Булгарин и Греч, и чувствуя нравственную обязанность бороться с их взглядами и литературными оценками, проникавшими в широкую публику, Пушкин и его друзья всё более проникались убеждением, что без собственного органа борьба эта недействительна.

Начал было её Н. А. Полевой в своём «Московском Телеграфе» (с 1825 г.), лучшем журнале того времени, – но продолжалось это недолго: оскорблённый несколько презрительным и насмешливым отношением к себе «литературных аристократов», – вызванным нападками журнала на Карамзина, резкой критикой произведений лучших писателей того времени и поверхностной энциклопедичностью самого издателя, – к концу 1820-х гг. Полевой занял дружественную позицию по отношению к «Северной Пчеле» и «Сыну Отечества».

Много надежд возбудил сначала и «Московский Вестник» (с 1827 г.) М. П. Погодина. Пушкин, принимавший деятельное участие в организации журнала, горячо заботился и о поддержании издания, отдавая в него целый ряд своих произведений и усиленно привлекая к сотрудничеству лучших писателей того времени. Но и в этом случае надежды быстро рассеялись и наступило разочарование: в журнале хотели видеть орган группы писателей, считавших своей обязанностью распространять правильные и беспристрастные воззрения на литературу. Погодин же допустил резкие выпады Арцыбашева против Карамзина и вообще не хотел считаться с мнениями некоторых ближайших сотрудников. Имя Пушкина и его друзей всё реже стало появляться на страницах «Московского Вестника», и без того малопопулярного, и журнал заметно клонился к упадку, с тем чтобы в 1830 г. погибнуть окончательно. Но параллельно зарождались новые планы, и чем более хирел «Московский Вестник», тем сильнее Пушкин и его друзья сознавали необходимость создания собственного органа, в котором можно было бы без помех и планомерно бороться с пристрастными, предвзятыми и намеренно-ложными взглядами «литературных предпринимателей», к числу коих полемический задор заставлял

уже присоединить и Н. А. Полевого. В конце 1829 г. мысль о таком органе созрела, были предприняты соответствующие шаги и, при помощи Жуковского, также сочувствовавшего этой идее, разрешение на издание «Литературной газеты» было получено. Весьма трудно было решить вопрос, кому поручить исполнение редакторских обязанностей: Пушкину, князю П. А. Вяземскому, П. А. Плетнёву и др. мешали различные жизненные условия, и в конце концов за редакторство пришлось взяться Дельвигу, хотя он менее всех по своему характеру был способен к этому делу; в помощники же ему дали О. М. Сомова, недавнего сотрудника изданий Булгарина и Греча, но к тому времени бывшего уже злейшим их врагом. Дело было организовано, и 1 января 1833 г. первый номер «Литературной газеты» вышел в свет.

Новое издание появилось в тяжёлое время, время расцвета николаевского режима и усиленной деятельности тайных и явных пружин созданного Бенкендорфом III отделения собственной Е.И.В. канцелярии. На литературу, особенно периодическую, было обращено усиленное внимание, и Бенкендорф открыто третировал издателей журналов, не церемонясь с ними: так, например, в январе 1830 г. он посадил на гауптвахту редактора «Славянина» А. О. Воейкова, за напечатание в 1-м номере журнала стихотворения «Цензор». Не церемонился он впоследствии и с бар. Дельвигом при объяснении с ним по поводу напечатанных в «Литературной газете» стихов Казимира Делавиня. Внушения и выговоры цензорам следовали один за другими, и вызываемое этим рвение заходило нередко так далеко, что Главное управление цензуры прямо отказывалось понимать доводы цензоров о необходимости запрещения того или иного произведения, той или иной фразы. Даже Главное управление цензуры получало выговоры, хотя во главе его стоял министр народного просвещения: так, например, по настоянию Бенкендорфа оно получило высочайший выговор за пропуск статьи «Общий статистический взгляд на Петербург», напечатанной в 120 и 121-м номерах «Северного Меркурия» за 1830 г. и представлявшей сатирическое изображение русского чиновничества. В статьях и литературных произведениях запрещено было употреблять целый ряд слов, и, например, в корректурах «Литературной газеты», чтобы не задерживать выхода номера, приходилось слово «республика» заменять словом «общество», а вместо «мятежник» писать «злодей».

Кроме Дельвига и Сомова в издании «Литературной газеты» ближайшее участие принимали Пушкин и кн. Вяземский, а обязанности секретаря редакции исполнял В. Н. Щастный; помещали же в газете

свои произведения: Боратынский, Катенин, Гоголь, Языков, кн. В. Ф. Одоевский, кн. А. И. Одоевский, А. А. Перовский (Погорельский), И. А. Крылов, И. И. Козлов, П. А. Плетнёв, А. С. Хомяков, Н. В. Станкевич, Д. В. Давыдов, А. И. Подолинский, Ф. Н. Глинка и др. С первых номеров газеты цензоры не решались пропускать то одно, то другое произведение, и внимание цензоров, а иногда и Бенкендорфа, привлекали произведения Пушкина, кн. Вяземского, Катенина, В. И. Туманского, кн. А. И. Одоевского, Сомова и др. Настоящим очерком мы и имеем в виду дать сведения о цензурных судьбах журнального предприятия Пушкина и его друзей.

В № 5 «Литературной газеты» от 21 января была помещена статья «О поэзии еврейской», представлявшая отрывок из «Размышлений и разборов» П. А. Катенина, известного критика и поэта, убеждённого поклонника и знатока классической литературы. Статья эта привлекла, очевидно, внимание какого-либо духовного лица, посчитавшего необходимым обратить внимание начальства на её характер, т. к. лишь 1 марта министр народного просвещения обратился к непосредственному начальнику Санкт-Петербургского цензурного комитета попечителю округа Бороздину со следующим неофициальным письмом:

«Милостивый государь Константин Матвеевич! В № 5 «Литературной газеты» помещена статья «О поэзии еврейской», в которой рассуждается о книгах священного писания, как о пиитических и разбираются они хотя с похвалою в сем отношении, но как сочинения обыкновенные, человеческие, что ослабляет должное и истинно христианской душе свойственное уважение к святости слова Божия. Посему я покорнейше прошу ваше превосходительство предложить Спб. цензурному комитету, чтобы впредь все статьи, заключающие в себе рассуждения о книгах священного писания, не были пропускаемы к напечатанию без предварительного сообщения их цензуре духовной. С соверш. почтением. кн. Карл Ливен».

Письмо министра было прочитано Бороздиным в заседании комитета 4 марта и «принято к сведению и исполнению». Но ещё ранее внимание цензора Щеглова уже привлекали произведения, назначенные в «Литературную газету». Так, в заседании комитета 4 февраля рассматривалось стихотворение Дениса Давыдова «Зайцевскому, поэту-моряку», в котором Щеглов не хотел пропускать два стиха:

О будьте вы оба отечества щит,
Перун вековойной Державы...

Щеглов находил, что стихи эти имеют «смысл весьма преувеличенный», однако «не нашёл себя в праве запрещать подобную гиперболу, как вольность, позволенную поэзии, и потому определил допустить к напечатанию»; 10 февраля стихотворение появилось без пропусков в № 9 «Литературной газеты».

Внимание «усердного» цензора привлекло, между прочим, и одно анонимное стихотворение декабриста кн. А. И. Одоевского, бывшего тогда

в ссылке в Чите. Вопреки утверждению биографов поэта, указывавших, что с 1825 по 1838 г. в печати не появилось ни одно произведение князя, в «Литературной газете» было напечатано несколько его стихотворений, но, конечно, без подписи. Без подписи было и стихотворение «Пленник, элегия В. И. Ланской» («Что вы печальны, дети снова...»), представленное в цензуру в марте 1830 г. В заседании цензурного комитета 28 марта «Щеглов представил оную (статью) на разрешение комитета, находя весьма тёмною по содержанию, так что трудно усмотреть действительное намерение сочинителя. При сём г. цензор надворный советник Гаевский объявил, что он, со своей стороны, полагает неприличным такую статью печатать в газете, обращающейся во всеобщем употреблении: но г. представитель (Бороздин) и гг. цензоры Бутырский и Щеглов (sic!) большинством голосов решили допустить к напечатанию, как не заключающую в себе явного смысла, противного правилам устава о цензуре». Появилось, однако, стихотворение лишь в № 52 «Литературной газеты» от 13 сентября 1830 г. и без посвящения В. И. Ланской.

Особенно бдительное внимание должна была проявлять цензура по отношению к статьям и литературным произведениям, так или иначе касавшимся политических событий, разыгрывавшихся на Западе. Июльская революция во Франции, вызвавшая замену одной династии другою и введение иной формы правления, испугала правительство и у нас, вызвав ряд репрессий и предупредительных мер. Делалось все возможное, чтобы отклики парижских событий и последовавших народных волнений в разных концах Европы не проникали в Россию, и прежде всего, конечно, было обращено внимание на печать. Уже 4 августа генерал-адъютант кн. Ливен официально сообщил своему брату, министру народного просвещения, что по высочайшему повелению всякие известия о Франции могут быть заимствованы лишь из немецкой газеты «Preussische Staats Zeitung», все нужные сведения из которой будут помещаться в официальном издании: «Journal de St.-Petersbourg». Министр народного просвещения кн. Ливен 4 же августа сделал соответствующее предписание цензурным комитетам, а 27 августа напомнил попечителю Спб. учебного округа Бороздину, что политические сведения могут печататься только в «Северной Пчеле» и «Сыне Отечества».

Между тем в конце № 61 «Литературной газеты» от 28 октября 1830 г. была помещена следующая заметка: «Вот новые четыре стиха Казимира де-ла Виня, на памятник, который в Париже предполагают воздвигнуть жертвам 27, 28 и 29 июля»:

«Франция, скажи мне их имена? Я их не вижу на этом печальном памятнике. Они так скоро победили, что ты была свободна раньше, чем успела их узнать».

Пропущено было это четверостишие цензором Семёновым, незадолго, лишь перед тем поступившим на службу, и на страницы «Литературной газеты» попало совершенно случайно, – только для

того, чтобы заполнить остававшееся пустое место в номере: сообщено же оно было бар. Дельвигу кем-то из его знакомых в письме из Парижа. Уже 30 октября Бенкендорф писал министру народного просвещения князю Ливену:

«Милостивый государь, князь Карл Андреевич! По лежащей на мне прямой обязанности нахожусь принужденным обратить внимание Вашей Светлости на некоторые неуместные статьи, помещённые в выходящих здесь периодических изданиях, и на небрежность цензуры. 1. В 61-м номере «Литературной газеты», прилагаемом при сём, помещены, ни к какой статье; четыре стиха Казимира де-ла Виня на памятник, который в Париже предполагают воздвигнуть жертвам 27, 28 и 29 июля. Прошу покорнейше Вашу Светлость почтить меня уведомлением, для доклада Государю Императору, что именно прислал сии стихи к напечатанию и какими правилами руководствовался цензор, позволив напечатать в русской газете, на французском языке, стихи, коих содержание, мягко сказать, неприлично и может служить поводом к различным неблагоприятным толкам и суждениям. 2. В французском журнале «Le Figet» помещаются часто статьи совершенно неуместные, как, например, в прилагаемом при сём (86) номере, статья: «Le Prince Royal de France a Panderge». Не благоугодно ли будет Вашей Светлости приказать, чтобы на сие обращено было особенное внимание цензуры. 3. Цензору Семёнову должно быть известно, что по приказанию моему сообщаются издателям «Северной Пчелы», для помещения в их газете, разные официальные сведения и статьи. Между тем г. Семёнов, к крайнему моему удивлению, позволил напечатать в «Литературной газете» замечания о мнимой будто бы ложности сих известий. Сие кажется мне неприличным, ибо ослабляет доверие публики к известиям, кои правительство находит нужным сообщать к её успокоению. В ожидании благосклонного Вашего ответа, имею честь быть с совершенным почтением... А. Бенкендорф».

Князь Ливен в отношении от 31 октября сообщил содержание письма Бенкендорфа попечителю округа и просил его во 1) потребовать объяснения от издателя «Литературной газеты» и от цензора Семёнова, во 2) сделать распоряжение по поводу неуместных статей «Le Figet» и в 3) «поставить на вид Семёнову неприличие дозволения» заметки «Литературной газеты», указывавшей на недостоверность официальных сведений, сообщённых «Северной Пчелой».

В заседании 3 ноября Главное управление цензуры заслушало и приняло к сведению сообщение князя Ливена «о некоторых упущениях цензуры», замеченных Бенкендорфом, а на следующий день в заседании цензурного комитета Бороздин ознакомил членов его с ходом дела и «предложил комитету иметь наблюдение и осмотрительность, дабы, согласно с предписанием Его Светлости, как вообще неуместных каких-либо статей, так и в особенности ослабляющих доверие публики к офици-

альным известиям, отнюдь допускаемо к напечатанию не было». В том же заседании цензурного комитета 4 ноября – цензор Семёнов, не ожидая выяснения результатов возбуждённого дела, просил, «дабы в облегчение его при рассматривании разных повременных сочинений, благоволено было поручить кому-нибудь другому из господинов цензоров рассматривание «Литературной газеты»: решено было опять поручить это Щеглову.

Бенкендорф не удовлетворился, конечно, объяснением Дельвига, тем более что не далее, как в конце августа, он уже вызывал его к себе, чтобы сделать строгий выговор за помещённую в № 45 «Литературной газеты» анонимную заметку Пушкина: «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии»... И на этот раз А. А. Дельвиг получил «приглашение» явиться в третье отделение. Об этом свидании его с Бенкендорфом, равно как и о первом, рассказывает двоюродный брат поэта – бар. А. И. Дельвиг, очень близкий тогда к нему и даже принимавший фактическое участие в хлопотах по изданию «Литературной газеты»:

«В ноябре Бенкендорф снова потребовал к себе Дельвига, который введён был к нему в кабинет в присутствии жандармов. Бенкендорф самым грубым образом обратился к Дельвику с вопросом: «Что ты опять печатаешь недозволенное?» Выражение «ты» вместо общеупотребительного «вы» не могло с самого начала этой сцены не подействовать весьма неприятно на Дельвига. Последний отвечал, что о сделанном распоряжении не печатать ничего, относящегося до последней французской революции, он не знал и что в напечатанном четверостишии, за которое он подвергся гневу, нет ничего недозволенного для печати. Бенкендорф объяснил, что он газеты, издаваемой Дельвигом, не читает; и когда последний, в доказательство своих слов, вынул из кармана номер газеты, хотел прочесть четверостишие, Бенкендорф его до этого не допустил, сказав, что ему всё равно, что бы ни было напечатано, и что он троих друзей: Дельвига, Пушкина и Вяземского уже упрячет если не теперь, то вскоре, в Сибирь. Тогда Дельвиг спросил, в чём же он и двое других, названных Бенкендорфом, могли провиниться до такой степени, что должны вскоре подвергнуться ссылке, и кто может делать такие ложные доносы. Бенкендорф отвечал, что Дельвиг собирает у себя молодых людей, при чём происходят разговоры, которые восстанавливают их против правительства, и что на Дельвига донёс человек, хорошо ему знакомый. Когда Дельвиг возразил, что собирающееся у него общество говорит только о литературе, что большая часть бывающих у него посетителей или старые его, или одних с ним лет, так как ему всего 32 года от роду, и что он между знакомыми своими не находит никого, кто бы мог решиться на ложные доносы, Бенкендорф сказал, что доносит Булгарин и если он знаком с Бенкендорфом, то может и недавно быть знаком с Дельвигом. На возражение последнего, что Булгарин у него никогда не бывает, а потому он его не считает своим знакомым и по-

лагает, что Бенкендорф считает Булгарина своим агентом, а не знакомым, Бенкендорф раскричался и выгнал Дельвига словами: «Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь»...

Следствием этой сцены было письмо Бенкендорфа к кн. Ливену от 8 ноября:

«Милостивый государь, князь Карл Андреевич! Получив при отношении Вашей Светлости объяснение издателя «Литературной газеты», касательно до помещённых в 61 номере сей газеты стихов Казимира де-ла Виня, я должен признаться перед Вами, милостивый государь, что нахожу сие объяснение не только недостаточным, но даже непростительным для человека, коему сделано доверие издавать журнал. Личный мой разговор по сему предмету с бароном Дельвигом и самонадеянный, несколько дерзкий образ его извинений меня ещё более убедил в сём моём заключении. Можно ли назвать «чисто литературною» новостью, «без всякого применения к обстоятельствам», стихи, при напечатании коих издатель сам поместил следующее замечание: «Вот новые четыре стиха Казимира де-ла Виня, на памятник, который в Париже предполагают воздвигнуть жертвам 27, 28 и 29 июля». Предоставляю сие собственному суду Вашей светлости. Между тем, не осмелился я ещё довести о сём обстоятельстве до сведения Государя Императора, ибо Его Величество непременно желает знать, кто именно представил сии стихи к напечатанию? По сему уважению, обращаюсь вновь с покорнейшею просьбою к Вам, милостивый государь, почтить меня уведомлением о Вашем заключении, дабы я уже согласно с оным мог всеподданнейше донести Его Императорскому Величеству. С совершенным почтением... А. Бенкендорф».

Давление в сторону репрессии было слишком очевидно, и кн. Ливену пришлось первому высказать мысль о закрытии «Литературной газеты» – в ответном письме от того же 8 ноября:

«Милостивый государь Александр Христофорович! На отношение Вашего Высокопревосходительства от 8 сего ноября, № 4328, имею честь ответить, что, по получении первого отношения Вашего от 30 минувшего октября, я, согласно оному, потребовал объяснения в рассуждении известных стихов де-ла Виня, как от издателя «Литературной газеты», так и от цензора, рассматривавшего оную; и как дело о сем дошло уже до Вашего Высокопревосходительства и Вы имели намерение доложить о сем Государю Императору, то я не полагал от себя никакого заключения и счёл обязанностью моею ограничиться только доставлением оных отзывов в подлиннике, ожидая, как Его Императорскому Величеству благоугодно будет решить сие дело. С моей стороны я совершенно согласен с заключением Вашего Высокопревосходительства, что упомянутые стихи, по содержанию оных, не следовало печатать в «Литературной газете», тем более, что на основании устава о цензуре журналист не может включать в состав своего издания статьи и сведения, относящиеся к политике, иначе, как по по-

лучении на то особого Высочайшего соизволения. Посему объяснение г-на издателя «Литературной газеты» ни мало не оправдывает его и представляет неудовлетворительное извинение. Так как Ваше Высокопревосходительство изволите требовать моего по сему предмету мнения, то я полагаю, что за нарушение вышеозначенного правила надлежит воспретить г-ну издателю продолжать издание «Литературной газеты». Цензор, дозволивший напечатание упомянутых стихов, конечно, не может быть оправдан; но как доселе, сколько я знал его по службе, он всегда старался исполнять свои обязанности в точности: то пропуск упомянутых стихов я не могу приписать ничему иному, как необдуманной поспешности. Сообщая сие мнение моё, с совершенным почтением... князь Карл Ливен».

Получив, наконец, желаемое «мнение» министра, Бенкендорф представил его Государю, а результаты сообщал 13 ноября в письме:

«Милостивый государь, князь Карл Андреевич! Почтеннейшее отношение Вашей Светлости о цензоре Семёнове и издателя «Литературной газеты» бароне Дельвиге, по случаю напечатанных в сей газете стихов Казимира де-ла Виня, доводил я всеподданнейше до сведения Государя Императора; и Его Величество, согласно с заключением Вашей Светлости, Высочайше повелеть изволил: «Семёнову сделать строгий выговор, а Дельвигу запретить издание газеты». Извещая о сём Высочайшем повелении Вас, милостивый государь, для должного исполнения, имею честь быть... А. Бенкендорф».

На следующий день кн. Ливен сообщил о Высочайшей резолюции попечителю округа, который 15 ноября писал «г-ну коллежскому асессору барону Дельвигу»:

«Г-н министр народного просвещения извещал меня, от 14 текущего ноября за № 1197, что г-н генерал-адъютант Бенкендорф объявил ему Высочайшее Его Императорского Величества повеление о запрещении издавать Вам «Литературную газету». Сообщая Вам о таковой Высочайшей воле Государя Императора, покорнейше прошу уведомить меня о получении сего сообщения. Причём нужным почитаю присоединить, что я, со своей стороны, уведомил об оном так же г-на цензора, рассматривавшего вашу газету, дабы номера, следующие к изданию после сего числа, пропускаемы им не были. Попечитель С.-Петербургского учебного округа К. Бороздин».

Бар. Дельвиг отвечал:

«Милостивый Государь Константин Матвеевич. Объявленное мне высочайшее Его Императорского Величества повеление о запрещении мне издавать «Литературную газету» я получил, и о сём честь имею уведомить Ваше Превосходительство, пребывая к вам с истинным почтением и глубочайшею преданностью, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга барон А. Дельвиг. 15 ноября 1830 года».

В тот же день попечитель сообщил кн. Ливену, что бар. Дельвиг и Семёнов извещены, а издание

«Литературной газеты» приостановлено, в заседании же цензурного комитета 18 ноября ознакомил с результатами возбуждённого дела членов комитета. Главное управление цензуры в заседании своём 25 ноября также выслушало сообщение Бенкендорфа о Высочайшей резолюции и приняло её к сведению, «поелику надлежащее исполнение сего Высочайшего повеления уже сделано в своё время».

Между тем бар. Дельвиг, глубоко оскорблённый бесцеремонной грубостью Бенкендорфа и возмущённый несправедливым запрещением издания «Литературной газеты», решил подать жалобу Государю; только после долгих уговоров отказался он от своей мысли: товарищ министра внутренних дел Блудов несколько раз приезжал отговаривать его, говоря, что «можно жаловаться Государю на всех, даже на самого Государя, но не на Бенкендорфа», и что подобная жалоба поведёт Дельвига только к большим неприятностям, а он, имея жену и дочь, обязан их избегать. Блудов при этом брал на себя объяснить всё Бенкендорфу и довести его до того, что он приедет извиниться перед Дельвигом и что дозволено будет продолжать издание «Литературной газеты». Скоро, действительно, от Бенкендорфа явился чиновник третьего отделения, сообщивший, что сам Бенкендорф не мог приехать по нездоровью, а прислал его извиниться в своей горячности при объяснении с Дельвигом, и Бенкендорф сообщил также, что издание «Литературной газеты» будет разрешено, но только под редакцией Сомова, так как уже состоялось Высочайшее повеление о запрещении Дельвигу продолжать издание. Дельвиг передал тогда официально свои права на издание Сомову следующим письмом:

«Милостивый государь Орест Михайлович! По распоряжению Высшего Начальства, сообщено мне запрещение издавать «Литературную газету»; но как запрещение сие относится лично ко мне, а не к изданию упомянутой газеты от других лиц, то я, сообразно изъявленному Вами желанию, предоставляю Вам право испрашивать позволение на издание оной газеты от Вашего имени. Вместе с сим, передаю Вам все сделки по оному изданию, счёты с типографией и бумажною фабрикой Действительной Статской Советницы Кайдановой, требования Газетной Экспедиции С.-Петербургского Почтамта, с именами подписчиков на сей и на будущий 1831 год; во всех же понесённых мною издержках, признаю себя вполне от Вас удовлетворённым. – С истинным почтением имею честь быть Вашим покорным слугой – Барон Дельвиг. – 1830 года, 19 ноября».

Сомов представил это письмо попечителю округа Бороздину вместе со своим прошением:

«По предоставленному мне от Надворного Советника Барона Дельвига праву, желаю я продолжать издание «Литературной газеты» от моего имени; почему всепокорнейше прошу Ваше Превосходительство позволить мне продолжать издание оной газеты, утвердив за мною права и обязанности ответствующего издателя. – Дворянин Орест Сомов. – Ноября 24 дня 1830 года».

Бороздин 24-го же препроводил прошение Сомова и письмо барона Дельвига к министру народного просвещения при отношении за № 262: изложив просьбу Сомова и указав, что, по его мнению, Высочайшее повеление действительно относится к бывшему издателю, а не к самой газете, он спрашивал, «благоугодно ли будет предписать комитету о выдаче г-ну Сомову просимого им дозволения?» Представление это, содержание коего Бороздин сообщил членам цензурного комитета в заседании 25 ноября, 25-го же рассматривалось в заседании Главного управления цензуры, но лишь 1 декабря, по видимому после переговоров с Бенкендорфом, кн. Ливен отвечал попечителю округа, за № 431, что «Главное управление цензуры, приняв в уважение, что прекращение издания «Литературной газеты» оставило бы неудовлетворёнными подписчиков на оную, согласилось на дозволение дворянину О. Сомову продолжать сие временное издание». В заседании цензурного комитета 9 декабря предписание министра было выслушано, а 12 декабря Бороздин писал, за № 285, в Главное управление цензуры, что комитет постановил «выдать позволение г-ну Сомову». В письме от 14 декабря, № 289 цензор Бутырский сообщил и Сомову о согласии Главного управления цензуры на продолжение им издания «Литературной газеты» и о предоставлении её цензирования её Щеглову.

Наконец, в заседании своём 15 декабря Главное управление цензуры выслушало сообщение попечителя о «выдаче позволения Сомову», приняло его к сведению и этим кончило дело.

Эпизод с злополучным четверостишием не только вызвал запоздание последних номеров «Литературной газеты» за 1830 г., но подействовал и на здоровье барона Дельвига: потрясённый грубой выходкой Бенкендорфа, «он, всегда хворый и постоянно принимающий лекарства, заболел сильнее прежнего, так что пользовавший его доктор запретил ему выходить из дома. Нравственное состояние Дельвига было самое грустное. Он впал в апатию, не хотел никого видеть, кроме самых близких, и принимал посторонних лиц весьма редко». Появились в доме даже карты, не допускавшиеся ранее. Вскоре присоединилась ещё простуда, и 14 января 1831 года бар. А. А. Дельвига не стало.

Н. Замков

Статья «К истории «Литературной газеты» барона А.А. Дельвига», опубликованная в мае 1916 года в журнале «Русская старина», публикуется с сокращениями.

Литературная газета, № 1-2 (6493), 21.01.15
<http://lgz.ru/article/-1-2-6493-21-01-2015/kak-benkendorf-literaturnuyu-gazetu-zakryval/>

О. Марар, Т. Павлова

Гендерные аспекты в образовании

Аннотация: В статье анализируется гендерный аспект в сфере образования на примере Воронежской области.

Ключевые слова: гендерный аспект, образование, школы и вузы, уровень жизни, доходы педагогов.

Главный экономический удар, связанный с уменьшением государственного финансирования после крушения социалистического государства и распада Советского Союза, пришелся на науку и образование. В бедственном положении оказались школы и учителя — люди, от которых прямо зависит образовательный и моральный уровень наших будущих поколений. При этом женщины, как наиболее стабильная часть научного и преподавательского сообщества, пострадали больше всего. Многие мужчины сменили профессию: ушли в бизнес или в политику, уехали за границу. А женщины остались на местах, по мере сил продолжая свою научную и педагогическую работу, в которой видят свое призвание и за которую ощущают ответственность.

Согласно статистическим данным Минобрнауки, система высшего образования в 2007 году объединяла 607 государственных и 358 негосударственных вузов, в которых обучалось 4,7 млн человек. После относительного спада в середине 90-х годов число студентов ежегодно растет. Сегодня вузы России готовят специалистов по более чем 350 специальностям. Преподавательский состав государственных вузов включает 265 тыс. человек, из которых 153 тысячи человек — специалисты высшей квалификации (кандидаты и доктора наук). В негосударственных вузах занято более 42 тысяч преподавателей. Так, по данным Минобрнауки России в Воронеже в 2013 году в 15 государственных и муниципальных организациях высшего профессионального образования и 8 филиалах обучались 93,5 тыс. студентов. Численность профессорско-преподавательского состава — 5889 человек; 12,7 тысяч сту-

дентов обучались в 4 самостоятельных негосударственных организациях и 8 филиалах.

Реалии сегодняшнего дня таковы, что в России образование держится практически на женщинах. Они составляют 80% учителей школ и около 70% преподавателей среднего специального и высшего образования. Согласно статистике, профессия «учитель» стареет с каждым годом: сегодня подавляющее большинство педагогов в России — предпенсионного возраста. Через десять лет средний возраст педагога перешагнет за 60. Согласно данным Воронежстатуправления на третий квартал 2014 г. — 525 вакансий в сфере образования.

В России мужчин меньше, чем женщин, и данная реальность напрямую связана с проблемой женской занятости в различных сферах деятельности. Илья Винштейн, изучая эту проблему, приводит следующие результаты (в опросе были использованы данные из 15 миллионов анкет) — см. табл. 1.

В определенные этапы жизни отсутствие мужчин сказывается на женщинах, которые начинают испытывать их недостаток. Разница эта начинает проявляться после 30 лет, и с каждым годом пропасть между мужчиной и женщиной становится всё больше и больше. В возрасте 30-34 лет разница составляет 2,25%, то есть 122 тысячи женщин просто физически не смогут найти себе спутника жизни. Исходя из того, что в России 589 тысяч заключенных, 2,5 млн наркоманов, из которых лишь 600 тыс. состоят на медицинском учёте, 12 млн страдающих алкоголизмом, выбирать женщинам не приходится. См. табл. 2.

В итоге получается, что к 70-ти годам каждая вторая женщина становится одинокой. Анализируя проблему одиночества, И. Винштейн приходит к выводу, что изначально девочек рождается меньше, чем мальчиков. В возрасте от 0-4 лет на 1000 мужчин приходится 947 женщин. Разница начинает проявляться на сегменте 25-29-ти лет: в этом возрасте на 1000 мужчин приходится 1023 женщины. Выходит, что проблема кроется не в рождаемости, а в смертности?! См. табл. 3

После первого развода вторично вступают в брак лишь 27% женщин. Уже после 35 лет причиной женского одиночества становится явная нехватка мужчин из-за их высокой смертности (по данным переписи 2002 г. средняя продолжительность жизни женщин в России 72 года, мужчин — 58,5 лет).

Исследования, проводимые Г. Г. Силласте, практически не отличаются по показателям и подтверждают выводы И. Винштейна, что именно

Об авторах: Марар Ольга Ивановна, доктор социологических наук, профессор кафедры моделирования и организации социальных систем РАНХ и ГС при Президенте РФ, Воронежский филиал.

Павлова Тамара Алексеевна, преподаватель кафедры стилистики и литредактирования Воронежского госуниверситета.

неуклонная феминизация становится одной из важных тенденций развития российского общества. Согласно переписи 2002 г., количество мужчин в России сократилось до 46,5% населения. Если в 2003 г. женщин было на 6,5% больше, чем мужчин, то к 2015 г. этот разрыв прогнозируется на уровне 10-11%, а к 2050 г. – 15%.

Что касается Воронежской области, то в 2013 году по гендерным показателям возрастная разница составила 13 лет, и женщин больше, чем мужчин, на 196,5 тысяч человек, что соответствует 18,4%. Причем действительно изначально мальчиков рождается больше, чем девочек. Так, в 2013 г. на 100 девочек родилось 105 мальчиков.

Вышеприведенные показатели имеют важное значение для изучения и прогнозирования влияния изменений гендерной структуры российского общества на социальный статус мужчин и женщин, их положение на рынке труда, занятости и выборе профессий, на ценностные ориентации и репродуктивное поведение. Каковы возможные социальные последствия процесса феминизации общества, какие угрозы (реальные и потенциальные) таит в себе этот социальный процесс?

Признак пола в условиях перехода к рыночной экономике стал одним из решающих факторов социальной дискриминации в сфере труда. Запросы рынка труда, занятости и профессий все чаще приходят в противоречие с реальной гендерной структурой высшего образования, считает Г. Г. Силласте, а процесс феминизации бедности – социальная реальность российского общества конца XX – начала XXI вв.

В апреле 2007 года Воронежский обком профсоюза работников народного образования и науки РФ провел опрос 1487 учителей г. Воронежа и области с целью изучения их социально-экономического положения, негативных факторов, оказывающих значимое влияние на профессиональную деятельность. Опрос проводился в школах, лицеях, гимназиях, школах с углубленным изучением отдельных предметов в 31 районе.

Из числа опрошенных респондентов женщины составляли 88%, мужчины – 12%. Распределение по возрастным группам было следующим: до 30 лет – 10%, 30-35 лет – 17%, 35-40 лет – 22%, 40-50 лет – 29%, старше 50 лет – 22%.

Если принять во внимание величину прожиточного минимума в 3254 рубля, установленного для трудоспособного населения в области в 2007 г., то видно, что 24% учителей получали заработную плату менее величины прожиточного минимума. Таким образом, более половины учителей, работая на ставку, получали в месяц лишь 3500 рублей – крайне низкий уровень заработной платы воронежского учителя. Данные о совокупном доходе учительской семьи показывают, что не только средняя заработная плата, но и все доходы учителя характеризуют его как работника низкооплачиваемой категории. Около половины семей воронежских учителей (48%) еле сводили концы с концами,

позволяя себе лишь нормальное питание и приобретение только самого необходимого из одежды, а почти каждая шестая (18%) не могла позволить себе даже нормально питаться.

Чтобы улучшить свое материальное положение, учителя пытаются найти дополнительные заработки. Так, 36% учителей работали с нагрузкой больше ставки, а 16% не могли найти дополнительную работу с уровнем оплаты, соответствующим уровню их квалификации; 23% отказываются от дополнительного заработка по причине слишком большой школьной нагрузки. Около половины учителей (46%) за рабочую неделю устают настолько, что не могут полностью восстановить силы за выходные дни. Понятно, что такая функциональная усталость оказывает ощутимое влияние на здоровье учителей и качество преподавания.

По мнению около половины участников исследования (47%), большинство воронежских учителей были серьезно озабочены непростыми проблемами, но пытались решать их своими силами. Каждый десятый педагог из числа опрошенных испытывал озлобленность, повышенную раздражительность и недоверие ко всему и всем: «кажется, что вот-вот кончится терпение и произойдет что-то непредвиденное, неуправляемое» (12%). Чуть меньшее количество участников исследования полагают, что большинство учителей находятся в состоянии растерянности, скептицизма и с какой-то безысходностью ждут новых испытаний (11%). 10% учителей считали, что внутренний протест и недовольство в учительской среде достигли значительного накала: «ощущается готовность бороться за свои права, объединяться, организовываться для борьбы за свои интересы». В то же время почти столько же опрошенных отмечали, что большинство школьных педагогов подавляют свое недовольство, полагая, что «с властями не стоит связываться», так как последствия могут оказаться плачевными (9%). Такое же количество участников исследования (9%) «плывут по течению»: особо не вникают в серьезные проблемы, реагируют на них с безразличием. Самая малочисленная группа респондентов (2%) считала, что большинство учителей в целом довольны своей жизнью и особо не ощущают серьезных жизненных проблем.

Сегодня ситуация изменилась, и сведения о среднем заработке учителей в Воронеже, приведенные в Интернете, крайне противоречивы и доходят до 50 532 руб. По данным Росстата за 2013 год, средняя зарплата в области образования составила 23 421 рублей. В Воронеже она равна 23 000 руб., но эта цифра не соответствует действительности. Население считает, что эти средние показатели укладываются в 19 486 руб. (преподаватель, доцент – 17 000 (вуз), учитель – 10 750 (средняя школа № 4), а учителя вынуждены работать на 1,5-2 ставки.

С увеличением зарплат в сфере образования произошли изменения в количественных и качественных характеристиках педсостава, которые изменились в зависимости от конкретных социаль-

ных условий. Как отмечает Г. Г. Силласте, процесс феминизации профессорско-преподавательского состава в условиях перехода к рынку меняет свой вектор на противоположный. Впервые за многие годы в российских вузах и научных учреждениях отмечается процесс дефеминизации аспирантуры – кузницы научно-педагогических кадров; увеличивается удельный вес аспирантов-мужчин (58%). Одна из главных причин – стремление молодых людей уклониться от службы в армии. Докторантура остается гендерно асимметричной «в пользу» мужчин (66%). В отличие от вузов, гендерная асимметрия среди школьных учителей продолжает усиливаться в сторону дальнейшей феминизации учительства (85% женщин в общеобразовательных учреждениях и 98,4% – в начальной школе), особенно в сельских.

В ноябре 2014 года воронежские работодатели заявили о 24 557 вакансиях с указанным уровнем предлагаемой заработной платы. Из 110 позиций проанализируем те, которые интересуют нас в рамках заявленной темы: учитель – 11 268 (53 вакансии); помощник воспитателя – 7 106 (52 вакансии); воспитатель – 10 712 (125 вакансий);

Представленный перечень вакансий на официальном сайте трудоустройства свидетельствует о том, что заявление в отчете о ходе реализации стратегии социально-экономического развития Воронежской области за 2013 г. об увеличении заработной платы школьных педагогов на 34,1%, педагогов учреждений дошкольного образования – в 1,7 раза, работников учреждений культуры – на 38,4% скорее улучшило, но коренным образом не изменило положение работников бюджетной сферы.

Изучение эволюции гендерной асимметрии в различных сферах общественной жизни имеет большое практическое значение для деятель-

ности государственных органов. Они получают возможность своевременно определять бюджетные расходы на развитие сферы образования, подготовку специалистов различных профилей и квалификации, влиять на профессиональную мобильность, формулировать задачи и устанавливать основные направления социальной политики.

2. Воронеж

Литература

1. Винштейн И. Режим доступа: http://www.winstein.org/blog/statistika_muzhchin_i_zhenshhin_v_rossii/2013-04-23-96
2. Марар О. И. Влияние социально-экономической и культурной среды на выбор специальности молодежи: региональный аспект // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 6. – С. 279–286.
3. Силласте Г. Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы // Гендерная социология. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/471/599/1231/015.SILLASTE.pdf>
4. Отчет о ходе реализации стратегии социально-экономического развития Воронежской области в 2013 году. – Воронеж, 2014. – 72 с.
5. Социальный навигатор абитуриента 2014. – Режим доступа: http://ria.ru/sn_edu/20140325/1000039895.html Статистика российского образования в 2007г. <http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml>
6. Средние зарплаты по России. – Режим доступа: <http://person-agency.ru/salary.html>
7. <http://voronezh.trud.com/salary/868/4136.html>
8. Средняя зарплата в Воронеже. – Режим доступа: <http://person-agency.ru/salary/voronezh.html>
9. <http://www.uzn.vrn.ru/index.php/informirovanie/analitika-i> Сведения о заявленной работодателями потребности в работниках по наиболее востребованным профессиям
10. <http://www.vobkom.ru/htmls/shkola/100.htm>

Таблица 1
Избыток женщин к количеству мужчин

Соотношение мужчин и женщин			
год	Разность в %	мужчины	женщины
1926	6%	47%	53%
1939	6%	47%	53%
1959	10%	45%	55%
1970	10%	45%	55%
1979	8%	46%	54%
1989	6%	47%	53%
1991	6%	47%	53%
2001	6%	47%	53%
2009	8%	46%	54%

Таблица 2
Вероятность женщины остаться одной в %

возраст	Число женщин (тыс)	вероятность
25-29	47000	1%
30-34	122000	2,25%
35-39	153000	3,05%
40-44	333000	6,84%
45-49	663000	10,74%
50-54	1031000	16,86%
55-59	1252000	23,07%
60-64	1021000	30,05%
65-69	1461000	42,09%
от 70	5497	58,12%

Таблица 3

Показатель смертности на 1000 человек		
возраст	женщины	мужчины
0 – 4	2,1	2,6
4 – 9	0,3	0,4
10 – 14	0,2	0,4
15 – 19	0,6	1,5
20 – 24	0,8	2,9
25 – 29	1,4	5,1
30 – 34	2	7,3
35 – 39	2,5	8,2
40 – 44	3,3	11
45 – 49	4,5	14,8
50 – 54	6,5	20,9
55 – 59	10	28,9
60 – 64	13,5	38,8
65 – 69	21,4	54
от 70	72,5	97,9

Специфика публицистики Чингиза Айтматова и соавторов книг-диалогов

Ряд ученых считают, что все произведения Чингиза Айтматова столь же философичны, сколь и публицистичны [1, с. 226]. Действительно, публицистичность пронизывает структуру большинства его произведений (Айтматов всегда был актуален), она обнаруживается не только в авторских отступлениях, но и в интерпретации его художественных образов.

В статьях, выступлениях, интервью, в диалогах писателя с людьми своего поколения всегда просматривались поиски новых смыслов. Его художественный поиск [2, 3] нередко находил продолжение и в публицистике.

Каков же диапазон интересов писателя и общественного деятеля? Он необычайно широк и многогранен:

- человек и современность («Светоч эпохи», «О хлебе, о людях, о крае родном», «Лунная дорога из хлопка», «Крепкого ветра!», «Думы на взлетной полосе», «Духу Хельсинки альтернативы нет», «Снега на Манас-ата», «Эпос подвига»);

- искусство и литература («О терминологии киргизского языка», «Воспевать дружбу и гуманность», «Главная книга», «Слово к Рафаэлю Альберти», «Проблемы Художественного мастерства», «Языковой космос», «Собор всемирной литературы», «Жажда поиска», «Горжусь моим современником», «Золотые ворота», «Два мастера», «Ответственность перед будущим», «Лицо человека», «Все касается всех»);

- выдающиеся представители отечественной и мировой культуры («Караванщик совести» – Шекспир, «Горы не убывают» – Т. Сыдыкбеков, «Открытие берега» – С. Эралиев, «Сын России» – И. Тургенев, «Неиссякаем, как Днепр» – Т. Шевченко, «Размышления у будущего памятника» – Токтогул, «Он знал миллион строк океаноподобного Манаса» – С. Каралаев, «С беспощадным реализмом» – Ф. Достоевский, «Склоняю голову» – А. Твардовский, «Лихая година» – М. Ауэзов, «Талант», «Чудо родной речи», «В них землю с небом породнив» – Р. Гамзатов, «Белорусский брат» – В. Быков, «На гребне века» – М. Шолохов, «Поле его огромно» – Д. Кугультинов, «Журавли летят» – С. Урусевский, «Оправдание за прожитые века» – Г. А. Якубов), «К портрету художника» – Д. Шостакович, «Вечный язык изваяния» – Т. Садыков, «Вдохновение, мастерство» – И. Архипова, «Пространство поэта» – К. Кулиев и др.);

- эпоха «железного занавеса» («Разум в ядерной осаде», «Плача на коленях, восстать во гневе», «Мы говорили начистоту», «Нет мира в рощах нейтралитета», «Ода республике»).

Беседа Ч. Айтматова с критиком М. Капусти-

ным «Орбиты взаимодействия» [4] посвящена проблемам взаимодействия культур [2, с. 288]. В беседе с Э. Лындиной «Как человеку человеком быть...» отмечено, что кинематограф занял прочное место в умонастроениях людей. Но «несомненны преимущества литературы, за плечами которой тысячелетия. Время, века, люди совершенствовались, оттачивали, гранили способность человека воссоздавать реальный мир посредством слова» [2, с. 293]. Считая, что гармоническое сочетание интернационального с национальным – уровень зрелости, где коренится общечеловеческое сознание, жажда быть «понятым и понять других, жажда справедливости, добра, красоты» [2, с. 310]. Хейнц Плавинус в интервью «Человек и мир. Семидесятые годы» [3, с. 232–262] пишет, что задача «литературы наших дней – извечные и общечеловеческие идеалы – остается коренной проблемой литературы и искусства. Ибо могут изменяться и изменяются формы функции литературы, но ее первооснова – отражение человеческой сущности – остается неизменной» [3, с. 262]. Но формы литературы неизменно развиваются в обществе.

Книга-диалог «Ода величию духа» [4] Ч. Айтматова и Дайсаку Икэды имеет важное значение в его творчестве. По их мнению, в современном мире как воздух нужна всеобщая Ода величию духа человека, определяющая сущность жизни человека и его место в мире. Книга Ч. Айтматова и представителя религии бахаи Ф. Намдара «Источник духовности и единения всех сторон жизни» [5] – это попытка осмыслить будущее человечества в контексте рисков, которые окружают сегодня с разных сторон всех их современников.

Беседа Чингиза Айтматова с Фаиз Ахмад Фаизом произошла в канун 25-летнего юбилея Первой конференции писателей Азии и Африки в Ташкенте [6]. Они встретились, чтобы побеседовать «о времени и о себе», о роли писателя в общественной жизни. Как видно из хода дискуссии, обоим писателям близка проблема языковой политики. Им интересна проблема назначения их творческих натур. Если Фаиз разделяет мнение пакистанского поэта Галиба «... в капле показать течение Евфрата» [6, с. 38], то Айтматов выражает свою с ним солидарность. Говорит о том, что если его поймет читатель-современник, то он достиг цели. И наоборот, если он не понят, значит, он не достучался до сердца, и надо работать дальше.

Другая книга-диалог «Плач охотника над пропастью: исповедь на исходе века» [7] представляет собой видение связи разных поколений Ч. Айтматовым и М. Шахановым. Книга состоит из сем глав, каждая из которых представляет проблемную тему.

Писатели рассуждают о роли литературы, истории, культуры в жизни людей, также они ставят злободневные вопросы и пытаются вести беседу не только друг с другом, но и со своими читателями. Изюминкой книги можно считать заключительную седьмую главу книги о месте любви в их личной судьбе и в жизни вообще человеческого общества.

Итак, публицистика Чингиза Айтматова и соавторов его книг-диалогов поднимает насущные вопросы современности, представляет к обсуждению с аудиторией актуальные проблемы, жизненно важные для всех людей во все времена существования человечества. В произведениях Ч. Айтматова и его собеседников пересекаются и существуют параллельно, звучат в унисон мысли гениев земной цивилизации: все гениальное – просто. А значит, надо жить в мире и согласии, дружбе и любви, равенстве и братстве.

М. Мамырова, В. Сабирова,
Ошский госуниверситет

Литература

1. Эркебаев А. Э. Элдик эпостон адабий эпоско / А. Э. Эркебаев. – Фрунзе, 1990.
2. Айтматов Ч. В соавторстве с землей и водой... / Ч. Айтматов // Очерки, статьи, беседы, интервью. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979.
3. Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью / Ч. Айтматов. – М., 1988.
4. Айтматов Ч. Ода величию духа / Ч. Айтматов, Д. Икэда. – М., 1994.
5. Айтматов Ч. Источник духовности и единения всех сторон жизни. Встреча с одним бахаи / Ч. Айтматов, Ф. Намдар. – Бишкек, 1998.
6. Айтматов Ч. Высокий долг писателя / Ч. Айтматов, А. Фаиз // Вопросы литературы. – № 9. – 1983.
7. Айтматов Ч. Плач охотника над пропастью / Ч. Айтматов, М. Шаханов. – Алматы, 1996.

Современные тенденции оформления журналов разного типа

В современном журнальном деле форма играет очень важную роль. Она несет смысловую нагрузку (вот почему можно говорить о смысловом восприятии визуальной информации). Для этого дизайнеру приходится учитывать особенности психологии восприятия, активно сотрудничать с пишущими журналистами (чтобы они на этапе создания частей своего текста уже представляли, как это будет визуально выглядеть), добиваться, чтобы в процессе создания гармоничного сочетания содержания и формы все принимали участие. Это отчасти связано с усложнением, дроблением журналистских текстов. Данные тенденции обусловлены формированием особой психологии восприятия информации в условиях информационного шума.

Сегодня сформировался новый читатель, тип мышления которого называют «клиповым» (зачастую приписывая явлению отрицательную окраску), что приводит к превращению линейного текста в политекст или презентацию. Для развлекательных журналов это в большей степени выражается в пунктуации (материал в виде списка, например, «1, 2, 3...»), для научно-популярных и аналитических – в дополнительных блоках, позволяющих рассмотреть ситуацию как бы со всех сторон (исторические, терминологические пояснения; статистические данные; комментарии; советы и так далее). Также современные журналы стремятся стилизовать форму под тему, что способствует большему эмоциональному погружению в материал, наглядности через сопереживание.

Попытаемся кратко сформулировать основные тенденции в современном журнальном дизайне.

Пунктуация и политекстовый дизайн. Под влиянием конвергенции СМИ, развития сетевых технологий стало важным не просто дробление материала на части с подзаголовками, как это было раньше. Сегодня части текста разделяют визуально по смыслу: создаются своего рода презентации, с пунктами и связями, являющимися различными «точками входа» в общий материал. Это могут быть дополнительные информационные блоки, статьи-списки и т.д. Материалы становятся «инфографичнее».

Рубричный и авторский дизайн. Предполагает создание особой формы для автора, от которой уже идут к конкретному содержанию, меняющемуся периодически («модель в модели»). Некоторое количество связанных частей, воспринимаемых в любой последовательности, на полосе (на одном развороте и более) выступают микро-рубриками, которые необходимо как-то укомплектовать. Форму могут спланировать и закрепить сами редакторы, и ее наполнением будут заниматься меняющиеся авторы. Может быть и авторская форма, когда пишущий журналист вырабатывает свою «фирменную» структуру политекста, включающую характер текстовых блоков (а также иллюстративных, если подбором изображений для материала занимается сам автор), их расположение. Все это означает непосредственное включение автора в оформительский процесс.

Включение в композиционную модель полей для подписей, комментариев, дополнительных блоков и просто для «воздуха». С одной стороны, это помогает верстке политекста, с другой – свободное пространство облегчает композицию полосы. Говоря об этой тенденции, хочется вспомнить самые первые журналы, у которых были поля для комментариев, ссылок или заголовков.

Произошла трансформация жанровой формы больших текстов. Крупный объем современных журналов позволяет размещать один текст на отдельной странице. Такой жанр, как «колонка», утратил обязательную пространственную связь с краем полосы. В этом смысле с ним произошло то же, что в свое время случилось с фельетоном – название жанра закрепилось за внутренней формой текста, потеряв привязанность к внешней (к обязательному расположению в «подвале» полосы). То же происходит и с заметками – 2-3 абзаца с фотографией на целую полосу для журналов сегодня норма.

Журнал в журнале. Еще одно следствие большого объема – суперрубрики начинаются с особой обложки или целого разворота. Это может быть просто фото с названием рубрики и небольшой подписью, или маленький материал. Иногда помещают даже внутренний отдельный анонс для всей рубрики.

Разворотное вступление. Большой объем также позволяет отдавать первый разворот многостраничного материала под фотографию с одними только заголовком и лидом (как вариант несколько абзацев или даже целая колонка основного текста). Это ярко обозначает начало нового крупного материала, позволяет прочувствовать его читателю, предвкушить. Достигается за счет правильного подбора фотокадра, расположения текста на нем. Как вариант еще возможен подбор цвета заголовка под тон иллюстрации.

Дизайн с «погружением». Сюда можно отнести наглядность ощущений, которая достигается специальным подбором фотографий, их размеров и расположения. Вспомним, как оформители «Русского репортера» вынудили читателя трогать мусор, или как в «Вокруг света» поместили на развороте крупную иллюстрацию стрекозы, приблизительно соответствующую оригинальному размеру, что создавало ощущение, будто читатель, раскрыв журнал, буквально держит на руках «экспонат». Также в эту категорию тенденций входит прием *стилизации* (или *визуализации темы*). Создается при помощи графических элементов (предметы, фигуры), соответствующих тематике материала. Это может быть несколько уникальных деталей, повторяющихся на протяжении всего материала, а может быть целая коллажная конструкция, в которую заливается текст и полноценные (прямоугольные) фотографии. Также встречается стилизация под определенный вид печати, когда на полосе размещается некая текстура: газетная, тетрадная и т.п.

Дизайнеры не ограничиваются одними цветными подложками (однотонными заливками). Фотография сама является подложкой. Это означает, что фотограф фактически тоже занимается дизайном. Ему необходимо представлять определенное количество снимков, претендующих на вступительный разворот, а значит имеющих определенные однородные зоны, на которых возможно размещение текста.

А. Сундуков,
г. Воронеж

Что думает о журналистике новая смена?

Я уже четвертый год веду дисциплину «Медиаобразование» и всегда начинаю курс с анкетирования слушателей. Ниже приводятся результаты опроса, который производился в начале первого года обучения магистров направления «Журналистика», имевших непрофильное высшее образование (специалисты и бакалавры; российские и иностранные граждане), в течение 2012–2015 гг. Анкету, разработанную профессором. С. Л. Страшновым и опубликованную в учебном пособии «Основы медиаобразования» (Воронеж, 2009), заполнили 40 человек.

Из шести вариантов ответа на вопрос «С чем ассоциируется для Вас слово “журналистика”?» большинство (19 чел.; 47,5 %) выбрали первый («С творчеством»); по 17 чел. (42,5 %) предпочли второй и третий ответы («С общественной деятельностью»; «С честным информированием», по три ответа (7,5 %) пришлось на три последующие позиции: «С обманом

и продажностью», «С сенсациями и скандалами» и «Другое»: «С не всегда честной информацией», «С круглосуточностью работы», «С этикой и правдой» (Этот, а также вопросы 5, 8, 10 предполагали выбор от 2 до 4 ответов).

Можно сделать вывод о том, что люди, решившие связать судьбу с работой в СМИ, планируют прежде всего реализовать свой творческий потенциал, имея при этом представление о непростой профессии журналиста, требующей от человека гражданской смелости, честности и трудолюбия.

На вопрос «Какими свойствами, на Ваш взгляд, должна обладать массовая информация?», 55 % набрал ответ «С доступностью» (22 чел.), 52,5 % – «С оперативностью» (21 чел.), 15 % – «С новизной» (6 чел.); многие привели свои варианты ответов.

Действительно, доступность, оперативность и новизна информации – это то, что прежде всего ждет современный человек от СМИ. Реципиенты

назвали также другие свойства, особо выделив достоверность, объективность и правдивость (были названы также способность делать людей грамотными; разносторонность, полярность взглядов; точность; надежность).

На вопрос «Какие из функций СМИ являются для Вас наиболее важными?» подавляющее большинство ответили «Информирующая» (32 чел.; 80 %), затем идут образовательная (28 чел.; 70 %), аналитическая (23 чел.; 57,5 %), развлекательная (15 чел.; 37,5 %), организационно-контролирующая (8 чел.; 20 %), рекламная (8 чел.; 17,5 %) и пропагандистская (4 чел.; 10 %).

Очень важно, что среди лидеров – ответы, связанные с просветительской составляющей СМИ, помогающих аудитории разобраться в текущей действительности.

На вопрос «Как целесообразнее строить отношения СМИ и общественного мнения?» из нескольких моделей коммуникации (14 чел.; 35 %) поместили ответ «Активизировать», почти столько же (12 чел.; 30 %) подчеркнули ответ «Выражать», (10 чел.; 25 %) считают самым необходимым формирование общественного мнения, (1 чел.; 2,5 %) высказался за отстаивание журналистикой самых распространенных представлений. Были предложены и свои модели отношений (рассказывать; показывать; помогать; формировать, выражать другие точки зрения; формировать).

Опрашиваемые выразили (возможно, интуитивно) потребность в усилении обратной связи. То есть СМИ должны не только формировать общественное мнение, но и постоянно производить его мониторинг, подпитываться общественным мнением в поиске актуальных тем, проблем и фактов.

Ответы на следующий вопрос «Что именно Вы по преимуществу черпаете из СМИ?» также подтвердили значение для аудитории образовательной роли средств массовой информации, от которых ждут авторитетного комментирования событий и явлений. Ответы расположились в следующей последовательности: «Популярное изложение сведений из далеких для себя научных, производственных, культурных и географических областей» – 21 чел., 52,5 %; «Информация о только что случившемся» – 20 чел., 50 %; «Компетентное толкование новых фактов» – 17 чел., 42,5 %; «Авторитетные мнения» – 15 чел., 37,5 %; «Материал для организации отдыха» – 4 чел., 10 %. Другие ответы: углублённое изучение интересующей информации; публикация нужной мне информации; развитие.

Ответы на вопрос «Какие навыки, по Вашему мнению, обязательны для эффективного знакомства с продукцией СМИ?» дали такие результаты: «Способность быстро ориентироваться в печатном тексте» – 18 чел., 45 %; «Компьютерная грамотность» – 14 чел., 35 %; «Умелое владение аудио-видеотехникой» – 7 чел., 17,5 %; «Другое»: умение ориентироваться в потоке информации, любознательность, грамотность, образованность в самом широком смысле, критичность, читать между строк.

Реципиенты отдают предпочтение общенациональным СМИ – (21 чел., 52,5 %); затем идут всемирные (18 чел., 45 %) и региональные СМИ (7 чел., 17,5 %). При перечислении конкретных изданий, каналов, передач и сайтов были названы наиболее рейтинговые российские СМИ.

Из различительных признаков изданий и программ наиболее существенными оказались тематические (24 чел., 60 %) и интеллектуальные (23 чел., 57,5 %). Далее идут идеологические (14 чел., 35 %), функциональные (6 чел., 15 %), поло-возрастные (5 чел., 12,5 %).

Наиболее значимыми видами средств массовой информации являются интернет-СМИ. Резко теряют в популярности телевизионные программы (6 чел. вообще не смотрят ТВ), радиовыпуски (7 человек вообще не слушают радио; остальные слушают преимущественно в транспорте), газеты (8 чел. не читают их) и журналы (9 чел. не читают их).

Особенно значимыми и привлекательными жанрами являются репортаж (27 чел., 67,5 %), интервью (26 чел., 65 %) и информационное сообщение (24 чел., 60 %). Далее следуют комментарий и обзор (16 чел., 40 %), очерк (10 чел., 25 %), ток-шоу (5 чел., 12,5 %) и фельетон (1 чел., 2,5 %).

Среди журналистов прошлого были названы не только писатели-классики (А. Пушкин, Ф. Достоевский, А. Чехов), но и недавно ушедшие от нас (А. Боровик, В. Листьев, В. Песков, Ю. Щекочихин). Среди любимых современных журналистов магистры чаще всего называли В. Познера, И. Петровскую, В. Соловьева, Л. Парфёнова.

В. Тулупов,
г. Воронеж

Т. Лебедева

Журналистика в год культуры

Осень прошедшего года была богата научными конференциями по журналистике, самые крупные из которых имели статус международных. Самым представительным, без сомнения, был Первый Международный форум в японском городе Киото, о котором мы подробно рассказывали в № 7-8 «Акцентов». Цель этой статьи – рассказать о конференциях, проходивших в нашей стране. Но японский форум «Социокультурные и филологические аспекты в образовательном и научном контексте» в данном случае нельзя не упомянуть, поскольку в его подзаголовке значилось: «по русистике, культуре, педагогике». Из 158 докладов, там представленных и опубликованных в увесистом томе в 710 страниц большого формата, 70 относились именно к русистике, и в 33-х докладах в заголовке выносилось слово «культура» и его производные: лингвокультурология, межкультурные аспекты (коммуникации, концепции), национально-культурные особенности, поликультурность, социокультурная компетенция, этнокультурные аспекты и т. п. Для Года Культуры такой выбор тем совершенно логичен.

Форум в японском университете Сангё проходил с 25 по 29 сентября. 16 октября началась Международная научно-практическая конференция в Казани, на которой тема культуры тоже прозвучала довольно ярко, правда, разговор во всех случаях шёл именно о культуре журналистики. Вот некоторые темы докладов: «Профессиональная идентификация как элемент журналистской культуры в России», «Визуальная культура журналиста», «Популяризация естествознания в социокультурных условиях современности», «Информационная среда в процессе этнокультурной идентификации современных татар» и т. п.

На первом пленарном заседании после приветствий представителей Государственного совета Республики Татарстан, Союза журналистов и ректората КФУ с докладом «Методы популяризации научного знания в современных СМИ» выступил профессор МГУ А. А. Тertyчный. Он говорил о том, что общественная потребность в журналистах-популяризаторах требует их всеобъемлющей

подготовки, в том числе – обучения всему арсеналу методов научной популяризации, таких как «описание, сравнение, аналогия, ассоциация, моделирование»¹. Заведующая кафедрой журналистики КФУ С. К. Шайхитдинова в ответной реплике заявила, что в учебном процессе мы слишком много внимания уделяем изучению приёмов и методов журналистского творчества, отчего работы студентов уныло похожи одна на другую. Может быть, она сказала это, чтобы разжечь дискуссию. Если так, то ей это сделать удалось. Коллеги отмечали, что именно отличное владение теорией журналистики помогает достижению успехов в практической деятельности. Доцент Московского Государственного университета управления Н. В. Вакурова и спецкор «Московской правды» Л. И. Московкин при анализе экологической прессы обнаружили «мнения вместо новостей, заведомо неверифицируемую информацию вместо объективных данных, сфабрикованные провокации вместо непредвзятых суждений... Действующие журналисты вынуждены на собственных ошибках учиться работе с информацией»².

Доцент Пермского ГНИУ Г. В. Куличкина, говоря об освещении межнациональных отношений в региональных СМИ в связи с притоком мигрантов, отметила, что «в такой ситуации возникла потребность уточнить основополагающие принципы и функции современных региональных СМИ по освещению межнациональных отношений в полиэтническом и поликонфессиональном регионе»³. А. И. Пачина из Хакасского госуниверситета, анализируя творчество местного журналиста Ю. Абумова, взяв за основу законы речевого воздействия, разработанные И. А. Стерниным, а их в его классификации 21, обнаруживает наличие в публицистике Абумова почти всех этих законов. Значит, всё-таки не зря при анализе практики студентов мы обращаем внимание и на использование теоретических знаний. В Казани много говорилось

¹ Тertyчный А. А. Методы популяризации научного знания в современных СМИ // Информационное поле современной России: практики и эффекты. – Казань : КФУ, 2014. – С. 331.

² Вакурова Н. В., Московкин Л. И. Конвергентная журналистика в современном медиaprостранстве как инструмент управления случайностью // Информационное поле современной России: практики и эффекты. – Казань : КФУ, 2014. – С. 191.

³ Куличкина Г. В. Освещение межнациональных отношений в региональных СМИ в связи с притоком мигрантов // Там же. – С. 251.

Об авторе: Лебедева Татьяна Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры телевизионной и радиожурналистики факультета журналистики Воронежского государственного университета.

о языке публицистических текстов, об изменениях в жанрах, в том числе и таких, казалось бы, сложившихся, как проблемный очерк, интервью или характерные для татарской публицистики малые сатирические жанры. В перечне материалов конференции часто встречается слово «медиакомпетентность». При этом имеется в виду не только содержание, но и форма медиатекста.

На Сочинской Восьмой Международной конференции, проходившей 13 ноября, было много сообщений по истории журналистики, что характерно для Кубанского университета. Интересно, что первые доклады, сопровождаемые яркой презентацией, перенесли собравшихся в Америку XIX и начала XX века. Доклад профессора Курского университета Т. В. Алентьевой назывался «Пиар в эпоху Линкольна». Профессор Московского университета культуры и искусств Е. Ю. Коломийцева рассказала о том, как американские газеты освещали посещение США Сергеем Есениным. Не осталось незамеченным столетие начала Первой мировой войны. Ему были посвящены доклады краснодарских профессоров Ю. В. Лучинского «Российская журналистика в годы Первой мировой войны: специфика трансформации» и А. Н. Еремеевой «Проблема «мобилизации интеллекта» в период Первой мировой войны». Объектом изучения ростовского профессора Е. В. Ахмадулина стала черносотенная печать (сегодня автора не упрекнёшь в несвоевременности!). Интересен был доклад и профессора А. В. Млечко из ВолГУ «Системность медиасимвола: от русского текста к «эмигрантскому мифу» (На примере журнала «Современные записки»).

Склонность интереса к изучению журналистами современного литературного процесса – ещё одна отличительная черта конференций, проводимых журфаком КубГУ. Одна из четырёх планируемых секций была обозначена как «Литература и современные медиапрактики».

Очень тепло был принят аудиторией наш журнал «Воронежский телеграф». Польский профессор Мариан Геруля, рассматривая подаренный ему экземпляр, спросил: «Как такую прелесть удаётся издавать без рекламы?». Удавалось! Вернувшись домой, мы с горечью узнали, что журнал с нового года закрывается. Таков был последний аккорд завершения Года Культуры в Воронеже.

Ярославский педуниверситет провёл всего лишь вторую Международную научно-практическую конференцию по журналистике. Она проходила 24-25 ноября и называлась «Современные медиа: процессы и контексты». Здесь тоже много говорилось об истории, культуре, литературе, но в основном докладчиками были создатели анализируемого продукта: редактор интернет-версии журнала «Новый мир», литературный куратор сайта «Журнальный зал» С. П. Костырко, профессор Ярославского театрального института, редактор журнала «Театральный круг» М. Г. Ваяшова, организатор и вдохновитель «публичного искусствоведения» (есть такое в Ярославле и процветает!) доктор культурологии,

профессор ЯГПУ Т. В. Юрьева. Но, пожалуй, самым интересным был доклад Алексея Суслова, главного редактора журнала «Угличе Поле». Журнал выходит форматом А-4 на 130 страницах, в каждом номере около двухсот иллюстраций (карты, репродукции картин, рисунки, фотографии – чаще всего прошлых веков). Вышли в свет уже 22 номера. Алексей Суслов рассказал, что, когда губернатор Ярославской области Сергей Николаевич Ястребов просмотрел первый номер, он выразил желание, чтобы во всех старинных городах области: Рыбинске, Ростове, Пошехонье, Переславле, Любиме – выходили такие журналы. В том, что желание губернатора исполнится, не возникает сомнений. Как мы уже отметили, в области существует такой феномен, как «публичное искусствоведение», регулярно проходят форумы Ярославского историко-родословного общества и, наконец, выходит прекрасно изданная научно-популярная книжная серия «Библиотека ярославской семьи». Её первый тематический комплект посвящён истории, традициям и знаменитым людям Ярославщины. В реализации проекта приняли участие более двухсот человек. Пятая часть коллектива – учёные. В марте 2014 года первый пятитомник серии стал лауреатом Десятого всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина» в номинации «Мой край». Через месяц серия «Библиотека ярославской семьи» получила диплом победителя и в родном городе в номинации «Лучшее научно-популярное издание». Книжки охотно покупаются в Москве и городах области. За полгода продано 22 тысячи экземпляров.

А у нас закрыли единственный всеми любимый тоненький, всего-то в 30 страниц, историко-культурный журнальчик «по независящим от редакции обстоятельствам», как писали о его исчезновении почти на полвека предшественники и как, возможно, снова через много лет возвестят потомкам о его нынешней кончине, но тогда «независящие обстоятельства» и их создатели непременно будут названы.

И теперь мы снова вернёмся к тому, с чего начали разговор. Светлана Шайхитдинова, как стало понятно из её доклада на Казанской конференции, имела в виду совсем не излишнее углубление в теорию журналистики. Она напоминала о гражданственности. Мы, действительно, иногда забываем говорить о ней. «СМИ сейчас – предприятия рынка, которые почти не имеют отношения к журналистике. Как макаронная фабрика – главное, чтобы все изделия были похожи одно на другое, отсюда бессистемные и бессодержательные материалы...»

И тут уж, оглянувшись на окружающую действительность, трудно не согласиться.

г. Воронеж

Е. Полякова

Эффективность использования рифмы в слоганах лекарственных препаратов

Аннотация: в статье рассматривается один из приемов, применяемый при формировании художественной оболочки слогана, – рифма.

Ключевые слова: слоган, рифма, маркетинг, бренд, торговое предложение.

Процесс написания рекламного слогана предполагает поиск равновесия между содержанием и формой: в работающем слогане маркетинговая составляющая и ее художественное оформление существуют в гармонии. Если уделять внимание только содержанию, слоган будет безликим: он не будет выполнять выделительную функцию. Если оставить без внимания содержание и работать только над формой, слоган будет пустым, не содержащим в себе уникальное торговое предложение (УТП). Хороший слоган должен представлять собой «вкусную» маркетинговую начинку в красивом художественном «фантике».

Сначала определимся, как заложить в слоган маркетинговую составляющую.

Чтобы рекламный слоган выполнял свою основную задачу – стимулировать потребителя к покупке рекламируемого товара¹ – у него должен быть скелет, то есть структура, элементы которой мы назовем *слоганообразующими*. Речь пойдет об основных и вспомогательных значимых единицах, используемых при написании рекламного слогана².

К основным значимым единицам (ОЗЕ) относятся имя бренда и уникальное торговое предложение. К вспомогательным (ВЗЕ) – товарная категория, целевая аудитория, формальные особенности товара, происхождение товара.

Если в слогане присутствует хотя бы одна из перечисленных единиц (и ОЗЕ, и ВЗЕ), его можно считать наполненным с точки зрения маркетинга. Мы попытаемся на примерах продемонстрировать, в чем проявляются особенности указанных слоганообразующих элементов.

Обратимся к художественной составляющей слоганов. На всех уровнях языка существует множество приемов, которые можно использовать при формировании художественной оболочки слогана:

¹ Морозова И. Слагая слоганы / И. Морозова. – М.: РИП-холдинг, 2006. – С. 3.

² Разработка Ирины Морозовой.

метафора, метонимия, каламбур, антитеза, хiasm, рифма и др.

В данной работе мы рассмотрим только один прием – рифму – простое и понятное средство, к которому нередко обращаются при написании рекламных слоганов. Сила рифмы состоит в том, что она способствует лучшему запоминанию; слабость – в неуместности, порой комичности.

Отметим, что особенно часто рифма встречается в слоганах лекарственных препаратов. Можно предположить, что это связано со следующими причинами: 1) незнакомое или труднозапоминаемое название лекарства легче заучить, если оно реализуется в рифмованном тексте; 2) небольшое забавное стихотворение дает возможность рассказать о деликатной проблеме с юмором.

Проанализируем конкретные примеры, при этом будем учитывать лексико-семантическое наполнение рифмы в сочетании с теми или иными слоганообразующими элементами.

Сравним два слогана одного лекарственного средства:

«Эспумизан» — препарат, уменьшающий метеоризм:

1. В животе шум и гам – принимай Эспумизан.

2. У метеоризма шансов нет! Эспумизан дает ответ.

В представленных слоганах используется рифма. На первый взгляд структура выдержана идентично — в слоганах есть ОЗЕ (имя бренда – «Эспумизан») и ВЗЕ (товарная категория – живот, метеоризм), но есть и различие – оно проявляется в содержании рифмованных слов. Если в первом слогане рифмуется именно имя бренда: *гам – Эспумизан*, то во втором – слова, которые не являются слоганообразующими: *нет – ответ*.

На основе анализа множества слоганов как лекарственных средств, так и других товаров и услуг, мы вывели три степени функциональности использования рифмы:

- 1) рифма функциональна;
- 2) недостаточно функциональна;
- 3) нефункциональна.

В основе данной классификации лежит такой слоганообразующий элемент, как имя бренда.

Если в слогане есть зарифмованное имя бренда, то использование рифмы функционально (первый слоган «Эспумизан»). Недостаточно функционально использование рифмы в том случае, если в слогане есть имя бренда, но оно не рифмуется (второй слоган «Эспумизан»). Если в слогане есть

Об авторе: Е. Полякова, студент факультета журналистики
Научный руководитель – к.ф.н., доц. М. Я. Запругаева

рифма, но нет имени бренда – это нефункционально (см. далее).

Рифма в слоганах лекарств способствуют лучшему запоминанию их сложных названий. Если копирайтер преследует эту цель, а не занимается стихосочинительством, ему следует включить в слоган имя бренда, а еще лучше его зарифмовать. Убедимся в этом на следующих примерах. Начнем со слоганов, в которых рифма используется функционально.

«Гастал» – средство от изжоги:

* Момент настал — прими Гастал.

* Если изжога застала – прими таблетку Гастала.

«Мезим» – ферментный препарат:

* Мезим – для желудка незаменим.

* Мезим – здорово желудку с ним.

«Хондроксид» – препарат, регулирующий обмен веществ в хрящевой ткани:

* Если скрючен индивид, помогает Хондроксид.

«Хилак Форте» – пробиотик:

* С Хилаком Форте кишечнику комфортно.

Особенно функционально использование рифмы в следующем слогане:

«Эссенциале Форте Эн» – гепатопротекторное средство:

* Эссенциале Форте Эн – две капсулы два раза в день.

Здесь с помощью рифмы запоминается не только сложное название продукта, но и норма его употребления.

В перечисленные выше слоганы выдерживается баланс содержания и формы: в них есть ОЗЕ (во всех имя бренда и почти во всех УТП) и ВЗЕ (товарная категория – изжога, желудок, кишечник; целевая аудитория – индивид) – то есть маркетинговая ценность; в них есть рифма, использование которой функционально, — художественная ценность.

Перейдем к слоганам, в которых использование рифмы недостаточно функционально.

«Геделикс» – сироп от кашля:

* Кашля больше не боюсь — Геделиксом я лечусь.

* От природы Вам совет: Геделикс – и кашля нет.

«Аципол» – препарат для профилактики и лечения дисбактериоза:

* Если дисбактериоз, Аципол решит вопрос.

* «Сизель» – противорвотный препарат:

* Мутит в пути? Сизель захвати.

«Гентос» – гомеопатический препарат:

* Настиг вездесущий туалет? Гентос – простатиту нет!

«Лопедиум» – противодиарейный препарат:

* От медвежьей от болезни всех Лопедиум полезней.

Вероятность того, что названия данных препаратов могут запомниться, есть, но она не так велика, как при функциональном использовании рифмы.

Слоганы, в которых использование рифмы нефункционально.

«Маример» – средство для профилактики и лечения насморка:

* Морской прибой всегда с тобой!

«Квикс» – спрей на основе океанической воды:

* Нос отчистит без труда из Атлантики вода.

«Бромгексин» – муколитический и отхаркивающий препарат:

* Когда кашляют детишки – им поможет синий мишка!

Последний слоган вызывает бурю эмоций у активных пользователей Интернет: «Если кашляют детишки, чем поможет синий мишка?!».

В действительности слоган вполне вписывается в общую рекламную концепцию. Целевая аудитория продукта – дети, а не родители. Детям нравится яркая реклама санимированными рекламными персонажами. Рекламный персонаж «Бромгексин» – синий мишка, а в некоторых роликах даже целая армия синих мишек, которые стоят на страже детского здоровья. Несмотря на отсутствие ОЗЕ (имя бренда), слоган вполне хорош: в нем есть ВЗЕ: целевая аудитория – детишки, формальные особенности товара – синий.

В слогане «Бромгексин» для взрослых тоже есть рифма, но ее использование функционально: «Когда кашляешь, прими – Бромгексин Берлин-Хеми».

Если мы продолжим приводить примеры, то обнаружим, что ряды первой и второй группы можно пополнить. Количество слоганов третьей группы меньше. Это особенность слоганов лекарственных средств. Рекламисты понимают, что рифма – оптимальный прием для запоминания сложного лекарственного названия, которым нужно пользоваться функционально. От рифмы можно отказаться, если для нее нет функционального приращения.

Ю. Головин Три рассказа

Птица, которая уже прилетела...

Середина марта. Раннее утро. Настолько раннее, что утра как такового еще не видно: чуть-чуть где-то брезжит, и то, может, это просто отсвет дальних фонарей какого-нибудь там проспекта. Холодно, сыкотно, неуютно. Вот-вот отправится первая электричка из Москвы. В вагонах уже включили свет, уже сидят, нахохлившись, спрятавшись в воротники, в шапки, в шарфы, первые одинокие пассажиры. В этом вагоне их всего четверо, устроившихся друг от друга как можно дальше. Трое – не поймешь даже, мужчины они или женщины, – дремлют. Четвертый, вернее, четвертая – безусловно, женщина, привлекательная, молодая. По крайней мере, от двери вагона, которая сейчас скрипнула, скользнула по полозкам, щелкнула задвижкой, – вошел мужчина, – кажется, что ей не больше двадцати двух, что она красива, что одежда на ней – шубка с меховым воротником, кажется, лисьим, шапка из того же меха, шарфик в тон шубке – элегантно, даже нарядно. Но вблизи, из прохода, рядом с ее сиденьем, видно, что женщина значительно старше, что лицо ее, впрочем, и отсюда симпатичное, припухло, то ли от недосыпа, то ли от выпитого накануне вина, что грим на лице случаен, наложен наспех и, наверное, в темноте, что на шее видны морщины, что шубка ее потерта, а шарф растрепан от долгого употребления.

Мужчина, который только что вошел, а теперь вот остановился в проходе рядом с женщиной, слегка пьян, даже скорее, с похмелья. Возраст его определить трудно, так как сегодня он еще не брился, может, даже не умывался, а может, и не спал еще. У него немного дрожат руки, может, от холода, он втянул шею в свою куртку, голубую, югославскую, с заклепками и карманами, почти новую, и глубоко надвинул на лоб серую, кажется, волчью шапку. Немного помедлив, он садится напротив женщины и, кажется, нарочно принимает точно такую же позу, как и она. То есть вдавливаясь в самый угол, к окну, еще сильнее втягивает шею, обхватывает руками грудь, зажав ладони под мышками, и вытя-

гивает ноги... Теперь они – зеркальное отражение друг друга и даже чем-то похожи. Так проходит несколько минут. Наконец, мужчина, а было же видно, что он сел сюда не случайно, начинает говорить. Голос у него приятный, хотя прокуренный и простуженный немного. После каждой фразы он делает длинные, иногда минутные, паузы. Женщина долгое время молчит, будто не слышит его. По крайней мере, ничто в ее позе не меняется.

– Извините, что я обращаюсь к незнакомой женщине, обычно я этого не делаю, но это особый случай... Вы напоминаете мне птицу... Какая прилетела... Вы не хотите со мной разговаривать?... В общем-то, правильно... Наверное, думаете, что я один из этих мальчиков, что снимают на улице, в метро, в троллейбусе... Нет, совсем нет, поверьте... Честное слово... Хотя один мой товарищ вот так познакомился с девушкой в троллейбусе – оказалось, им выходить на одной остановке. А потом они поженились... Честное слово. Не верите?

Этот небольшой монолог он произносит в течение пяти, может быть, десяти минут, по крайней мере, до самого отправления электрички, которому предшествовало объявление диктора по вагонам: «Наша электричка следует до станции Ожерелье. Проследует без остановок Нижние Котлы, Москва-Товарная, Чертаново. Далее остановки по всем пунктам. Следующая остановка – Речной вокзал».

Прямо под колесами загудели трансформаторы, задрожал пол, вагон дернулся, скользнула ярко освещенная пустая платформа, припорошенная еще совсем чистым, нетоптанным снегом, полетела в темноту и вынырнула вновь только в Нижних Котлах, которые, как и обещалось, поезд проследовал без остановки. Правда, здесь уже платформа была совсем засыпана снегом и почти совсем не освещена. И только когда электричка вынырнула из «Котлов» и снова улетела в темноту, впрочем, не совсем уже беспросветную, он снова начал говорить, теперь уже громче, уже наклонившись к ней всем телом, теперь уже видно было, что шапка у него не волчья – собачья. Теперь уже говорил он отрывисто, быстро, в такт, умудряясь вставлять слова, даже очень длинные, в паузы, отбиваемые колесами.

– А недавно у них родился сын. И когда мне нужно привести пример счастливой семьи, я рассказываю об этих моих друзьях. У них в доме всегда тепло, даже когда они ругаются, даже когда мальчишка болеет.

Об авторе: Головин Юрий Алексеевич, доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор и заведующий кафедрой журналистики Московского гуманитарного университета. Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

Женщина до сих пор не пошевелилась, ни разу не посмотрела на него. И сейчас, когда она заговорила, кажется, что губы ее даже не дрогнули. Кажется, что голос ее, мягкий, с чуть заметной хрипотцой, от утра наверное, прилетел откуда-то со стороны, может, даже из-за стекла, за которым тоже сидели, вернее, неслись по снежной пустынной земле их тени. Впрочем, она сказала всего одно слово.

Похоже...

Что похоже?

Она молчит теперь до самой Москвы-Товарной. И только когда электричка вновь нагоняет совсем уже маленький и совсем темный перрончик, женщина отвечает на его вопрос. Она произносит теперь уже целых три слова.

Про птицу похоже...

А-а-а! Про птицу... Но я вижу, вы мне не верите, что у них родился сын, то есть, что они поженились, вернее, познакомились в троллейбусе. А я, между прочим, говорю правду. Я всегда в первый раз говорю правду... Сына Денисом назвали. Такой малыш интересный, уже говорит «папа». А познакомились в троллейбусе. Оказывается, жили в соседних домах и почти двадцать лет садились и выходили на одной остановке. Интересно, правда?

Откуда вы догадались?

Как откуда! Они мне рассказали. Я даже на свадьбе у них был, дружком. – И через паузу, очень длинную: – А-а-а! Вы, наверное, имеете в виду, откуда я догадался про птицу. Видите ли, я кажется, сам сейчас похож на птицу, а вы – на меня...

– «Остановка – Речной вокзал. Следующая остановка – Коломенская, метро «Варшавская».

Перрон, такой же пустой, белый, правда, освещенный только в самом начале своего бега, проскакивает по инерции еще несколько десятков шагов и мягко останавливается, заглядывает в окно своими табличками с расписанием поездов, металлическими поручнями на ступеньках, с шипением вздыхает и выдыхает всеми раздвинувшимися дверями электрички и снова убегает в темноту, все более расплывчатую, зыбкую, уже опрокидывающуюся в утро. И мужчина снова попадает в ритм колес.

Ответьте только на один вопрос. Это очень важно. Вы не на Бирюлево-Товарной выходите? Нет? Жалко... Я загадал, что если вы выходите на Бирюлево-Товарной, то мы с вами обязательно познакомимся. И обязательно станем друзьями...

Почему?

А разве так не бывает? Все ведь сначала где-то знакомятся и только потом становятся друзьями.

Почему вы тоже... похожи на птицу?

– А-а-а! Это долго рассказывать, да и не совсем удобно. Получится, что я как бы и о вас рассказываю. А мы с вами даже не знакомы еще... А почему, собственно, неудобно? Как раз наоборот, очень даже удобно. Одна птица рассказывает другой о своей птичьей жизни. Потом обе взмахивают крылами и разлетаются... Я еще когда на электричку шел, думал, хорошо бы было, если б в вагоне

сидела красивая женщина, и чтобы сидела одна, и чтобы ей было одиноко, грустно и хотелось тепла... Я ведь три вагона прошел, пока вас не увидел. А как посмотрел на вас еще оттуда, от двери, понял: вот это она и есть, и у нее на душе так же гадко, как у меня. И вдруг меня осенило, что вы похожи на птицу, которая уже прилетела, а весны еще нет...

Да, так вот, я был сегодня в одной компании. Случайной. Совершенно мне не интересной. И я им был совершенно не интересен. Знаете, как бывает. С кем-то выпили, кого-то встретили, где-то нашли хату, бог знает кого вызвонили. Много пили, много болтали. Свет приглушили, танцевали с теми, кого вызвонили. Как-то само собой распределились по парам. И у меня тоже была «моя» женщина. Танцевали-танцевали и оказались с ней в постели. Хотя она мне совсем не нравилась, да и я ей тоже – это видно было. И я не хотел ее, честное слово, но почти всю ночь зачем-то к ней приставал. А она не соглашалась. Почему? Тоже не понятно. Если сама легла в постель! А под утро согласилась. Зачем, тоже не известно. Если уж всю ночь не соглашалась, то почему под утро, вдруг... А потом даже смотреть было противно друг на друга... И знаете, я так и не смог заснуть, тихонечко оделся и ушел. Вот теперь еду домой, в Бирюлево. Вот такая пошлая история. А знаете, что в ней самое страшное? Мы все, или почти все, так живем. Мы все похожи на каких-то странных птиц, которые уже прилетели... Нам всем не хватает тепла, и мы готовы залететь в любую форточку, чтобы чуть-чуть погреться, даже не замечая, что все форточки ведут на улицу. Я с ужасом сейчас думаю, что даже не знаю имени той женщины, с которой пытался согреться, и она наверняка моего не знает. И ей наверное, сейчас так же гнусно, как и мне. Кстати, а как вас зовут, мы же так и не познакомились?

Птица...

Ха! Действительно! Но не просто ведь птица, а какая-то определенная. Постойте, я угадаю. Жаворонок? Нет, не похоже. Синица? Кажется, нет. Ласточка? Нет, совсем нет. Зяблик! Конечно же, зяблик! Как это я сразу не догадался. Зяблик, так на какой же станции вы вылетаете?

А вы?

Я же сказал, на Бирюлево-Товарной.

Вы какая птица?

Я? Сейчас, сейчас... Может быть, сокол? Безумству храбрых... Нет? Тогда ворон. Оза, Роза ли, Стервоза... Тоже нет? Значит, дятел! Анекдот про дятла помните? Рябчик...

А что, может, и рябчик. Нет, действительно, рябчик! Как мне это сразу в голову не пришло! Итак, две птицы в одной клетке: Зяблик и Рябчик.

«Коломенское, метро Варшавская». Следующая станция – Бирюлево-Товарная. Чертаново поезд проследует без остановки».

И поезд действительно проследовал без остановки, даже не притормозил у совсем крошечного перрона, где в серой кашеце утра серыми столбиками стояли богом забытые чертановцы, невесть куда собравшиеся в такую рань.

Зяблик, а что если нам встретиться завтра? К примеру, на Пушкинской, часиков в семь вечера. Нет, честно, из нас получится классная пара. Мы будем ходить по городу, сидеть в кафе, может, даже целоваться, а почему нет, и никто кроме нас не будет знать, что на самом деле мы не люди, а птицы. Здорово?

Здорово...

Она в первый раз за все это утро, гнусное, холодное, смотрит ему в глаза. Долго смотрит, будто что-то выискивая в его черных расширенных зрачках. Даже меняет, наконец, позу – чуть наклоняется к нему, и теперь они снова похожи на зеркальное отражение друг друга. И вдруг говорит нечто совсем неожиданное, настолько неожиданное, что они оба после ее слов долго молчат, только смотрят друг другу в глаза, будто затеяли игру, кто кого переглядит.

А знаешь что, Рябчик, – вдруг говорит она совсем неожиданное, – женись на мне. Завтра. А хочешь, сегодня. Хочешь, я сейчас выйду с тобой, уберу у тебя в квартире, вымою тебя в ванной, постираю твои рубашки, носки...

Хорошо, – говорит он почему-то шепотом, говорит, когда за окном уже появляются Бирюлевские коробки, так похожие на транзисторные приемники. – Завтра... Но ты не будешь потом приставать ко мне с тем, что я мало зарабатываю?

Нет, я никогда не буду приставать к тебе с тем, что ты мало зарабатываешь...

И по утрам ты будешь готовить мне завтрак?

Да, я каждое утро буду готовить тебе завтрак.

И будешь убирать в квартире, будешь причесываться, будешь носить чистое белье?

Только самое чистое, воздушное...

И потом, не будешь жаловаться, что я испортил тебе жизнь?

Нет, я каждый вечер буду рассказывать, как я с тобой счастлива...

Все реже стучат колеса. Сначала быстро, потом все медленнее наплывает перрон. Все тот же, правда с истоптанным теперь снегом, с горстками людей в черных, серых, коричневых куртках и пальто. Впрочем, ожидающих электричку в противоположную сторону, в Москву, в город, готовый заглотить их всех своими бесчисленными арками, дворами, дверями и к вечеру выплюнуть их вместе с авоськами, сумками, папками, портфелями и снова затаиться на ночь в их ожидании.

Она берет его ладонь, подносит к своим губам, дует на его пальцы.

Так, значит, завтра, в семь, на Пушкинской?

Завтра, в семь, на Пушкинской...

Он успевает выскочить из вагона в самый последний момент и успевает лишь дотронуться рукой до стекла, за которым, съездившись, сидит женщина, так похожая на птицу, как стекло это выскальзывает из-под руки, а потом выскальзывает из перрона и весь поезд, оставляя за собой черную яму с двумя блестящими змейками рельсов, бегущими вслед за поездом...

И теперь даже было не важно, что уже наступило утро и что каждый думал уже о своем. Он злился на себя за то, что так и не сочинил еще историю, которую придется рассказывать жене, причем рассказывать сейчас, так как она обязательно проснется, даже если он, действительно, превратится в птицу и влетит в форточку, впрочем, наверняка закрывающую.

Она жалела себя, так как художник, которому она позировала и у которого подкармливалась в последнее время, женился и выгнал ее с квартиры, вернее из мастерской, и вот теперь ей нужно ехать за деньгами домой, в треклятое Ожерелье, где пьяница отец будет снова учить ее, как ей жить, и где мама до сих пор думает, что она учится в художественном институте, в который она даже поступать уже перестала, и где ей снова придется рассказывать о своих сокурсниках и женихе, который вот-вот заявится, чтобы просить ее руки...

Вдоль обрыва

Телеграмма все равно пришла неожиданно, и как-то неловко было видеть растерянного отца, когда я пришел с пляжа, а он протянул мне аккуратно сложенную бумажку. Как бы извиняюсь, сказал: «Вот и нет больше деда Андрея, сынок». Я стоял, не зная, что и ответить ему, да и нужно ли что-то говорить; хотелось уйти, остаться одному, и не от горя вовсе – ощущения горя не было – только неловкость и обида. Я сказал что-то невнятное и необязательное и пошел в беседку, оплетенную виноградом, сел там на лавочку, закурил, перечит телеграмму, удивился нелепому тексту и особенно фразе, что смерть заверена каким-то врачом, как будто жизнь и смерть человеческую можно заверить. Отец тоже пришел в беседку, сел рядом. Я подумал, что следующий – он, потом – я, и мне захотелось, чтобы он жил долго-долго, но тут же понял, что думаю о себе. Я обнял отца, и неловкость прошла, а появилась нежность и тепло под сердцем, почему-то свело в паху.

Вечером мы уже ехали сотцом до станции Тихорецкая; я подумал, как много у меня родственников и как редко мы видимся: я был там в последний раз очень давно – на похоронах моей бабушки, а многочисленные свадьбы двоюродных и троюродных проходили без меня, я только отмечал их в памяти, как в записной книжке. В вагоне отец много разговаривал, особенно с пожилой женщиной – явно колхозницей. Они говорили о погоде, об урожае, о бесхозяйственности, о том, что мужики спиваются, а бабы выбиваются из сил, о том, что молодежь по-прежнему не хочет оставаться в деревнях, а настоящих хозяев на земле осталось мало. Мне снова было неловко – я думал, как же отец скажет теперь этой женщине, что мы едем на похороны деда, и, наконец он сказал, и все, кто услышал, долго молчали и думали о своем. Мне показалось, что людям вообще неприятно слышать, что кто-то рядом с ними едет на похороны, но вскоре начался прежний разговор, правда,

немного тише и сдержанней. Я пожалел, что не взял снотворное, понимая, что не усну теперь, особенно здесь, в общем вагоне, под многочисленный храп, среди тяжелого запаха человеческих тел, что мне будет очень грустно и даже, может быть, страшно так, как обязательно страшно человеку, когда ему тридцать лет и когда умер его дед, а годы наворачивают все быстрее и быстрее, и смерть еще раз указала на свою неизбежность. И действительно, я не спал всю ночь: прислушивался, как стонет и ворочается мой отец на нижней полке, как у самого виска стучат колеса. Вспомнилось, как когда-то в детстве умер мой одноклассник, и я вдруг пронзительно понял, что обязательно умру, а от жалости к себе и страха могла понять, почему я плачу, и только жалела меня и приговаривала, что все будет хорошо, а я уже знал наверное, что хорошо больше никогда не будет – почему-то вдруг решил, что на могилах нельзя ставить кресты. Мне казалось, что беда именно в этом, и я спросил мать, зачем же их ставят. Она долго рассказывала мне об Иисусе, про то как его сняли с креста и похоронили, а потом он воскрес, и меня осенило, что воскресенье потому и называется воскресеньем, и потому – это праздник. Но рассказ ее еще больше убедил меня, что вся беда идет от креста, и я решил: главное – чтобы ни руки, ни ноги, ни во сне, ни наяву никогда не скрещивались, и смерти не будет – и тогда я успокоился.

А утром мы ехали с отцом в такси от станции Тихорецкая в нашу станицу, где родился мой прадед и дед прадеда и где все они похоронены, где родился мой отец, а сейчас умер мой дед. Опять отец много говорил с таксистом: о том, что подорожал бензин, что все дорожает, только вот жизнь человеческая обесценивается, о том, что таксистам трудно жить, так рублей тридцать за смену они себе выколачивают, – таксист во всем соглашался и кивал головой. Мне опять было неловко – вот сейчас таксист спросит, зачем мы едем, и нужно будет говорить, и таксист, наконец, спросил, и все мы долго молчали, пока не подъехали к первым домам станицы. Отец сказал, что сначала нужно повернуть в этот переулок, а как только покажется огромная лужа, свернуть налево. И лужа, действительно, была; я вспомнил, что была она и тогда, когда мы приезжали хоронить бабушку. Еще я вспомнил почему-то Гоголя и понял вдруг, что он очень боялся умереть, что все, им написанное, – очень грустно и что до Тараса Бульбы он еще не верил, что умрет обязательно, а после Тараса уже знал наверное. Еще я боялся, что не узнаю каких-нибудь родственников и будет очень неловко.

Мы не стали подъезжать к дому – вышли за целый порядок от него... Странно: я вспомнил слово «порядок», а казалось, что забыл его навсегда. И так же, входя в дом и видя чье-нибудь лицо, я вспоминал имена родственников и даже степень родства. Нас провели в горницу. Здесь с новой силой запричитала бабушка Ариша, я же вспомнил, что дед жил с нею и при жизни моей родной бабуш-

ки, вспомнил рассказанное отцом, что в тридцать третьем они умирали с голоду, а дед все заработанное относил к полюбовнице, и однажды началась слякоть, а отцу и трем сестрам его надо было идти в школу, а обуть было нечего, и вот бабушка послала его на квартиру к полюбовнице деда. Отец пошел через всю станицу в единственных на всю семью разлезшихся ботинках. Дед и бабушка Ариша ели кукурузные лепешки с медом. Отец уже начал пухнуть с голоду, и когда его усадили за стол, он никак не мог проглотить лепешку, а потом, наконец, проглотив, тут же на стуле, заснул от сытости, а бабушка Ариша растолкала его и велела идти домой, а отец все выставял напоказ, как учила бабушка, свои рваные ботинки, но дед так ничего и не понял. Отец вернулся домой ни с чем, бабушка била его и плакала – но сейчас у меня зла не было, я видел что нет зла и у отца, только, казалось, бабушка Ариша голосит специально для нас, и было очень неловко и грустно. Дед лежал желтый, сухой, небритый. Я узнал его: он был очень похож на Ивана Грозного, каким я его себе представлял: огромные впадины глаз, прикрытые пятаками, тонкие жесткие губы, впавшие щеки, покрытые удивительно ровными и белыми волосами, и Стрый орлиный нос, почему-то тоже белый. Вспомнилось прочитанное этим летом о забавах царя Ивана и опричников в разоряемых поместьях казенных бояр: пьяные, с собачьими головами на пиках, они врывались, поджигали село, убивали мужчин, глумились над женщинами, а потом, раздев их донага, заставляли ловить кур между копытами лошадей, а сами стреляли в них из луков, и мне подумалось что человек жесток еще и потому, а, может быть, больше всего потому, что смертен. Бабушка Ариша все голосила, все называла деда ясным соколом и прижимала к груди отца, и отец тоже плакал, а мне было душно и очень хотелось курить и еще дотронуться до деда, но я так и не смог себя пересилить.

Потом мы вышли с отцом во двор, пошли огородом, мимо ульев, от которых шел запах, сладкий и приторный, как в комнате покойника, через птичий загон, откуда несло пометом и лежалыми перьями, и вышли к шоссе, за которым лежало только что скошенное поле, а в стороне желтели подсолнухи. И я опять вспомнил, что шоссе здесь называется «профилем», а лужа – «калюжей». На элеваторе, белевшем вдаль, как огромный морской лайнер, отец работал грузчиком, когда ему было тринадцать лет. К тому времени дед уже валил лес где-то под Магаданом, отца называли «сыном врага народа», и грузчики следили, чтобы мальчишке тоже насыпали полные мешки – отец таскал их до обмороков, до резей в желудке, а дома, кроме баночки с кукурузой, выкопанной в мышиных норках, есть было нечего – бабушка не могла работать – лежала, застудив легкие и надорвавшись от того, что носила в мороз ив слякоть корзину деду Андрею, пока он сидел в Тихоокеанской пересыльной тюрьме; и еще были три сестры: тетя Рая, тетя

Нюся и тетя Настя, самая младшая, умершая в тот год от голода. Однажды кладовщик дядя Вася (вспоминая его, отец приговаривал: «Царство ему небесное», я же верил, что он, действительно, в царстве небесном!) задержал отца после работы и, насыпав ему полный мешок пшеницы, сказал: «Дуй, Леха, через поле, только не дай бог, кто увидит, буду я тогда с твоим отцом вместе, а то и дальше...». Отец побегал, не чувствуя ни тяжести мешка, ни ног под собою; споткнулся уже у самых огородов, а когда выбрался из-под мешка, то не смог ни поднять его, ни от земли оторвать – в три захода переносить зерно пришлось.

Я не знал, о чем думает сейчас мой отец, но видел, что он успокоился, и мне захотелось сказать ему что-то очень доброе и важное, но слов не было, и я только спросил, где мы будем ночевать сегодня. Отец сказал, что у тети Раи, и мне представилась старшая сестра отца не сегодняшней, уже почти разбитой старухой, а большой смеющейся женщиной, похожей на добрую утку, так любовно называющей отца «браткой», а меня «племянничком», часами разговаривавшей со своей коровой Чернушкой и весело бранившей кур: «Ах вы антихристы проклятые, куда ж вы в палисадник побегли!». Когда мы приезжали к ней в гости, она заводила нас в хату и обязательно кормила нас красным кубанским борщом, в котором было все свое, с огорода, и капуста была обязательно не совсем доварена. Тетя Рая так всю жизнь и прожила без мужа, и меня, именно в связи с ней, впервые поразила мысль, что саамы добрые и преданные женщины остаются, как правило, одиночками.

Мы с отцом подошли к дереву, одиноко стоящему у кромки поля, преступили через небольшую канаву и шагнули на землю, которая родит хлеб. Странно: я никогда не пахал, не сеял, да и в деревне бывал только в гостях, и то мальчишкой, но только ступил на землю, что-то защемило в сердце, будто звезда, давно упавшая и потухшая, шелохнулась и обдала меня своим последним теплом... По профилю, пресекающему поле, проскочил игрушечный грузовик, оставляя за собой серы клубы пыли; неровной шеренгой убегали к элеватору телеграфные столбы, справа, совсем уже далеко, темной чертой обозначилась посадка. Пахло сеном, землею и еще чем-то безвозвратно забытым. Мне впервые подумалось, что любовь к земле – это не абстрактное, выдуманное поэтами чувство, не блажь бездельников и пижонов, а самая настоящая боль и тоска, длинная и нескончаемая, как сама жизнь. Отец нагнулся, потрогал землю руками, потом зачерпнул горсть и обернулся ко мне ко мне. «Смотри, сынок, что делают! Сколько зерна осталось! При такой-то технике!», – тяжело вздохнул. Действительно, в его ладони сквозь землю, соломой маленькими золотинками посверкивали зерна и даже целый колос – тугой и желтый, как хвостик у косы у моей дочки. «Дед бы за такую работу голову оторвал», – пробурчал отец, сплюнул и зашагал к дому. Я догнал его уже на огородах. «А

знаешь, – неожиданно начал отец, – твой прадед Никита любил подшучивать над нами. Когда время подходило огород вскапывать, он целый день точил лопаты, постоянно подстегивал нас, молодых: «Смотрите же, чтоб завтра до петухов встали, навалимся всем гуртом и осилим часа за три. Смотрите же, чтоб не проспали, а то дрыном сгонять с печек буду». Утром мы вскакивали ни свет ни заря, неслись на огород и... видели улыбающегося деда. Он, поплеывая на ладони, уже кончал последнюю сотку. Любил за ночь сам весь огород вскопать». Я вспомнил прадеда Никиту. Мне было тогда восемь лет. Дед Андрей только что вернулся из Магадана, и мы всей семьей приехали в Терновку посмотреть на него. Подъехали на машине к задам и пошли по тропинке к дому. Навстречу нам шли уже два деда: Никита и его сын Андрей. дождалась бабушка Наташа своего мужа – пятнадцать лет ждала, – да он, оказывается, не к ней вернулся и даже не к полюбовнице своей Аришке; это уже потом, лет через десять он снова к ней сбегал. Приехал дед с новой женой, которую меткие языки в станице так и прозвали до конца жизни – Магаданкой, и с двухлетним сыном. Мне было смешно, что этот младенец мне дядей доводится. Деда были одного роста – высокие, сутулые и седые, даже не видно с первого взгляда – какой моложе. И похожи были друг на друга: и лицом, и походкой, и руками – сухими, жилистыми длинными. Только у деда Андрея на глазах слезы блестели, а когда подошли поближе и обниматься стали, он и вовсе расплакался. Забирали – сын мальчишкой был, а вернулся – уже два внука по земле топают. То ли жизнь на грешной земле, то ли на земле грешная жизнь... А бабушка Наташа вскоре и померла. Разлуку пережила, а вот встречу... Дед Никита, пожалуй, крупнее был, и усы пышнее: желтые, колючие, воняли самосадом до невозможности. А потом, помню его незадолго до смерти, сидящим на завалинке в серых чистых штанах с заплатами на коленях и в белой, в тонкую черную полоску рубашке навывпуск, застегнутой под подбородок на все пуговицы, со своей неразлучной цыгаркой. Курил только самосад собственного изготовления. Такой злющий, что даже мухи в хате не выдержали – залетит какая, пожужжит и стрелой на улицу, воздуха глотнуть. Злой до работы дед был – так и умер на огороде с лопатой да граблями. Девяностый уже шел.

И машины подъехали, и солнце в зенит выкатило, а деда все не выносили. Ждали кого-то: то ли дочку бабушки Ариши, то ли внуку. Мужикам становилось скучно, и они несколько раз уже забегали в магазин и от того как-то неловко покрывали и не в меру громко разговаривали. Отец мой сидел под тенью шелковицы на табуретке и о чем-то думал, временами даже улыбался. Улыбка очень молодила его лицо, особенно глаза: серо-голубые с искоркой в глубине, точь-в-точь, как у деда Никиты и у деда Андрея, и у меня тоже. И вдруг представился мне отец мальчишкой, в оборванных штанах, перевязанных веревкой, в рваной-прерва-

ной фуфайке, сидящим на буфере поезда, отходящего в разрушенный Сталинград. Отец рассказывал, что, как только ушли немцы, он с такими же оборванными пацанами ездил в Сталинград за одеждой. Там много одежды на рынке продавали, в деревне все обносилось, и зад-то прикрыть нечем. Ехали мальчишки на буферах со всей Кубани. Взрослым некогда: отцы воюют, а на матерях все хозяйство. Морозы во всю зиму лютые стояли – так ветром продерет, что ни руки, ни ноги не гнулись. А на буфере уместиться надо суметь да еще держаться за шланг или поручень. Задремывали иногда, или руки на морозе отказывали, и свалитесь под колеса. Хорошо, если сразу убивало, а то протащит с километр, и такой крик тогда по степи летел, что вороны с мест срывались и сердце заходило... Назад с добычей ехали. Иногда и счастье приваливало – это если состав тащил паровоз «Серго Орджоникидзе», – можно было потихоньку на тендер забраться, да и машинисты понимали: гоняли, но не усердно, – а там – теплынь. Воздух горячий так и пышет снизу и держаться не надо. Развалишься себе – кум королю – и дрыхнешь до самой Сальской, а бывало, только в депо и просыпались.

Отец прикрыл глаза, прислонился к стволу шелковицы и задремал. А ко мне подошел пожилой мужик в черном, лоснящемся от постоянного глажения костюме и в белой застегнутой под горло рубашке. Грязный воротничок слишком туго обхватывал шею, и, наверное, поэтому его широкоскулое лицо было застывшим и неестественно красным. «А ты, значит, кем ему доводился-то?», – спросил он у меня. Я ответил. «А-а-а, внук, значит, Лексея сын. Это ты, штоль, в Москве на журналиста учился? Ну-ну... Смотри, может, опишешь чего. А че? И меня вставь, я ему соседом доводился. Здоровый у тебя дед был. Бывало, все на огороде копаются. Молодые, они нынче работать не хотят. Все эту заразу хлещут, и хлещут-то бестолково. Зальют zenки и мордастят друг друга, а то на мотоциклах всю ночь гуртуются по станице. Ни тебе песни сыграть, ни с девками покуроловить. Э-э-эх! Дед твой тоже любил того – красненькую, белую уже, наверное, организм не принимал. Дня за два до смерти, царство ему небесное, лежит вот здесь на раскладушке, греется на солнышке, а я мимо как раз проходил. Слышу – кличет. Подхожу, а он трояк сует. «Ты это, – говорит – красненького возьми, а то чтой-то кровь захолонула». Ну, я мигом и обернулся. Приговорили мы ее с соседом, царство ему небесное». Замолчал мужик, да и во дворе как-то тихо стало. Поумаялись все, разморились на солнце, но тут, наконец, и родственники последние подъехали из Волгограда. И не внучка, не дочка, а еще один сын деда Андрея, тоже вроде мой дядя. Стали выносить деда, и снова бабушка Ариша запричитала, за ней тетки мои, потом еще какие-то женщины, и индюшки вдруг разом закурлыкали, а собаки по станице, наоборот притихли, как бы к людям прислушиваясь, и только Полкан дедов поскуливал.

Мы сидели в кузове: отец, четыре брата моих двоюродных, тетки мои безмужние, бабушка Ариша, сын дедов и я. Машина шла медленно, подпрыгивала на деревенской дороге, и голова деда слегка покачивалась из стороны в сторону. Бабушка Ариша липовой веткой отгоняла от деда мух и что-то тихо нашептывала. За машиной, по обычаю, шли люди, чтобы проводить покойника за станицу; где-то вдалеке надрылся ребенок, в луже плавал выводок уток, и тут же мальчишки, закатив по колено штаны, топали по воде с явным наслаждением и осознанием серьезности своего дела. Какая-то женщина шла от колодца через дорогу с полными ведрами, потом, увидев машину, вернулась на обочину, поставила ведра в пыль, а когда мы проезжали, вытерла уголками платка глаза и перекрестила вслед; потом зачем-то выплеснула воду прямо в канаву и вновь направилась к колодцу. Мне подумалось, как это привычно и просто – рождение и смерть – как заход и восход солнца, но сколько здесь тайны и чуда! Конечно же, невозможно смириться с мыслью, что навсегда расстанешься с землю, а потому так неистребима вера в то, что существует жизнь до и после, и никакое научное воззрение не в состоянии вытравить в человеке идею о бессмертии; пусть ни тела, но хотя бы души. Я вдруг понял, что все эти «летающие тарелки», «снежные люди», «бермудские треугольники», тяга к внеземным контактам – все это лишь тоска человека по сверхъестественному, по чуду, по бессмертию. Мне вспомнился случай, произошедший с одним известным поэтом. Незадолго до смерти он в тяжелом состоянии находился в больнице и написал там несколько «мистических стихотворений», в которых пытался примирить науку и бессмертие человека. Он писал, что рано или поздно человек воскреснет, что когда-нибудь вновь соберется из атомов в единственный узор, который и является личностью и т. д. и т. п. И когда эти стихи были напечатаны, с критикой их в одной из центральных газет выступил молодой писатель. В частности, он задавал такой вопрос: «Как мог коммунист, советский человек, материалист по убеждениям, вдруг написать какую-то чушь о бессмертии?» А вскоре, при встрече, он задал этот вопрос непосредственно автору стихов. Умиравший поэт ответил: «Молодой человек, попомните мое слово, когда вы будете лежать в больнице и со дня на день ожидать своей смерти, вам обязательно захочется поверить во всю эту, как вы выразились, чушь и написать об этом, потому как творчество – это, прежде всего, борьба со смертью».

Я смотрел на деда и думал: «Нет, слишком удивительна и чудесна жизнь, чтобы так просто кончиться, слишком многострадален человек, чтобы просто так кончиться, слишком многострадален человек, чтобы исчезнуть без следа, слишком умно и талантливо устроено все в природе, чтобы так бездарно завершиться».

Машина уже выбралась из станицы и по проселочной дороге направилась прямо к кладбищу.

Во все стороны опрокинулось поле: желтое, зеленое, черное и вдалеке совсем синее, незаметно переходящее в небо. Кубань... Казачьей лампасой убегала красная от пыли дорога, саблей посверкивала река, а солнце, словно начищенная кокарда, плавилось в синеве. Кубань. Любил ли я эту землю, думал ли о ней в сером шахтерском городке, в маленькой уютной квартирке на берегу Черного моря, в чужих калмыцких степях или в невзрачной комнате московского общежития? Не знаю... Я закрываю глаза и плавно, словно в замедленной киносъемке, проношусь на рыжей кобыле через это огромное поле к реке. Только что мы окончили месить замес. Лошади и мы сами в глине, соломе, потные, грязные и уставшие. Нам, десятилетним пацанам, втайне от родителей, хозяева подносят по стопке самогона, как настоящим работникам, а конюх кричит: «Купать! Купать лошадей!». И вот моя кобыла на полном ходу врзается грудью в прозрачную воду, брызги взлетают фонтаном и окатывают разгоряченное тело, а кобыла фырчит, ржет от удовольствия и машет своей удивительно человеческой мордой... Наверное, не думал, но любовь к этой земле как зерно вызревала в моей душе, чтобы сегодня, в этот июльский день, в день похорон моего деда, выплеснуться вдруг и заполнить меня своими сочными яростными побегами. Я открыл глаза. Справа, невдалеке, косили траву. Медленно двигался комбайн, а рядом с ним трактор тащит прицеп. Рукав комбайна был поднят слишком высоко, и почти вся трава сносилась ветром на землю. На прицепе стоял по пояс голый мужик с граблями и лениво, не выпуская изо рта папиросу, помахивал ими. Комбайн и трактор уплывали все дальше и дальше, а трава зеленым дождем все дальше и дальше, а трава зеленым дождем все сыпалась и сыпалась на землю. Отец повернулся ко мне и прошептал: «Вот сволочи, а весной коров веревками в стойлах подвязывают – кормить нечем. Простой мешок к рукаву привяжи, и все в кузове будет». Вдохнул, а нос его вдруг заострился, побелел, точь-в-точь как у деда, и шрам на подбородке выступил. Я тоже вдохнул, взял его за руку, подумал: «Нет, не сломился мой отец, не разуверился. Мне бы его любовь к этой земле, от которой он был оторван силой и к которой так и не смог больше вернуться». Вспомнил, как он рассказывал: «Хотел после войны пойти учиться на механизатора, но классов не хватило, да и «сын врага народа» принимать никуда не хотели, а забрали нас на шахту в замызганный тогда городок – Новошахтинск. Представляешь, – вспоминал отец, – когда я в первый раз в забой спустился, думал, что больше никогда оттуда не выберусь. Работали лопатами, полусогнувшись. Уже через час спина болела до невозможности, а руки горели, как будто я их на горячую плиту опустил. Но часов через восемь выбрались, наконец, наверх. Посмотрел я на свои руки и страшно стало – какое-то черно-красное месиво. Подумал, неужели завтра за лопату браться? Упав на кровать в общежитии и, показалось, только гла-

за прикрыл, а уже будят. Снова на смену. Открыл глаза: ни рукой, ни ногой пошевелить не могу – болят, а ладони – дотронуться нельзя – опухли, коркой покрылись. Ничего. Пошел, а недели через две уже и думать о руках забыл, только успевал черенки у лопаты менять. Надо было, много надо было угля, сынок. А на следующий год, помню, я уже бригадиром был, вдруг треск в забое раздался, потом грохот, и не успел подумать, как тюкнуло по голове, и очнулся уже наверху, в больнице. Ничего. Только зубы выбило, да, видно, когда упал, бороду разбил себе, а пятеро так и остались там. Недели через две только раскопали. Оклемался и снова на шахту. Там и в партию вступил в пятьдесят третьем. Тебе уже второй год шел...».

Отец наклонился над дедом, поправил рубашку, галстук, а голова деда все раскачивалась и раскачивалась, как будто неудобно ему было в наглухо застегнутой рубашке, как будто давило шею этим безвкусным широченным галстуком, который он при жизни и одевал-то только раз, когда впервые приехал к нам в гости в маленький городок на берегу Черного моря, куда после шахты, по совету врачей, приехала наша семья. Отец от шахты, от угольной пыли, туберкулезом заболел. Тогда, собственно, я и видел деда живым в последний раз. За столом было очень неловко, и точно так же дед мотал головой. Много говорил, постоянно поправлял галстук. То ли память о тех разлезшихся ботинках, то ли тень бабушки, витавшая над столом, мешала нам быть одной семьей. Дед каждую минуту называл моего отца сыном, как бы боясь, что отец оборвет его, а я злился и вставлял в этот до предела натянутый разговор какие-то глупые, ненужные замечания. А когда я увидел, что глаза моего отца наполнились слезами и в них засветилась любовь, когда за столом вдруг стало тихо и спокойно, а отец мой стал называть деда батей, я вскинул, хлопнул дверью и вылетел из комнаты на веранду. Мне думалось, как может отец любить его, слушать, его – бросившего и предавшего? Вскоре на веранду вышел и дед, сел напротив меня и долго посмотрел мне в глаза, и я не смог выдержать этого взгляда. В нем была правда, какая-то недоступная мне. Может быть, правда человека, прожившего на земле жизнь? «Что, унучек, – тихо начал дед, – винишь меня? – Потом замолчал, задумался и спокойно сказал: – любил я бабу Аришку, всю жизнь любил подлюгу, а как поманит, все бросал и полз к ней, как пес побитый. А что до жены моей – Магаданки, то она меня выходила: я такой развалиной вышел, что хоть тут же и помирай. Жалела меня сильно. Сама десять лет в лагере отбухала, знала, что это такое. А за бабу Наташку меня бог простит, а не простит, так и муки приму с радости». По сей день в ушах моих ровный и бесстрастный голос деда, от которого волосы дыбом вставали и мурашки по коже бегали. «...Стою как-то у сельсовета, выпивши немного – наградили меня велосипедом тогда, как лучшего бригадира. Посмотрел вверх, да и бухнул с дуру: «Долго, – говорю, – эта красная тряпка

здесь мотаться будет? – Это я о флаге, что над сельсоветом. А он, действительно, выцвел весь и изорвался. – Сменить, говорю, надо. А утром, еще до зари, мотоцикл во дворе затарахтел. Собирайся, говорят, сукин сын, долго же ты свою кулацкую сущность от Советской власти прятал. И увели, даже попрощаться толком не успел. А там бумажку подсовывают. «Подпиши», – говорят. Читаю. Хотя и два класса всего образования моего было, но бумажку осилил. Пишут в ней, что я уже долгие годы подстрекаю людей против Советской власти, что агитирую против колхозов, и вообще, чуть ли не шпион какой. Нет, говорю, брешут тут все. Всю жизнь только землю и видел, и спасибо, говорю, Советской власти, что дала нам эту землю и что велосипедом меня за труды наградила. Не подпишу, говорю... – Не подпишешь? – И по рылу меня, а потом завели в какой-то каменный мешок, а там воды ледяной по пояс и какие-то гады по стенам ползают. Ни сесть, ни лечь, ни облокотиться. Поймай, говорят, может и вспомнишь, как ты, червь этакий, пропаганду вел, и дверь захлопнули. Всю ночь простоял, думал, что все мои мужские причиндалы там и отвалятся, а о ногах и думать забыл, словно их отрубили. До сих пор ревматизм мучает. А утром и подписал себе на пятнадцать годков. Ничего. Выжил. Человек, он такая скотина, что ко всему привыкает...» Просидели мы с дедом тогда всю ночь: пили водку, курили, разговаривали. Несколько раз отец заглядывал и тут же исчезал, как бы боясь спугнуть наш первый и единственный разговор с дедом. О чем мы только ни говорили. Помню, кровь моя успокаивалась и душа тянулась к этому старику, потому как, наверное, нет ничего сильнее, чем кровное родство людей, потому как, наверное, нет ничего важнее в природе, чем память о предках своих и о своей земле, а иначе развеялись бы люди по ветру, как пух тополиный, и затоптало бы их время своими тяжелыми равнодушными подошвами...

Наконец, подъехали к кладбищу. Навороченная земля успела засохнуть и покраснеть, у соседней березы закусывали мужики, копавшие могилу, рядом, на мраморной плите, стояла початая бутылка водки, лежали пирожки, аккуратно сложенные на газетке, конфеты, печенье. Внизу, на железной пластине, было выдавлено: «Раба божья Наталья. 1910-1962». Дед просил рядом похоронить. Не посмела бабка Аришка послушаться («Да что теперь с него, и от Наташки, поди, один прах остался, а души, они совсем в другом месте обитаются...»). Снова, в который раз, заголосила бабушка Ариша, и почему-то здесь, на кладбище, среди берез и тишины, это показалось особенно фальшивым и ненужным. Стали прощаться с дедом. Тетки мои, братья поочередно целовали его, подошел и мой отец. Мне тоже хотелось поцеловать деда, но было как-то неловко и, кажется, страшно, но тянуло невероятно. Отец в стороне вытирал платком лицо, и я понял вдруг, что не смогу проститься с дедом, что меня обязательно стошнит

или вообще произойдет что-нибудь скандальное и вовсе уж ненужное. Мелькнуло в голове: «Если переживу, то обязательно поцелую отца». Бабушка Ариша бросилась на тело деда, мешая плотникам; ее стали оттаскивать, настойчиво и спокойно, как будто это и не человек вовсе, а какой-нибудь шкаф или диван. Мне стало совсем дурно, где-то в затылке сильно и неожиданно заломило, язык стал шершавым, а солнце – назойливым и ненужным. Я подошел к мужикам, попросил водки, глотнул – теплую и вонючую, – закусил пирожком и сел под березой. Раздались удары молотка, потом стук земли по дереву. Я встал, подошел к могиле и тоже бросил горсть. Подумалось, как тогда в детстве, что не брось я эту горсть, и смерти меня не достать, а теперь как будто со времени рождения моей дочери я совершил еще один шаг, бесповоротный и страшный.

Наконец, рядом с мраморной плитой бабушки Наташи вырос холм земли, и все облегченно вздохнули, лица расправились от морщин, говорить стали громче и естественней. Мертвый должен лежать в земле.

2. Москва, 1982

Ленка

Ленка Бурдюкова, по кличке Бурда, ничего общего, впрочем, с названием известной фирмы не имеющей, собралась замуж. Не впервые, правда, но на этот раз, кажется, серьезно. И даже, кажется, по любви. Но именно это обстоятельство как раз и мучило ее больше всего. И дело даже не в том, что ей уже было за тридцать – выглядела она первый класс, и иногда, нарисовав у зеркала свое лицо, она даже сама собой восхищаясь: «Какая я все-таки хорошенькая!» И даже не в том, что где-то там, в станции Порошинской, откуда Ленкой была родом, у ее матери, бабушки то есть, росла дочь Анжелочка – чудненькая, пухленькая девочка, точь-в-точь Ленка в детстве. Между прочим, об этом Альберту и знать-то не обязательно. Пока, по крайней мере. А потом, когда узнает, какая она, Ленка, замечательная жена и какая Анжелочка прелесть, разве же он откажется! А дело было в ее, если так можно выразиться работе, вернее обязанностях, связанных с этой работой. Нет, боже упаси, Ленка не был какой-нибудь там шлюхой. Она сама относилась к ним свысока, даже с презрением. Но все же, если бы Альберт узнал о ее службе всю правду, ему бы все это не понравилось. Она уже ходила к шефу. Надо сказать он выслушал ее серьезно, даже не улыбнулся, не сьерничал, чего Ленка ждала и больше всего боялась, а так это, по-деловому, будто у нее не судьба решается, а насморк или ангина там и она больничный просит, выдал раскладку. Дескать, заменить ее некем, не сегодня – завтра сезон, а папы новых лиц терпеть не могут, да и Хозяин дал строгую установку отработать лето на старых кадрах, политическая обстановка в стране мол, шаткая, неизвестно, куда повернется. И главное: любовь – это

ее личное дело, хотя, конечно, с его точки зрения, это не что иное, как блажь собачья, и этот самый, как его, Альберт, что ли (гады, и имя уже узнали!), все равно, рано или поздно слиняет. И останется тогда Ленка и без Альберта, и без работы. Да еще с волчьим билетом. «А это, сама знаешь, в такси за трояк с носа».

И вот, разлегшись сегодня сутра в ванной, Ленка, конечно, хорошо, хорошо понимала про политическую обстановку, не такая уж она дура безответственная, но и то, что Альберт – это, может быть, последний серьезно шанс, она тоже знала наверняка.

Конечно, на какое-то время истинные занятия можно скрыть. Тем более что в трудовой книжке и на всех справках, когда они бывают нужны, в поликлинику там, в турпоездку, пишут вполне безобидное: «Официантка ресторана «Альбатрос»». То есть официантка обыкновенного аэропортового кабака. Но как объяснить потом Альберту ночные смены, срочные вызовы, командировки, иногда по несколько суток, – мало ли что папам в голову взбредет. К тому же, любовь! И пусть даже Ленка давно не верила в эту самую любовь, но что себя-то обманывать, в глубине души, в самом тайнике, все же надеялась на чудо. Баба она или не баба! И вот оно пришло! Мягкий такой, интеллигентный парень, и в то же время чувствуется, что сила от него какая-то исходит. А как говорит, девоньки мои, слушаешься! И с лица – копия Филатов, календарь с портретом которого вот уже второй год висит над Ленкиной кроватью. Только еще красивее Филатова, у того нос уж слишком острый и длинный, а тут – как раз, точеный такой носик, строгий. А руки! Если честно, то за руки и полюбила. И сила в них – как прижмет иногда, кости трещат, и мягкость – так проведет по телу, будто ветерком обдует. И там, где надо проведет, и когда надо. Ох, кажется, только с ним женщиной себя и почувствовала и как-то врез всех забыла, будто и не было никого. Ни того, первого, – носорог, скотина прыщавая, – семнадцать ей тогда было. Танцевали, пили в компании, вроде он тогда за ее подружкой ухлестывал и даже что-то у них там было. Конечно, она и сама виновата, обидно стало подруга-то крыса крысой, а он вокруг нее вьется, а на Ленку даже внимания не обращает, с ее-то ногами, глазищами. Ну и флиртанула немножко, так, для шутки, чтоб ее закадычную (вместе ведь из Порошинской приехали в медучилище поступать), на место поставить. И поставила. Заволок в парк и по животу, по почкам: обманула, мол. А в чем обманула-то? Ведь даже кабака не было, вскладчину пили. Ну, улыбнулась пару раз, ну прижалась, конечно, чтоб ей досадить, но это же не значит, что сразу в койку. Бил, пока не добился. Вся синяя потом ходила, мужиков с год боялась, все чудилось, ударит сейчас, слюной забрызгивает. Да что его, так, недоразумение, даже Саньку вон забыла. А ведь, казалось, любовь была, тоже замуж собиралась, дочку вот родила... А он привел однажды в компанию и оставил там,

друзьям своим. Ему что – рубаха-парень, ничего не жалко. Шепнул только, не бойся, мол, все хорошо будет. Санька, Санька, что ж хорошего. Если б знал, подлец белобрысый, что они там со мной вытворяли! Знал, конечно, сам такой же, порнухи насмотрится, завалится на ковер: давай, мол, Леночка, выдрючивайся. Веселый, правда, был и не жадный совсем. По ресторанам водил, по барам. Даже на пароходе один раз плавали. На белом. Мечта! А после Саньки, после бардака того гнусного – все, как в калейдоскопе, в бане то есть. И все почему-то злые попадались, жадные, вонючие... Странное дело, Альберту вон тоже за тридцать уже, а пахнет как младенец, почти как Анжелочка, когда ее из ванны вытащишь. И кожа у него белая, даже жилки видны. А может это только после пап так кажется. Вот уж страх божий, на них вблизи смотреть – будто стены облупившиеся, вздувшиеся от сырости. А все туда же! Кобели паршивые... Зато как смешно потом их по телевизору видеть. Холеные, в костюмчиках одинаковых, – униформа у них, что ли? – в галстучках, в белых рубашках, чинные такие, благообразные. Другой раз и с мамой рядом. Как на подбор все, коровы распользшиеся. Посмотришь, иностранец какой приедет. И баба с ним рядом – струнка, тростиночка, и без этих всех бантиков, фантиков, бордовых жилетов. Но наши же! Конечно, от таких побежишь. Нельзя, правда. Вон, как тот дедушка жаловался, покойник теперь уже. Я б тебя, говорит, девонька моя, с собой взял, даже женился бы на тебе, может быть, да строго у на. Вот и терплю свою матрону. Она-то женщина хорошая, да соку в ней никакого, лет двадцать уже, как по отдельности спим, а заменить нельзя – ум, честь и совесть как-никак. Правда, он исключение. Обычно они не откровенничают почти. Молча все, с сопением. С хрипом, аж страшно иной раз, думаешь, сейчас вот и развалятся. Зато игривые. То ущипнет какой, то по заднице пошлепает. Если честно, то их даже жалко. Коньком накачается, уколется там чем-нибудь, и кажется ему, что, вроде, снова мужик. Они-то еще ничего, с ними вроде как сестрой милосердия себя чувствуешь, так и прилипло ведь между собой: «папу погреть», а вот свора их, все эти советчики, охраннички, мурло красномордое. Как загудят потом, тут уж только давай, глаза б не видели. Посмотришь на них, когда они рядом с папой – ну, стелятся, расстилаются, каждый взгляд ловят, каждый жест, только что ботинки не лижут. А может, и лижут, и не только ботинки, с них станется – резиновые, губки утер, спинку назад выгнул и не подступишься: «Что? Я сказал! Какие такие личные дела! Сделать и доложить!» И хоть бы какой гад по имени назвал. Бурда, и все тут. А то и еще проще: телка да телка! Наслушаешься, и замычишь когда...

Правда сейчас, когда главный папа хвоста завел, приумолкли, мечутся с вытаращенными глазами, караси и только, не знают, что и делать. И то правда, как-то все необычно в этом году. И май уже кончается, а еще ни одного литеры не было. То, бывало, только солнце выглянет, только море чуть-

чуть прогреется, они уже все тут, как мухи на мед слетаются, не успеваешь выпастись толком. А тут затишье. Даже фонды, говорят, какие-то урезают. Хотя какие там у них фонды. Так, фиговый листок. Все же по телефону делается. «Здравствуйте, Белла Александровна! Как ваше здоровье? Вы уж постарайтесь, столько-то и туда-то!» Через час уже все на базе. Слава богу, на всех хватает. Что-что. А баночку икры там, балычок, осетрины кусочек завсегда с барского стола уволочешь, даже если папа так себе, пустяшный, какой-нибудь замминистра или там генерал завалящий из штаба. С ними даже проще. Хоть пыль в глаза не пускают. Так, мол, и так, Леночка, это тебе за работу.

А может, того, и поймет Альберт. Вот квартиру новую получу – обещали. Тут шефу докладывала: мол, неудобно в коммуналке жить при моем положении, соседи глазами зыркают, что, откуда, думают, что я шлюха какая-нибудь. Заявляли даже в милицию, хотя, как и положено, на своей хате я ни-ни. То есть просто никакой личной жизни. Опять же холодильник полный, шмотки навалом, почти и тратиться не надо. Чем не жизнь, как в масле кататься будет! Нет, не поймет! И правильно сделает. Если всерьез затевать, так уж всерьез. И сына чтоб родить, и чтобы пальцем никто не тыкал. Не отпускает шеф, зараза! А как тогда примазался. По молодости думала, чуть ли не любовь у него, губенки раскатала, рассупонилась. Не знала, дура, что он от Хозяина приказ получил, обновить команду. По всему городу рыскал, девочек собирал, разумеется, сам сначала пробовал. Если честно, мужичок так себе, роста среднего, но хитрюга и хам подзаборный. Но вот же собрал, как на подбор все – длинноногие, стройные. Как выйдем в зал в белых передничках, в воротничках кружевных да с причесочками под выпускниц-отличниц – любо-дорого посмотреть. Даже аппетит у пап появляется. То кашечку свою жуют, а то подавай им осетрины, расстегайчика, филе под белым соусом. А Вальку вон, Савичеву, на любой конкурс вывозить можно. Головкой поведет, бедрышко свое поставит, ресничками бархатными взмахнет, куда там всем этим мисс Европам! А она тоже со всеми греет, да еще сукачей этих, прихвостней их, обхаживает. Хотя оно, конечно, и хата у Валечки теперь есть, и положение, и может, кто, дай бог, прибегет с собой, Мао ли какой каприз на старости прийти может. Был же у нее роман с этим, с адмиралом-тыловином. Уже и вещи паковать стало. Кто ж знал, что он чуть ли не весь флот ограбил. А на вид такой тихонький, маленький, плюгавенький. Всю кашу с утра трескал, геркулес. Я, как английская королева, говорит. Так та ж, наверное, ложечки две-три, и там бутерброд какой с повидлом, кофе чашечку с наперсток. А этот тарелку каши навернет да вдогонку грамм двести осетрины, да с пивом еще. Нет, оно, конечно, папы тоже разные бывают. Вот тот здоровяк, к примеру, которой по строительству у них главный. Метр девяносто ростом. И никаких тебе коньяков, никакой осетрины с пи-

вом, о девочках и говорить нечего – ни тебе боже мой... Но зато любит, чтоб obsлуга была – я тебе задам. Конечно, я понимаю шефа, кого подходя к такому не подпустишь. Не дай бог, сахар ему не рафинад поставишь да не под ту руку. И чтоб пенка в чашечке была с палец толщиной, и даже чтоб скатерть особая – в красную полоску, – специально для него и держим одну. Трудно, конечно, с ним, вес, кажется, недоволен чем. Зато интеллигентно так всегда, по имени отчеству. «Доброе утро, Елена Сергеевна. Добрый вечер. Спасибо. Будьте здоровы!» И человеком себя чувствуешь, и дома всегда вовремя. А самое главное, смешно сказать, как он этих ублюдков своих гоняет. Подъем в шесть утра, пять километров кросс. Он-то себе ничего, по тропиночке топ-топ, а они по кустам, по ямам, а ведь тоже не молоденькие некоторые. В буфет какой забегит после кросса, весь красный, потный, и нарзану бутылки две прямо из холодильника. Пива – ни-ни с утра. Если папа запах учует, читай, ты на пенсии уже или там на границе где-нибудь. А каково им без пива-то, когда при других папах ведрами хлещут! Нет, если б такие все были, чего б не жить. И продукты тебе, и навар, и уважение. Зато вот, когда главный папа гулять наладится, неудобно, правда, о покойнике дурное вспоминать, но это же был ад кромешный. Хоть караул кричи. А главное, понять ничего нельзя. Ночь-полночь, за шиворот тебя и вперед. То, видите ли, у него каприз, чтобы завтрак обязательно на яхте был и чтобы со всей сворой. То вдруг в Глову ему взбредет на природе шашлычку отведать. И чтоб обязательно у водопада, чтобы снежок рядом сверкал, а тут на полянке, чтобы обязательно на склоне бараны какие-нибудь паслись или коровы на худой конец. А в кустах чтобы соседних кабаны дикие шлялись, олени. Охотник! Будто не знает, что олени этого за четыре ноги привязывают, чтобы тот, не дай бог, не смылся, когда папе спяну вдруг ружье поднять захочется. И все по брюху себя шлепает: «Нет, вы скажите, какое богатство у нас! Разве кому нас одолеть! А народ какой? Богатыри!» Это он про пастухов. Смех один – притворяется, что ли – только утром «пастухи» эти в оцеплении стояли, а теперь уже в бурках. А уж когда загудит всерьез, пиши пропало. Как тогда, лет пять назад, на Девятое мая, с Хозяином нашим и с этим, венгром, кажется, нос у него еще такой, как груша свисает, и глазки маленькие, бегающие, будто его кто напугал. Хотя тут, конечно, испугаешься, папа по пьянее его все за грудки хватал: «Вы это бросьте там, – кричит, – самостоятельность разводить! Мы что, зря, что ли, кровь проливали на ваших полях и равнинах!» Суток трое все на ногах были, даже врачи. А что, как схватит внезапно, и поди потом отчитывайся перед народом, почему не углядели. Нет, оно, конечно, работа ответственная, что и говорить. Я шефа понимаю, с другой стороны. Попробуй в такой ситуации новенькую запустить. И потеряется, и что подать, не поймет, и как подойти. Да еще и лишнего потом где сболтнет. Вот тебе и сплетня. А как же тогда наш пре-

стиж? Попробуй это все Альберту объяснить! Тут и шпионы всякие могут быть, а как же! Я вон о здоровье любого могу целую лекцию прочитать только по тому, что им на обед подают. Как со старичком тем, который забрать меня обещался. За месяц еще с виду здоров был, и никто не думал, что он так быстро кончится. А я знала уже. Вижу, желудок его даже молоко не принимает, не жилец, значит. А старичок-то он не простой был, вон сколько в руках держал. Разболтай я кому, что он вот-вот отойдет. Может, кто и воспользовался бы, и может, политика совсем по-другому повернулась.

Все это так, конечно, но и Альберта упускать никак нельзя. Это сейчас он размяк, дома захотелось, семьи. А шабашку к осени закончит только разденется на пляже, девки, как мухи, вроде как и забылось, все шито-крыто, можно, пожалуй, и здесь осесть. Устроиться в какой-нибудь бар потихоньку и никаких хвостов. Шеф, правда, может, когда дернет, но ему, думаю не до меня скоро будет. Да и Валечка, кажется, и сладится у них что. А может, и правда, перемены какие наступят. Даже слушок прошел, что под Беллу копают. На счет Беллы это, понятно, туфта, она так сидит, что и Хозяина скovyрнуть может, да они с ним, собственно, друг, можно сказать. Но вот нас что-то в общий зал запускать начали – это серьезно, странно, это не к добру. Честно говоря, отвыкла я от этих рож кабацких. Червонец швырнет, скотина, и думает, что ему все дозволено. Привыкли на официантку как на шлюху смотреть. А что мне его червонец? Так, кофе пару раз на веранде выпить. Но это ладно еще, все-таки, их понять можно. Но вот ладно еще, мужики все-таки, их понять можно. Но вот как эти запрутся, путаны, надо же какое слово себе красивое придумали, хотя шлюха она и есть шлюха, как ты ее не называй, как рассядутся с мордами размалеванными: ни тебе вкуса, ни вида, ни осанки. Попадаются, правда, ничего девочки, если их отмыть, конечно, да выдрессировать немного, но в основном шваль. К шефу бы их к нашему на выучку. А как усядутся, как заведут волюнку, и туда же – бабками швыряются! Да я их деньги вонючие и в руки брать не хочу, мало ли что там у них, какая зараза...

А водичка ничего себе, тепленькая, прямо чувствуешь, как тело расслабляется. Ванна, правда, облезлая, но ничего, главное – не нервничать. Подумаешь, шлюха на чай бросила. А я ей в ответ и в морду бумажку ее замызганную. Знай наших! Я тебе еще припомню, как тогда ногами меня пинали! Не ты так другая, такая же сволочь!

Не случайно, конечно, Ленка так разозлилась. Как тогда Анжелочку отвезла, вернулась, ничего ведь кроме длинных ног у нее не было. Попробовала официанткой устроиться – штуку вперед просят. А где ее взять? Пошла медсестрой в больницу, два курса медучилища как-никак, а там грязь такая, такая вонь, что перед танцами отмыться нельзя. Пришлось к бару пристраиваться. Поначалу ничего, вроде пошло. Поторчишь, какой подсел уже. То

да се, шампанское, конфеты, кофе. Но недельки через две отзывают ее в сторонку две девицы и прямо, без всяких предисловий, так, мол уши тебе не оборвали, а чтобы запомнила, попинали чуть-чуть на ступеньках прямо. Это только дуры курносы думают, что шлюхой стать просто. Вернее, шлюхой – пожалуйста, но чтобы бабки за это иметь, связи нужны, протеже. А кто же ей, такой длинноногой, протеже устроит, она же у них всю клиентуру отобьет. И потом отстегивать надо научиться, вахтеру там, мэтру, с мальчиками из органов подружиться. В общем, история целая. Там-то, в валютном, шеф ее и выловил. Это уж как во второй раз девки ее попинали. Подошел, ничего себе так, прикинутый, сигареткой угостил. «Винстон», между прочим. И голос такой приятный, вкрадчивый. А потом вдруг как ляпнет: «Новенькая, что ли?» «Не понимаю, о чем это вы?» «Я спрашиваю, какого ты здесь ошиваешься!». В общем, недельку у него пожила. А потом как-то утром хлопает ее по заднице и говорит все тем же приятным голосом, мол, хватит, рыбка, на халяву кушать, пора и делом заняться. Что ж, делом так делом. Ленка и сама уже догадывалась, что не просто так кК пригрел. Думала введет в круг, ну, конечно, отстегивать там что-то придется, у да бог с ними, с деньгами, главное, начать, клиентурой обзавестись, с телками перезнакомиться. В общем, как на любой работе. А он, вон аж куда определил. Смешно сказать, с месяц сначала дрессировали на даче «Казачий брод». Рассказать кому, не поверят. Это потом уже по видеку кино смотрела, «История «О» называется. Ну, там, конечно, все преувеличено, Запад все-таки, опять же для пикантности кое-что вставлено. Но, в общем-то, похоже. И все же, когда в первый раз в зал вошла, чего себя-то обманывать, струхнула, конечно. Хорошо, хоть Валечка рядом была. «Да ты не бойся, – говорит, – это они пока трезвые, так зыркают. Счас немного тятнут и расслабятся». И точно, расслабились. Тогда-то старичок тот и заметил. Да и она к нему как к отцу относилась, может, даже как к деду. А когда в газете траурную рамку увидела, даже всплакнула...

Нет, конечно, спасибо шефу, работа ничего, не пыльная, и среди людей всегда и какое-никакое внимание. Опять же комнату вон дали. В валютном комнату не заработаешь. Конечно, до пенсии и здесь не протянешь. Не сколько там еще осталось, три-пять лет от силы. Если уж честно, утром, с похмелья особенно, пока морду не намалюешь, смотреть на себя страшновато. Шея особенно выдает. Вот уж правду говорят, возраст женщины по шее, да по рукам определяется...

Эх, Альберт, Альберт, ничего-то ты не понимаешь! И тоже моду взял, все пристаёт, сколько их было, да когда, может, и «как» еще ему подавай! Сколько-сколько! Нисколько. Один был, первый, автогонщик, между прочим. Любила до смерти, уже до смерти, уже и заявление подали, а он возьми и разбейся! А теперь вот ты – второй! Смеется. «Что-то я всегда вторым оказываюсь, – говорит. – А пер-

вые все летчики-испытатели, парашютисты-десантники, автогонщики. И все бьются. Может, потому и живой, дурачок беленький. То же душой была, ох, какой душой! Саньке все, как на блюдечке, тогда выложила, и о первой, и о втором, и о третьем, все до деталей. А он вместо того чтобы пожалеть, – «шлюха ты», говорит, и по морде. Сам ты шлюха, бандит рыжий. Вообще, гады все они: сначала ухайдакают девку, а потом пальцем тычут. Будто на другой планете все эти танцы-манцы, зажиманцы. А потом вроде спустилась и «ах», «ох», «откуда!» Подавай им теперь чистеньких да чинненьких, да еще чтоб в белых платицах порхали и чтобы только рот разевали: «Ах, какой ты у меня удивительный, ах, какой мужчина!». А я так думаю, от страха это у них все, от неуверенности в себе. Не дай бог. Их женщине с кем-то другим лучше было, кто-то большим самцом оказался, чем они сами. Не, Альбертик, теперь ты из меня ничего клещами не вытащишь, ученая. Был один, первый, автогонщик, и все тут! А с работы, конечно, хочешь не хочешь, уходить надо. Да и уезжать отсюда надо. Все равно кто-нибудь болтнет, выложит чего и не было. Слава богу, место тепленькое, в любой город поменяться можно, в тот же Крым. И все сначала, с первого дня, с единственного, с любимого... Так что, шеф, спасибо тебе за все. Но у вас там политика, а у меня, извини, жизнь решается. И прямо сегодня же, вот уже в третий раз стучится, и чего ей неймется, не работает же, дома сидит, муж завскладом, живым и мертвым домой тащит, а сам все на меня пялится, эта чучундра старая, конечно же, заметила, потому и злится, только на кой он мне, боров твой неотесанный. За что коммуналку не терплю, даже в ванной вдоволь не поваляешься, а какое милое дело! У них там, говорят, у всех бассейны во дворах прямо, собственные, такие же, как на «Казачьем броде», даже еще лучше. Плынешь себе так, а рядом поднос плывет, пробковый, а нем – шампанское, ананас, нарезанный ломтиками, так, чтоб капельки желтенькие побле-

скивали. А на берегу Альберт в качалке, в белом костюме, с сигарой. А может, и Санька в джинсах, со своей рыжей шевелюрой. Как запустишь туда пальцы!.. Нет, Санька бы тот не сидел, в бассейн прыгнул прямо в джинсах, и тут же в воде, не отходя от кассы, сумасшедший, а уж потом и шампанское, и водочку, и этот, как его, ананас. Да, так значит, вылезу сейчас, прикинусь поприличнее и – к шефу. А что он сделает? Да ничего! Подумаешь, напугал, волчий билет. А если я пасть открою? Да заткнись ты, зараза, слышу! Леночка, Леночка, телефон! Вот так ее! А теперь махровым полотенчиком себя обмотать, укутать, мяконьким, тепленьким таким, с трубы, и ананасов ихних не надо. Тоже мне, невидаль, да я их целую плантацию уже слопала. Здесь опустить чуть-чуть, чтобы ямочка была видна, грудь-то еще ничего, слава богу, еще поремся и медальончик, пусть, гады, палятся. Нет, какая я все-таки хорошенькая! И босичком шлеп-шлеп... Тьфу, черт! Вместо того чтобы орать, хоть пол бы разок протерла, лахудра! Только сигаретку в губы, локотком опереться, ножку на скамеечку поставить, ножка-то какая беленькая, гладенькая. И все тебе одному, понял? Эх, никого рядом нет, обидно даже.

«Алло! Слышу, слышу, чего орешь. И не Бурда я тебе, а Елена Сергеевна. Казачий Брод, говоришь, и чтоб в форме? А я всегда в форме! А знаешь что, видела я вас всех! Да-да, и шефа тоже, и Хозяина, и все эти литеры ваши. Чего-чего? Ничего! Замуж выхожу! Угу... Так и доложи. Привет...».

Вот и умница. Ну теперь только личико нарисовать остается. Эх, Альбертик, Альбертик, ничего-то ты не понимаешь, золотой мой...

В. Кулиничев, А. Смирнов Три рецензии из «Подъема»

К 55-летию открытия в ВГУ специальности «Журналистика» и к 100-летию ВГУ готовится к изданию книга о преподавателях факультета журналистики Вадиме Георгиевиче Кулиничеве и Александре Тихоновиче Смирнове. Они были не только коллегами, но и друзьями, которых объединяло многое, и прежде всего – театр (они известны как актеры, режиссеры, сценаристы университетского театра «Парадокс» и «Театра песни»), а также – публицистика. Во многих воронежских СМИ печатались их материалы: Кулиничев предпочитал писать в жанрах очерка, статьи, рецензии, Смирнов проявлял себя еще и как фельетонист. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей «Акцентов» три совместные литературно-художественные рецензии наших коллег, опубликованные в журнале «Подъем».

Горизонт прозы Иван Евсеенко. Солнце над лугом. Центрально-Черноземное книжное издательство. 1977 г.

Спорили о праве на жизнь такого термина, как «деревенская проза». И, на наш взгляд, зря спорили. Потому что не будь этого термина, критики придумали бы другой для вполне условного обозначения вполне определенного проблемно-тематического слоя нашей литературы. Знак, необходимый для удобства общения. Но – знак времени, ибо то, что мы помечаем словами «деревенская проза», рождено важным и острым материалом действительности, который потребовал особо пристального внимания к себе со стороны литераторов – и от прозы, и от публицистики.

Материал жизни богаче самого богатого литературного явления. Хотя это аксиома, мы намеренно решили напомнить о ней – как об исходной формуле. Тем более, что о ней порой забывают. Забывают подчас приверженцы вышеназванного термина, сужая и чересчур формализуя явление, за ним стоящее.

Практика подтверждает аксиому.

Вот перед нами только что прочитанная книга явного представителя «деревенской прозы» воронежского писателя Ивана Евсеенко «Солнце над лугом». По своим внешним признакам она настолько традиционна, что диву даешься: так жестко ложится она в периодическую систему типов и ситуаций

современной деревенской прозы. Здесь и странно-ватые сельские старики, берегущие вместе с любовью к земле давние навыки и повадки; и вихрастые мальчишки, которые и сквозь будни несут в себе сказочное мироощущение дня; и женщины с неустроенной личной судьбой, но не потерявшие тихого доброго сердца... Есть и легко узнаваемый слепой музыкант, который, конечно же, не на баянные кнопки нажимает, а чужой души бережно касается пальцами; и даже – деревенская «юродивая», лишившаяся рассудка девушка, сохранившая чистоту души и веру в любовь.

Всё это было, было...

Но Евсеенко словно бы и не знает, что все это уже было. Пишет, будто об этом еще не писали, – с удовольствием. И прекрасно видит и любит то, о чем пишет. Правда, сразу заметим: в книге нет ликующей наивности простодушного открывателя велосипедов. Искусство, конечно, невозможно до конца сравнивать с изобретательством. Оно иногда откровенно и демонстративно вбирает в себя то, что было раньше. И оказывается (если это искусство), что повторенная атрибутика не столь уж существенна. Существенными оказываются любовь к предмету и умение видеть его именно своими глазами.

Вспомните, как мы, влюбившись в какое-нибудь прошедшее время и читая про это время книги, ловим себя на том, что нам мало одного, пусть даже очень хорошего автора. И мы множим эмоциональное знание этого времени с помощью книг других писателей. И при этом испытываем и радостное узнавание уже узнанного, и удивляемся многоликости времени, не повторяющемуся ни в предметных подробностях, ни в оттенках мысли и чувства. Хотя всего-навсего продолжаем разворачивать перед собой картину «типичных характеров и типичных обстоятельств», утверждая в себе образ времени.

Евсеенко традиционен в хорошем смысле. И традиционен не только в атрибутике. Он продолжает рассмотрение традиционных проблем. Строчки Евсеенко освещены светом непрерывно развивающейся от поколения к поколению идеи человечности и духовности.

Вот, скажем, герой книги «Солнце над лугом». В большинстве своем – это тот, о ком нередко языком лубочного пафоса пишут: «простой... самый обыкновенный... от сохи (культиватора, К-700)» и пр. и пр. Думается, что выбор «ранга» героя продиктован вечными соображениями литературы

Об авторах: Кулиничев Вадим Георгиевич (1942-2000), кандидат филологических наук, доцент.
Смирнов Александр Тихонович (1945-2003), старший преподаватель факультета журналистики ВГУ.

нашенской – традициями «маленького большого человека». Социальными, экономическими изменениями – безусловно. Но социально-психологическими – в первую очередь.

Поэтому трудно считать единственно полноправной героиней рассказа «Перелет снегирей» «юродивую» Манечку, хотя стержень рассказа – она, объединяющая около себя тех, с кем встречается, испытывающая своим детски-наивным и уже неизменным сознанием окружающих.

Манечка, лишившись в пору угона в Германию рассудка, ожидает с войны возлюбленного Федю. Ожидание это – ничем не оскверненная память, бесконечная вера – почти как символ (символика проступает и в точном бытописании: чистота рядом, о полоскании которого вспоминает героиня, – чистота воспоминаний Манечки нынешней, чистота ее совести).

Бесконечность, неизменность, неудовлетворенность сами по себе утомительны. Но люди терпеливы и искренне бережны к тому, кого в старину называли бы «божьем человеком». Манечка же – «людской» человек (в рассказе она еще и «пророчица», все время говорит о «страшном суде», но и этот традиционный признак реальным бытом, реальными отношениями отрицается, переосмысливается). Чувства, которые она вызывает, не обозначишь только словами «жалость», «скорбь». Это более сложные чувства. Или, точнее, одно большое, объемное чувство.

Художественный, поэтический ход в том, что Манечка оказывается для активных, работающих, поспешающих за бегущим днем людей неким средоточием неизбывной, рожденной ими же человечности, которую невозможно убить или вытравить. А если захочешь вытравить, то вытравишь прежде всего в себе. Война убила в Манечке разум, повседневную расчетливость, суетность, но не убила душу – доброту, ожидание, веру... Осколок трагического зеркала, отразивший самую устойчивую и самую человеческую грань сознания окружающих людей. От их сознания неотделимо сознание автора, который словно бы впрямую бытует рядом с этими людьми и так же любовно и бережно относится к своей героине. Любовь и бережность сказались во вкусе и чувстве меры рассказчика – предмет-то рассказа крайне труден. Два-три абзаца «вправо» или «влево» – и были бы либо сентименты, либо патология. Этих абзацев нет.

Цельность, рожденная, главным образом, лирическим отношением автора, его поэтическим взглядом на предмет, дающими новые оттенки знакомым темам, – эта цельность – признак и таких рассказов, как «Петька», «Серафимино счастье», «До конца жизни», «Солнце над лугом».

Сама же книга лишена желанной цельности. Еще в первом сборнике И. Евсеенко бросалось в глаза, как – от вещи к вещи – возникал, продолжался, варьировался образ некоего молчания, которое непреодолимым возмездием вставало на пути тех, кто некогда изменил родной земле, любви, ис-

кренным чувствам дружбы... Причем, это было молчание именно того мира, к которому страстно стремился герой. И хотя образ молчания – тяжелого и безысходного наказания – лишь символически итожил конфликт, был откровенным поэтическим ходом в прозаическом тексте и его замкнутость обрачивалась замкнутостью предупреждения и нравовучения, – была в нем точность. Но в одном месте он стал назойливым и фальшивым, стал напоминать обязательное субботнее наказание – так, для очищения души, – потому что вина «изменника» оказалась сомнительной, не была поддержана социально-психологической правдой. Лирическое сознание, проявившееся в поэтическом ходе, метафоре, символе, оказалось недостаточным для объема прозы.

В рассказе «По щучьему велению» директор районного комбината Иван Владимирович везет на рыбалку к председателю колхоза Зимину своего областного начальника Николая Савельевича. Три разного ранга руководителя попадают в ведение старого рыбака Емели. Поймана рыба, но Зимин настаивает, чтобы старик продолжал закидывать невод – известно, что в озере живет огромная старая щука. Емеля отказывается. Для него, судя по всему, щука – символ родного озера, долгой, устойчивой жизни природы, ее вековых тайн. Но, поддавшись начальственному напору, он все-таки начинает закидывать свой невод.

Почти весь рассказ – о рыбалке, о подготовке к ней, о том, что – при всем при этом – переживает, о чем думает Иван Владимирович, каждую минуту надеющийся: вот сейчас Николай Савельевич заведет разговор о повышении его в должности, о переводе в областной центр... И только в самом конце – как только действительно начался ожидаемый разговор – рассказ целиком переключен на старого Емелю. Емеля бредет через лес домой, веселится с молодыми около клуба, а потом, ночью, неожиданно возвращается к озеру, чтобы поговорить с ним на своем, ведомом только ему языке. Но озеро, естественно, не отвечает, молчанием наказывая Емелю за предательство.

Дело не только в самоповторении, хотя оно опасно. И не потому, что отдает самопародированием, а потому, что таит самоотрицание. Если в конце рассказа «По щучьему велению» использован материал того же порядка, что и в большинстве других рассказов Евсеенко, то есть «добытый» без усилия, знакомый с детства, из сферы долгого окружения автора, определившего его пожизненное мироощущение, – то все остальное, – на материале ином, который как раз «усилия» требует, требует целенаправленного наблюдения, дополнительного размышления. Он сродни очерковому, но не поэтическому. Потому-то и потребовал он в результате объективной манеры повествования, без тех лирических стяжек и символической закругленности, что грянули в финале.

В рассказе, правда, есть сквозная продуманность. Две неравномерные части связаны параллель-

лями с известной сказкой. Каждый из героев своего рода Емеля, надеющийся на всесильное «по щучьему велению?». Подлинный, постаревший Емеля изживает себя под давлением управляющих ритмом современной жизни людей: щуку, отпущенную когда-то, на сей раз не отпускает, отдает на потребу суетному желанию постороннего и непонятого человека. В завершенности одной линии можно при желании увидеть возможную завершенность параллельных...

Но во всём видна заданность, которая привела, вроде бы, к поэтической «точке» (в рассказе – многозначительное многоточие), на самом же деле – к еще одному нравовучению; не предавай природное, исконное. Привлеченный, было, материал, таящий интересные социально-нравственные проблемы, а стало быть, и конфликты, не пройден насквозь аналитическим чутьем прозаика. Автор отыгрался на бедном Емеле, превратив его по сути из живого героя в знакомую модель этакое вечного мужичка.

Почему так много именно об этом рассказе? Потому что в нем сфокусировались, как ни в каком другом, и лучшие, и спорные стороны сегодняшнего мастерства писателя. И его потенциальные возможности. Таких героев, как Емеля, писатель; уже «накопил». Но один раз очертив горизонт увиденного, он не вправе еще и еще раз очерчивать его. Усилия напрасные: горизонт – черта условная. Границы прозы подвижны, ибо за ней стоит подвижный и неисчерпаемый материал жизни.

Впрочем, слово «спорные» правильнее заменить словом переходные. В книге, как нам кажется, отразился переходный этап в развитии художественного сознания Ивана Евсеенко. От того, что он только любит и умеет талантливо показывать, к тому, что, не переставая любить, будет еще по-писательски анализировать. Над чем сумеет размышлять.

Подъем, 1978, № 3.

**И художник, и публицист
Николай Атаров. Дальняя дорога;
Издательство «Советский писатель».
Москва. 1978 г.**

Несколько лет назад Николай Атаров опубликовал в «Новом мире» документальную повесть о Валентине Овечкине. Недавно она вышла отдельным изданием.

Сохранив первоначальное название – «Дальняя дорога», – книга изменилась. Она наполнилась более развернутыми оценками, ход тех или иных размышлений получил большую рельефность. Жаль некоторых утерянных подробностей, но зато появились подробности другие. В целом же повесть приобрела необходимый для отдельного издания объем – не физический, конечно. А содержательней. Духовней.

Сегодня интерес к творчеству и личности В. Овечкина стал более масштабным и глубоким.

«Прародителем» его было первое и счастливое поколение читателей «Районных будней». Н. Атаров пишет об этом времени подробно, словно бы высвобождая энергию реальности из плотных строчек экспрессивно-оценочных статей об Овечкине, написанных другими авторами: «В начале 50-х годов в «Правде» и в «Новом мире» стали печататься главы «Районных будней». Имя львовского литератора вдруг прошло волной по столбцам всей нашей прессы: Читателям не было дела до определения жанра – главы ли повести это или очерки? Но речь шла о восстановлении ленинских норм демократии, о стиле руководства, о правде отношений между хлеборобом и пашней, между колхозом и государством. Вот что подняло волну всеобщего интереса к литературному произведению. Номера «Правды» передавались из рук в руки».

И все-таки в сегодняшнем бытовании имени писателя интересно вот что – оно мало поддается модному и расхожему употреблению «Эффект Овечкина» состоит, на наш взгляд, в том что его личность в читательском представлении существовала словно бы на равных рядом с созданными ею текстами, когда пробелы в знании конкретных биографических данных о самом Овечкине восполнялись (додумываюсь, домысливались), исходя из биографий героев его произведений, когда черты характеров его Мартынова и Долгушина присваивались, как высшая награда, самому Валентину Владимировичу. Имя писателя излучало и излучает свет легенды подобно тому, как излучало его имя Маяковского.

Вот почему, надо полагать, не только литературная специализация Н. Атарова (он не литературовед, не критик) и не только дружба с В. Овечкиным заставили его выбрать угол зрения, под которым и написана книга «Дальняя дорога». Опора на молву и легенду как на реальность, расчет на благодарную подготовленность общественного мнения и страстное желание сообщить то, что известно ему одному, с тем, чтобы легенду конкретизировать и придать ей силу прекрасного опыта человеческой жизни:.. Вот где лежат, как нам кажется, истоки «Дальней дороги» и её своеобразие, соединившее и мемуары, и литературный портрет, и размышления о конкретной судьбе, и оценки того, что сделано В. Овечкиным.

Через личность, через человека, через его поступки, мысли; отношения, к людям, к делу, к стране хочет уяснить для себя и для нас Н. Атаров очень и очень многое – вплоть до такой, казалось бы, узко специфической темы, не дающей покоя литературоведам: кто же был Овечкин – художник или публицист?

И пишет, избегая категоричности формулировок, сохраняя эффект непосредственности «только что» возникшей мысли, которая одновременно и мысль и чувство, нераздельно слитые с фактом. Да так слитые; что и не задумываешься, факт ли вызвал мысль или мысль потребовала явления факта из глубин душевной памяти.

«Не знаю, был ли он крупным художником. Но он был несомненно властным хозяином своей мысли, своей совести, своего суждения о жизни и не очень понимал писателей, которые загоняли в глубокий подтекст то, что казалось им важным, – лавулировали. Никогда он не обижал читателя недомолвками. Прямое слово, даже если о самом горьком, – так, он считал, будет по-ленински. Я на всю жизнь усвоил его запись в блокноте: «Не дай бог помнить только росписи на рейхстаге и забыть про Керчь, забыть немцев под Эльбрусом».

В композиции повести, вместившей в себя рассказ о довоенной, военной и послевоенной жизни Валентина Владимировича, очень, повторяем, важным оказался показ истока его гражданской, писательской личности именно в финале общего повествования. Книга при всей своей внешней «непреднамеренности», стремится к логическому эмоциональному итогу, по крайней мере не оставляющему «недомолвок» для читателя.

И все же «Дальняя дорога» – книга художественно-публицистическая (в этом плане точно соответствующая природе «предмета» исследования), стремящаяся в соответствии с законами, для себя автором избранными, к открытости, незавершенности. Её «за далью – даль» уходит и в прошлое, и в будущее, и в искусство, и в публицистику, и в остро обозначенную проблему, и в мягкую эмоцию чувствительной памяти. Уйдя за эти пределы, мы можем попасть и в область чистого жизнеописания, и вступить на территорию строгого размышления о психологии творчества, и в сопредельные районы историко-литературного исследования.

Николай Атаров, литературный сверстник Валентина Овечкина, начинавший в то же время, что и его друг, словно бы постоянно соотносит две судьбы – свою и Овечкина, намеренно подчеркивая жизненное и духовное лидерство Валентина Владимировича. Делается это искренне, воспринимается как естественная констатация факта, но в структуре книги – это уже прием, помогающий понять причины реального лидерства Овечкина на деревенском плацдарме советской художественной публицистики.

Здесь, в «Дальней дороге», нерасчленимо соединились различные подходы к осмыслению личности писателя. За мемуарным рассмотрением характера В. Овечкина таится продолжение разговора о мировоззрении и мироощущении человека, взявшего в руки перо, об избранном им методе, о жанре... Для нас очевиден вывод: приоритет В. Овечкина объясняется постоянством, целеустремленностью его личности, верностью теме, неподверженностью мироощущения эрозии, конъюнктуры (даже в малейшей степени) и – вследствие этого – таким знанием жизни, которое обладает абсолютный иммунитет против поветрия литературной моды и прочих «инфекций». Его неизменное и мощное качество – острейшее чувство проблемы и, вместе с тем, здравого смысла, истины. Почти что физическое ощущение чьей-то

боли, бьющейся в строчках его произведений, наконец, недюжинный ум и фантастическая жажда справедливости... Все это ставит В. Овечкина в тот типологический ряд литераторов, которые сами становятся истоком конкретной идейно-тематической проблемной линии – в чем и проявляется их реальное лидерство, плодотворность в литературном процессе. Или же, если говорить о периферии влияния, сами могут послужить причиной литературной моды.

Вот почему Н. Атаров не отделяет В. Овечкина от других писателей-деревенщиков, а словно бы намекает недвусмысленно на генеалогию одного из самых заметных и сильных идейно-тематических потоков в нашей литературе на определенном отрезке времени – того, что названо «деревенской» прозой и «деревенской» публицистикой.

В. Овечкин прекрасно ощутил весь художественно-публицистический объем избранного материала жизни, но сознательно развернул к читателю этот объем его экономическо-нравственной стороной. «Экономическое» – как базисное, определяющее – на первом месте. В этом плане и «Районные будни» предстают этапно-базисным явлением по отношению к последующим произведениям той же темы. И Г. Троепольский, и Е. Дорош, и В. Солоухин стали разворачивать этот объем различными гранями, и он засверкал, обнаруживая в своем литературном движении не только многогранность, но и реальную наполненность – экономическую, нравственную, культурную, бытовую...

В. Белов, В. Шукшин, Ф. Абрамов, Е. Носов и другие попытались проникнуть вглубь объема, увидев в его фокусе направленность всех граней, которые – при спрятанной в художественной образе тенденции – оказались размытыми, но зато уловленными все сразу.

Отношение В. Овечкина к собственному творчеству – кто я, публицист или художник? – было в связи с этим сложное. Реализованные другими писателями многообразные «качества и потенции» «Будней» пробудили в их авторе сожаление, что он поначалу назвал свое произведение «очерками», а не повестью, скажем. Думается, реальность этого искреннего сожаления не в том, что вот он, дескать, ошибся, а критики за ошибку ухватились. Реальность – в том действии на писательское существо В. Овечкина полярных сил – художественной прозы и открытой публицистики, – раздирающее тяготение которых сказывалось на протяжении всей жизни. Напряжение, создаваемое разнонаправленностью тяготения, было мучительным, но, как видим, плодотворным.

И все же явный публицистический импульс, желание прямого воздействия на жизнь, масштабность и в то же время острая локальность, открытой проблематики – все это отграничивает «Районные будни» от традиционной эпичности. Они – тем не менее – очерки.

«Жанр» при всей его практической подвижности – категория фундаментальная, он не мо-

жет быть уделом частого и частного открытия. Литературное открытие, откровение никогда не бывает открытием только в области жанра. Оно воспринимается в целом, в комплексе, где «неким новым качеством» выступает совокупность материала, темы, идеи, проблематики, заложенной в произведении перспективы, и вот тут-то уже – жанра, но не в чистом его виде: мы можем говорить о каких-то привнесениях, о расширении диапазона испытанной формы. «Жанр», как ни странно, по прошествии времени оказывается в этом комплексе элементом, самым «косным», традиционным. Художественные «отклонения» от традиционной для нашего глаза формы – явление тоже традиционное. Классический русский очерк, в котором в свою очередь дальние литературные истоки В. Овечкина, при его всегдашней острой публицистической направленности был настолько обогащен опытом взаимодействия с художественной литературой, что воспринимался, особенно позже, исключительно в ряду искусства. Между тем, по своей природе, он – явление всегда пограничное.

Говоря, что «Районные будни» – очерки, мы несколько не умаляем их значения, мы тем самым указываем на их жанровую «колыбель». Более того, мы подчеркиваем чуткую диалектическую преемственную связь В. Овечкина (которая как раз и возмущает писателя) с художественной литературой первой половины 30-х годов, до предела насыщенной публицистикой, – преемственность, о которой писал Н. Атаров.

В плане жанровой характеристики, а точнее, в характеристике типа творчества В. Овечкина – художник или публицист? – Н. Атаров деликатен, тактичен, что ли. Он свидетельствует о сомнениях В. Овечкина, думающего в последние годы о том, каков же его литературный род. «Я не деревенщик, не колхозный писатель, – не Панферов, не Бабаевский, не Замойский. Я партийный пропагандист», – говорил В. Овечкин, не хотевший, чтобы «Районные будни» называли очерками. Свидетельствуя, Н. Атаров оставляет вопрос открытым, ставит многоточие. Но не вообще многоточие, а многоточие направленное. Недаром ближе к концу книги он так пишет о резонансе «Районных будней»:

«Очеркисты пировали свою победу, ощутив жесткую правоту жанра, – характеристики лиц даются только в меру поставленной проблемы, внутреннего мира героев автор касается лишь в той мере, в какой сам насмотрелся и услышал; диалогов, пожалуй, излишек, пейзажей, пожалуй, недостаток. И всё подчинено мысли».

Или – цитируемый в «Дальней дороге» отзыв В. Овечкина на очерк Г. Троепольского «Следы на воде»: «Желаю статье Троепольского не литературного, главным образом, успеха, а делового...».

Ясно: публицистический акцент в работах В. Овечкина был сильнее, стремление к прямому жизнетворчеству – активнее.

Ставя многоточие, Н. Атаров словно бы смотрит вперед, видит в дымке убегающей дальней дороги, как сходятся вплотную или идут на расстоянии, но всегда вблизи, всегда параллельным курсом, – художественность и публицистика. И дальняя дорога эта, которой не будет конца, – дорога отечественной литературы, по которой шел, увлекая за собой других, Валентин Овечкин.

Подъем, 1979, № 6.

**Книга о всегда молодой планете
Лев Кройчик. Своя планета.
Центрально-Черноземное
книжное издательство, 1984.**

Доцент воронежского университета Л.Е. Кройчик написал книгу. Не научную. Публицистическую. Называется она «Своя планета» и посвящена студенческим стройотрядам. Если знаешь, кто автор, связь между фактами, которые легли в основу книги, видна невооруженным глазом. Вузовский ученый – прежде всего педагог. Его беспокойное сердце должно быть озабочено проблемами общественной жизни студентов. И книга ясно дает понять: озабочено. Еще как озабочено!

В данном случае не это, вроде бы, главное. Читатель может не знать, кто автор, как он работал. Его интересует качество предложенных ему строк. А если они публицистические, то – их документальная насыщенность и острота сегодняшних проблем, в них отраженных. И все же есть резон в том, чтобы «рассекретить» автора. Здесь это можно сделать, ибо сразу многое объясняет: темперамент книги, ее броскую эмоциональность, пафос и неподдельную слитность автора с материалом «Своей планеты».

... Вот «мотался» Л. Е. Кройчик многие летние месяцы по стройотрядам. Прямым рейсовым транспортом, на перекладных, с оказией – как придется. Собирал материал для книги. Смотрел, слушал, расспрашивал – записывал. Журналистски оперативно излагал свои впечатления и мысли в строчках и «пропускал» их через страницы областной молодежной газеты, а иной очерк публиковал в университетской многотиражке. Отбирал и копил содержание, искал слово и интонацию. И уже во всем этом проявлялась воспитательная, организаторская роль педагога по отношению к студенту, которого он и без того знал и знает, потому что каждый день с ним и в учебе, и в общественной работе. Но не только поэтому студенческая целина, – и его планета.

Начинается книга двумя очерками – «Даешь целину!» и «Время легенд». Первый о том, как убирали воронежские студенты (и Л. Е. Кройчик в том числе) в далеком уже 56-м году целинный хлеб Казахстана. Второй – про 64-й год, про первый воронежский областной студенческий стройотряд, который яростно трудился в том же Казахстане, и автор «Своей планеты» тоже был там.

Эти очерки читаются особенно увлеченно. Ав-

тор не преувеличивает серьезности конфликтов, не укрупняет события, хотя в них были трудности и даже драматизм. Но он понимает: факты, о которых рассказывает, – уже дорогой для нас документ. Он старается передать нам настроение того времени, его азарт – чувство романтики 56-го года. Он рассказывает о прошлом с любовью к собственной молодости и к молодости вообще. К молодости, поступки и настроение которой определяют дальнейшую дорогу.

«Дома я и по сей день храню горсть пшеницы того целинного урожая. Сколько лет прошло? Десять... пятнадцать... двадцать... Двадцать семь. Я не знаю, прорастут ли эти зерна, если их бросить в землю. Но я знаю, твердо: все эти годы мы пожинаем урожай той нашей первой целинной страды. Лето пятьдесят шестого дало всходы товарищества и стойкости, верности и надежности, человечности и тепла. Первый отряд – как первая любовь...».

«Время легенд» – это уже осмысленное начало процесса, ставшего привычным.

И далее – история воронежского областного студенческого стройотряда – в лицах, в картинах. История, увиденная последовательно, так, что не пропущен ни один из важных ее этапов, не забыты фамилии всех (или почти всех) знаменитых целинников, многие из которых давно, закончили вузы, но их имена до сих пор витают в институтских коридорах.

Хронологическая последовательность повествования как бы сама по себе позволяет отразить диалектику становления и развития студенческого строительного движения от «домостроевского» самана 50-60-х годов до индустриального размаха сегодняшних работ. Если говорить о «населении» «Своей планеты», то и здесь очевиден интерес автора. На первом месте – портреты лидеров ССО: командиров, комиссаров, инженеров. Герои книги – будь то Н. Лифер, О. Степанов, В. Круссер, В. Ефанова, С. Мошкин; Е. Коржов, О. Шишкина и другие по праву удостоены «персональных» очерков. Они являются не только представителями различных поколений воронежской «целины». В их публицистических портретах отчетливо видны характерные черты, удостоверяющие, в частности, в том, что эти ребята и девушки заняли командные высоты в стройдвижении не по прихоти номенклатурной воли, не «попав в случай», а по причине реальных способностей, воплотившихся в реальных делах. По причине человеческого соответствия, тем проблемам и задачам, которые ставит перед молодежью страны день нынешний и день завтрашний.

Между прочим, в том и заключается одно из достоинств книги, что автору удалось без какой-либо дидактики показать государственную значимость института строительных отрядов в общем ходе наших дел и забот, рассказать, как «в настоящей, трудной, а не словесной или бумажной борьбе» (Л. Рейснер) формируются характеры молодых людей, закладываются опоры их трудовых биографий.

И Юрий Горовенко, из тех «единственных» шестидесятых, и Борис Ахмаров, нынешний командир студентов-строителей, в книге Л. Кройчика не просто жители «планеты Целина», а земляки по духу и стремлениям. Эта авторская мысль реализуется не в словах типа клишированного заголовка «эстафетная палочка», а скрыта в самом тексте, являясь его несущей идейной конструкцией.

Подчеркивая первичность сферы материального производства, осознавая ее серьезность и значимость, автор, тем не менее, настойчиво выводит своих героев из-под крыш добротных и конкретных жилых домов и сельскохозяйственных помещений на разговор о моральной атмосфере движения. Ибо трудно добиться освоения миллионов и миллионов рублей (даже отринув устарелые мерки и каноны строительной технологии и методов управления) без освоения нравственного капитала, без уроков гражданского становления личности, заключенных в опыте ССО. «Загрязнения нравственной среды» не должно иметь креста на студенческой планете. «Рублевому» настроению, время от времени подающему голос, и противостоят в жизни и в книге Геннадий Чикин, Олег Степанов, Евгений Коржов, Зинаида Корнева и их товарищи – «отцы и дети» целины.

Подкупающе взволнованная, искренняя интонация первых глав создает и соответствующий настрой у читателя. Да кому, как не автору сего целинной биографией (от рядового бойца до комиссара областного штаба ССО) знать жизнь своей планеты! Но не только доподлинные впечатления очевидца и участника обогащают восприятие этих глав. Важно то, что основным героем является не отдельная личность, а масса – решающая сила любого деяния. И надо отдать должное автору, когда он, без видимого для читателя напряжения, на небольшой постраничной территории – на едином дыхании – сумел нарисовать целую галерею образов молодых энтузиастов: Юрия Мещерина, Владимира Гусева, Владислава Аникеева...

Первые главы написаны в форме портретного очерка, и форма соответствует содержанию – той памяти о начале студенческой целины, которой делится с нами автор. К сожалению, в дальнейшем примат портретного очерка (с «вторжением» элементов проблемного) невольно сужает горизонт авторского интереса, а вслед за ним – и читательского. Наше замечание вовсе не означает отказа в гражданственности портретному очерку, не ортодоксальная приверженность в выборе публицистической формы, ее одинаковое, равномерное использование на протяжении всей книги рождает во второй части «Своей планеты» монотонность восприятия. Наверное, книга стала бы «живее», темперамент ее сохранился бы до конца – зазвучи с ее страниц монологи и диалоги командиров, бригадиров, бойцов линейных отрядов разных лет, композиционно встроенные в контекст, «народные сцены» придали бы книге большую масштабность и субъективность. Тут же мы сталкиваемся иногда

с нарочито поданным приемом, когда «массовка» работает только на публицистическую фигуру лидера, как в очерке «Дело».

А вот другая, очень существенная, «крепежная» конструкция книги порой провисает в воздухе, не выполняя своих прямых функций. Переданное ли через открытое «я» участника событий или растворенное в микроклимате очерков – присутствие автора становится тем более необходимым, когда речь заходит (по словам Ю. Лотмана) о том, чтобы «в общих чертах определить пути будущего не в порядке благих пожеланий или директивных советов, а в виде научно обоснованных гипотез». Другими словами, движение к последним главам мы хотели бы видеть как движение к очерку проблемному. Тогда в изменении видовых форм жанра отразилось бы движение времени. От тех давних дней, многие проблемы которых решены или же ушли, остыли, к дням сегодняшним, сохранившим верность началу движения, но породившим массу новых проблем, – ибо публицистика жива только актуальной проблемой. И тогда произошел бы желанный и естественный переход от «мемуаров» к публицистике активной, анализирующей, требующей, рекомендующей.

Мы знаем, как напряженно умеют работать стройотряды, – автор говорит об этом. Мы знаем, что такое напряжение очень часто компенсирует нерасторопность и промахи заказчиков, – автор не забывает сказать об этом. Но как нужен подробней-

ший, всесторонний анализ хотя бы одной, до боли знакомой ситуаций, показывающей, как неумело, неэффективно, а порой равнодушно используются на местах ресурсы студенческой сознательности, студенческого творчества. Анализ, проведенный со стройотрядовцами, – им же в науку и назидание, – показывает, что именно эта, длящаяся то там, то здесь проявляющая себя ситуация подрывает энтузиазм и романтику. И это не было бы выходом за рамки темы: «Твоя планета» – не замкнутая в себе «земля», а обиталище молодых людей, рожденное государственными потребностями. Книга завершалась бы продуктивно осмысленным конфликтом, а ее композиция, минуя декларативную концовку, оказалась бы открытой завтрашнему рабочему дню. Характерно, что на одном из обсуждений «Своей планеты» в студенческой аудитории стройотрядовцы, словно бы забыв о книге (хотя как раз она послужила прекрасным поводом для спора), страстно заговорили об этой стороне дела.

... Впрочем, это одно из возможных пожеланий автору очень нужной книги.

Подъем, 1985, № 10.

EDITORIAL

V. Tulupov

Media Wars of Regional Scope	2
------------------------------------	---

BEGINNING OF THE ISSUE

V. Akatkin

«To Save Life from Death...» (Approaching «Vasily Tyorkin»)	12
---	----

Abstract: the article examines the evolution of the theme of war and peace, life and death in the poetry of A. T. Tvardovsky 20–30-ies, the formation of his world, substantive and stylistic foundations of folk epic «Vasily Terkin».

Key words: peace, war, life, death, plot, theme, time, space, people, people, romanticism, realism, poem, poem.

THEORY AND PRACTICE OF JOURNALISM

D. Tatarenkova

Revisiting the Special Press for the Convicted	18
--	----

Abstract: the article deals with the role of special press in the social rehabilitation of the convicted.

Key words: press, the convicted, social rehabilitation, Penal Code, questionnaire survey.

O. D. Ferras, V. Khorolsky

Hedonistic Tendency in Journalist Popular Scientific Texts (through the Example of UNESCO Journals)	25
---	----

Abstract: The article deals with media texts with popular-scientific content and hedonistic trend. Mediality and scientific content are investigated as sociocultural phenomena and culture-informational analyses of media texts and discourses is applied.

Key words: mass media, mediality, hedonism, popular-scientific texts, scientific content, sociocultural phenomena, mass culture.

HISTORY OF JOURNALISM

How Benkendorf banned «Literaturnaya Gazeta»	35
--	----

EDUCATION

O. Marar, T. Pavlova

Gender Aspects in Education	40
-----------------------------------	----

Abstract: The article dwells on the gender aspect in the sphere of education through the example of the Voronezh region.

Key words: gender aspect, education, schools and universities, living standards, teachers' income.

REPORTS	77
---------------	----

THE LIFE SCIENTIFIC

T. Lebedeva

Journalism in the Year of Culture	48
---	----

STUDENTS' EXPERIENCE

E. Polyakova

Efficiency of Using Rhyme in the Slogans of Medical Products	50
--	----

Abstract: the article dwells on of the methods employed in creating an artistic form - the rhyme.

Key words: slogan, rhyme, marketing, brand, sales proposition.

WORKS OF OUR COLLEAGUES	52
-------------------------------	----